

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра теологии и религиоведения

М.О. Орлов

ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

*Учебное пособие для бакалавров
по направлению подготовки 030100 – Философия*

Орлов М.О.
История античной философии: учебное пособие для
бакалавров по направлению подготовки 030100 – Философия

Учебное пособие содержит лекционные материалы и список рекомендуемой литературы по дисциплине «История античной философии». В пособии подробно рассматриваются основные этапы развития философских идей античных мыслителей. Пособие содержит глоссарий основных понятий античной философии.

Для студентов и всех интересующихся вопросами философии.

Рекомендуют:

Научно-методическая комиссия философского факультета
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Доктор философских наук, профессор В.А. Фриауф
(Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского)
Доктор философских наук, профессор Е.И. Беляев
(Саратовский государственный университет им.Н.Г. Чернышевского)

Саратов
2014

Оглавление

Предисловие

Часть 1. Сократ

Глава 1. Жизнь Сократа

Глава 2 Этика Сократа

Глава 3 Понятия свободы, счастья, человека, добродетели

Глава 4 Теология Сократа

Глава 5 Диалектика Сократа

Часть 2 Сократические школы

Глава 1 Антисфен: прелюдие кинизма

Глава 2 Диоген Синопский

Глава 3 Кратет: соотношение философии и жизни

Глава 4 Значение кинизма

Часть 3 Сократические школы

Глава 1 Киренская школа

Глава 2 Аристипп и ученики

Глава 3 Гедонизм: наслаждение и боль

Глава 4 Мегарская школа: Евклид

Глава 5 Евбулид, Диодор Крон, Сильпон: Развитие логики

Глава 6 Элидская школа: Федон

Часть 4 Платон. Метафизика

Глава 1 Жизнь и творчество Платона

Глава 2 Логика и методология

Глава 3 Метафизика

Глава 4 Критика чувственного знания и теория идей

Глава 5 Космология

Глава 6 Душа, нравственность

Часть 5 Платон и его школа

Глава 1 Идеальное государство

Глава 2 Концепция человека

Глава 3 Диалектика, искусство, риторика

Глава 4 Учение о Едином

Глава 5 Школа Платона: Древняя Академия

Часть 6 Аристотель. Физика и метафизика

Глава 1 Жизнь и творчество

Глава 2 Логика и методология

Глава 3 Новый понятийный аппарат философии

Глава 4 Аристотелевская критика Платона

Глава 5 Метафизика

Глава 6 Физика: мир, жизнь, человек

Глава 7 Математика

Часть 7. Аристотель и его школа

Глава 1 Психология

Глава 2 Общество: этика и политика

Глава 3 Идеальное государство

Глава 4 Логика, риторика, поэтика

Глава 5 Школа Аристотеля: перипатетики

Глава 6 Теофраст

Глоссарий

Предисловие

Классическая греческая философия.

Классическая греческая философия так называется не только потому, что она совпадала по времени с эпохой классицизма, но и потому, что в творчестве перечисленных мыслителей философия достигла пика своего расцвета. Проблемы, поднятые Сократом, Платоном и Аристотелем – это проблемы, над которыми бьются до сих пор, все вопросы, которые ставят современные философы были впервые поставлены ещё в древности. Действительно, трудно не согласиться с философом Спенсером, сказавшим, что Платон – это сама философия.

Классическая греческая философия во многом продолжает проблематику первофилософов, философов физиса, впервые открывших для нас “любовь к мудрости” и понявшими ценность и важность мысли для человека, для его развития: духовного и телесного, для воспитания в гармонии.

Платон утверждал, что философия есть познание сущего, вечного и непреходящего, делающая человека человеком, воспитывающая его в добродетели и готовящая к блаженной жизни. Аристотель утверждал, что философия есть исследование первопричин и первопринципов, ведущих к истинному познанию.

Но именно Сократ по праву считается учителем и вдохновителем всех последующих философов: в своём учении он заложил основу для будущих вопросов,

однако, как считают исследователи, каждый последующий философ взял из его богатейшего наследия только часть, которую развил в целое учение. Однако только у Сократа, Платона и Аристотеля философскую систему можно в самом деле считать полной, целокупной и завершённой, даже не смотря на то, что целого и полностью изложенного учения никто из них не создал. Кроме того, можно смело утверждать, что на основе философских построений этих философов были созданы научное знание, то есть все будущие науки: начиная биологией и заканчивая этикой и эстетикой. Поэтому, для понимания дисциплин, которые изучает человек, необходимо вначале разобраться с философией Сократа, Платона и Аристотеля.

Часть 1. Сократ

Жизнь. Этика Сократа. Понятия о человеке, добродетели, свободе, счастье. Теология Сократа. Диалектика Сократа. “Я знаю, что ничего не знаю”.

Глава 1 Жизнь Сократа

Один из самых известных персонажей древнегреческой философии, чьи идеи стали предметом философских размышлений и дискуссий, не только в Древнем мире, но и сейчас, Сократ родился в Афинах между 470 и 469 годами до нашей эры. Жизнь его была яркой, однако сложилась непросто, ибо он был сыном каменотёса и повивальной бабки, а в придачу обладал уродливой внешностью: курносый нос, толстые губы, лысый череп, крутой лоб. История сохранила предание о том как однажды в Афины приехал учёный знахарь, который безошибочно угадывал характер человека по внешности. Его повели к Сократу – он без промедления сказал: “Жаден, развратен, гневлив, необуздан до бешенства”. Афиняне расхохотались и уже хотели, было, поколотить знахаря, так как во всём городе вряд ли нашлось бы более добродушного и неприхотливого человека чем мудрец, но Сократ их остановил: “Я действительно в молодости чувствовал в себе жадность и гнев, но сумел взять себя в руки, воспитать себя и стать таким, каким вы меня видите”.

Жил он бедно, ходил в грубом плаще, ел что попало, говоря при этом недоумевающим соседям: “Я ем для того, чтобы жить, вы же живёте для того, чтобы есть. Но при всём этом Сократ обладал необычайным обаянием и

харизмой, он мог влиять на молодёжь и даже на людей зрелых, передавая им свои взгляды, что вызывало ненависть и открытую вражду со стороны властей. Более того, в Афинах трудно было найти человека, который был бы так мужественен и непоколебим во время войны. Сохранилось предание, согласно которому Сократ отличился в войне с соседним городом-государством.

Жизнь Сократа пришлась на период наивысшего расцвета и заката его родных Афин. После персидского нашествия и разорения город быстро восстанавливался и укреплялся в экономической и военной сфере. И все условия способствовали появлению в этом прославленном полисе гениальных людей: мыслителей, поэтов, государственных деятелей. И вот на фоне всего этого в Афинах стал учить Сократ. Но при этом сведения о нём носят, как правило, легендарный характер, что, от части, объясняется тем, что в греческой традиции Сократ был, своего рода, фольклорным персонажем. Нет человека, который бы сомневался в реальности его существования, но каково было его собственное мировоззрение, об этом нам практически ничего не известно. О Сократе мы можем прочитать в диалогах одного из его лучших и успешных учеников – Платона, в сочинениях Ксенофонта, известнейшего историка, описавшего поход десяти тысяч греков из внутренних областей Персии в книге “Анабасис”, в комедиях Аристофана и так далее. Но везде Сократ предстаёт в разных образах: Платон идеализирует своего учителя, наделяя его речь парадоксальными и глубоко

философскими размышлениями, способными поставить собеседника в тупик. Более того, невероятно трудно и проблематично понять, принадлежит ли высказанная мысль Сократу или Платон просто использует имя своего учителя в качестве авторитетного мнения, вкладывая в своих диалогах, получивших позже названия “сократические” в уста учителя собственные идеи. Аристофан, “отец комедии”, как называли его современники, иронизировал над мудрецом, представив его в своей комедии “Облака”, написанной в 423 году до нашей эры, в качестве неумного демагога, напыщенного самодура и софиста. Он живёт под вывеской “Мыслильня”. Качается там в корзине под потолком, чтобы быть поближе к облакам, размышляя о тайнах мироздания (например, передом или задом жужжит комар?) и молится Облакам. Облака – это новые боги: они могут принимать любой вид и гремят не хуже самого Зевса. Ксенофонт в своих работах рисует образ Сократа как учителя житейской мудрости, носителя строгой добродетели, что делает непонятным, почему афиняне вообще смогли казнить такого человека.

Таким образом, нарисовать достоверный образ Сократа практически невозможно, что усугубляется тем, что мудрейший из всех эллинов, как о нём отозвался дельфийский оракул, ничего не написал. Сократ проповедовал свою философию в устной форме, полагая, что только живое слово и непринуждённый диалог смогут донести мысль до слушающего. Именно поэтому он не оставил никаких произведений, предоставив своим

ученикам право записать его суждения и изложить учение.

Афиняне любили Сократа, считали его мудрецом, который, наконец-то, сумел победить софистов. Однако правители его побаивались. После поражения Афин в войне со Спартой, государством стали управлять тридцать тиранов во главе с жестоким Критием (кстати, он тоже был учеником Сократа). Страну захлестнули репрессии: граждане недоумевали: как это получилось, что ещё совсем недавно Афины были “школой Греции”, самым сильным государством во всей Элладе, а теперь всю страну лихорадит и она стоит на краю гибели? Возможно, виноваты такие как Сократ или те, кто призывал отречься от отеческих традиций и богов, кто хотел ввести новые порядки и законы. Первыми под удар попали софисты, но очередь позже дошла и до Сократа. Именно Сократ настаивал, что следует выбирать начальников в Народное Собрание не по жребию, а за опыт и умение; Сократ говорил, что все решения ему нашёптывает “демоний”. В его учении проскальзывала идея бесконечности мысли, идея, что человеческую мысль можно направить в бесконечность, что всегда пугало античного человека. Поэтому его привлекли к суду, обвинив в богохульстве, нарушении отцовских порядков, растлении молодёжи и неверии. В общем, осуждают Сократа за то же, за что судили философов Анаксагора и Протагора в своё время, а именно: за то, что он портит нравы юношества и вместо общепризнанных богов поклоняется новым, отрицает

существование Зевса. Главными обвинителями были трое деятелей: Мелет, Анит и Ликон, и все они требовали смертной казни для мудреца.

Сократ не признаёт обвинений, говоря, что будет защищаться не ради себя, но ради государства, и что нет более полезного для афинян человека чем он сам. Сократ сравнивает себя с оводом, который беспокоит разжиревшего коня (то есть обленившихся граждан). Первый пункт обвинения Философ опровергает утверждением, что он никогда не хулил богов, более того, сам дельфийский оракул (то есть Аполлон) признал его мудрейшим среди эллинов, поэтому Сократ считает себя вправе учить других. Второй пункт обвинения гласил, что Сократ развращал и портил нравы юношества, вследствие чего некоторые его ученики, а именно: Алкивиад и Критий поставили государство на край гибели. На это мудрец справедливо возразил, что когда эти деятели слушали его, то были хорошими гражданами, а отбившись, стали опасными людьми. После этого Сократ выступил со следующей перед решением суда речью. “Граждане афиняне, — говорит Сократ, — против меня выдвинуты два обвинения, но оба они такие надуманные, что о них трудно говорить серьезно. Наверное, дело не них, а в чем-то другом.

Говорят, будто я не признаю государственных богов. Но ведь во всех обрядах и жертвоприношениях я всегда участвовал вместе со всеми, и каждый это видел. Говорят, будто я поклоняюсь новым богам, — это про то, что у меня есть внутренний голос, которого я слушаюсь.

Но ведь верите же вы, что дельфийская пифия слышит голос бога и что гадалеям боги дают знамения и полетом птиц, и жертвенным огнём; почему же вы не верите, что и мне боги могут что-то говорить?

Говорят, будто я порчу нравы юношества. Но как? Учю изнеженности, жадности, тщеславию? Но я сам ведь не изнежен, не жаден, не тщеславен. Учю неповиновению властям? Нет, я говорю: “Если законы вам не нравятся, введите новые, а пока не ввели, повинуйтесь этим”. Учю неповиновению родителям? Нет, я говорю родителям: “Вы ведь доверяете учить ваших детей тому, кто лучше знает грамоту; почему же вы не доверяете их тому, кто лучше знает добродетель?”

Нет, афиняне, меня здесь привлекают к суду по другой причине, и я даже догадываюсь, по какой. Помните, когда-то дельфийский оракул сказал странную вещь: “Сократ – мудрее всех меж эллинов”. Я очень удивился: я-то знал, что этого быть не может, — ведь я ничего не знаю. Но раз так сказал оракул, надо слушаться, и я пошёл по людям учиться уму-разуму: и к политикам, и к поэтам, и к гончарам, и к плотникам. И что же оказалось? Каждый в своём ремесле знал, конечно, больше, чем я, но о таких вещах, как добродетель, справедливость, красота, благоразумие, дружба, знал ничуть не больше, чем я. Однако же каждый считал себя знающим решительно во всем и очень обижался, когда мои расспросы ставили его в тупик. Тут-то я и понял, что хотел сказать оракул: я знаю

хотя бы то, что я ничего не знаю, — а они и этого не знают; вот потому я мудрее, чем они.

С тех самых пор я и хожу по людям с разговорами и расспросами: ведь оракула надо слушаться. И многие меня за это ненавидят: неприятно ведь убеждаться, что ты чего-то не знаешь, да ещё столь важного. Эти люди и выдумали обвинение, будто я учю юношей чему-то нехорошему. А я вовсе ничему не учю, потому что сам ничего не знаю; и ничего не утверждаю, а только задаю вопросы и себе и другим; и, задумываясь над такими вопросами, никак нельзя стать дурным человеком, а хорошим можно. Потому я и думаю, что совсем я не виноват”.

Но доводы Сократа не возымели действия, большинство судей проголосовало за смертную казнь. Приговорённому предоставили последнее слово:

— Я ведь, граждане, старый человек, и смерти мне бояться не пристало. Что приносит людям смерть, я не знаю. Если загробного мира нет, то она избавит меня от тяжкой дряхлости, и это хорошо; если есть, то я смогу за гробом встретиться с великими мужами древности и обратиться со своими расспросами к ним, и это будет ещё лучше. Поэтому давайте разойдемся: я — чтобы умереть, вы — чтобы жить, что из этого лучше, нам неизвестно. Его казнили не сразу: был праздничный месяц, и все казни откладывались. Друзья предлагали бежать из тюрьмы, но Сократ отказался: “Зачем? Чтобы нарушить закон и вправду заслужить наказание.

В Афинах казнили ядом. Сократу подали чашу с цикутой, и он выпил её до дна. Верные друзья, не покинувшие своего учителя, заплакали – он сказал: “Тише: умирать надо по-хорошему!” Его тело стало холодеть и он лёг, а когда холод подступил к сердцу он сказал: “Принесите жертву богу выздоровления”. Это были его последние слова.

Коль скоро все это так, кто-то поспешит сделать вывод о невозможности реконструкции исторической фигуры Сократа и его учений, но сегодня не стоит вопрос выбора среди различных источников и их возможных комбинаций. Скорее важно то, что можно было бы определить как “перспективу до и после Сократа”. Это нуждается в пояснении. Мы констатируем, что *с момента появления в Афинах Сократа как проповедника литература вообще и философская в частности отмечены целым рядом новаций, сразу всеми замеченных, необратимых в контексте греческой жизни, на что постоянно необходимо ссылаться.* Даже более того: источники, о которых шла речь выше, согласны в том, что именно Сократ был автором этих новаций, как эксплицитно, так и имплицитно. Вес и значение сократической философии в развитии греческой культуры и западной философии сопоставимы с этапом подлинной духовной революции.

Поэтому перед нами стоит непростая задача: собрать все противоречивые суждения о Сократе, сохраненные его последователями и современниками и изложить это в

виде целостной философской системы, которая будет называться философией Сократа.

Глава 2 Этика Сократа

Своим названием и выделением в особую научную дисциплину этика, как философская дисциплина, изучающая нравственность, долг, мораль и так далее, обязана Аристотелю, однако её основы были заложены Сократом. Важнейшей категорией сократовской этики было понятие *добродетели*: для того, чтобы носить имя человека, чтобы быть человеком необходимо иметь её знание. Именно на этом построена вся его этическая система. Мудрец полагал, что добродетель – это всегда знание; причём её также можно понимать в более широком плане, а именно: как справедливость, мудрость, постоянство, умеренность. В то же время порок это всегда незнание и невежество. Поэтому человек, совершающий проступок, делает это по неведению. Кстати, через много лет, в эпоху Просвещения мысль Сократа будет повторяться в виде парафраза: “*Omnis peccans sed ignorans*”, то есть грешащие грешат по незнанию. Эти положения Сократа, сводившие моральное благо к факту сознания, кстати, из чего совсем не ясно, почему можно знать добро и не творить его, получили названия “сократовский интеллектуализм”, оказавший влияние не только на греческую мысль, но и на системы классической, средневековой и нововременной философии.

До Сократа общепринятым было представление о различных сферах добродетели: во-первых, это

справедливость, во-вторых, честность, в-третьих, воздержанность, в-четвёртых, умеренность, то есть знание меры, за что боролись известные семь мудрецов и, наконец, в-пятых, это сфера мудрости. До того, как Сократ начал учить практически никто не ставил вопроса о связях между ними. Сверх того, добродетель основывалась на привычках и обычаях, доставшихся от предков, на общепринятых в обществе нормах. Но появившиеся в греческом мире софисты первыми поставили это под сомнение. Они утверждали, что справедливо только право сильного и хитрого. Сократ же призвал обратиться к себе, посмотреть вглубь себя и прислушаться к внутреннему голосу. Недаром, любимым изречением Сократа была фраза, написанная на фронто́не храма в Дельфах: “*GnoJi sauton*” или “Познай себя”. Иногда он замолкал среди разговора, переставал двигаться, ничего не видел и не слышал — погружался в себя. Однажды он простоял так в одном хитоне целую холодную ночь с вечера до утра. Когда потом его спрашивали, что с ним, он отвечал: “Слушал внутренний голос”. Он не мог объяснить, что это такое; он называл его демоний” - божество” и рассказывал, что этот голос то и дело говорит ему: “не делай того-то” – и никогда: “делай то-то”. Иногда речь идет о большом и важном, а иногда о пустяках. Например, шёл он с учениками к рынку, и демоний ему сказал: “Не иди по этой улице”; он пошёл по другой, а ученики не захотели и потом пожалели: в узком месте на них выскочило стадо свиней, кого сбilo с ног, а кого забрызгало грязью. Вот такой

внутренний голос, полагал Сократ, есть каждого, хоть и не каждый умеет его слышать. Этим голосом и говорит тот неписанный закон, который выше и сильнее писаного.

А главное же — не то что мы думаем, а то, что мы делаем. Ведь о столяре мы судим не по тому, как он рассуждает о столах и стульях, а по тому, хорошо ли он их сколачивает. Философ может очень красиво описывать, как из атомов слагаются и земля, и небо, и звезды, но пусть попробует он в доказательство сделать хотя бы самую маленькую звезду! Нет? Так не будем говорить о мироздании, а будем говорить о человеческих поступках: здесь мы можем не только рассуждать, что такое хорошо и что такое плохо, но и делать хорошо и не делать плохо. Этому тоже надо учиться — как всему на свете. Есть ремесло плотника, есть ремесло скульптора; быть хорошим человеком — такое же ремесло, только гораздо более нужное. Ради него-то и бросил Сократ все другие ремесла и зажил бедняком и чудаком. Ремесло это — в том, чтобы знать, что такое справедливость, благочестие, храбрость, дружба, любовь к родителям, любовь к родине и тому подобное. Именно знать: если человек знает, что такое справедливость, он и поступать будет только справедливо. Вы скажете: “Но ведь есть сколько угодно людей, которые знают как надо бы поступить справедливо, а всё-таки поступают несправедливо: кто по злобе, кто из страха, кто из корысти”. Что ж, значит, они недостаточно знают, что такое справедливость, только и всего. Если бы знали по-

настоящему то не предпочли бы ей ни утоление злобы, ни безопасность, ни выгоду.

Если бы внутренний голос сопровождал нас на каждом шагу, доискаться до справедливости и до всего прочего было бы очень просто. К сожалению, это не так: часто он молчит, тут-то мы и делаем самые нехорошие ошибки. Чтобы этого избежать, надо постараться перебрать все возможные жизненные случаи и спросить о каждом себя: справедливо ли это или нет?

А между тем внутренний голос велит подчинить всё относящееся к ценностям власти разума. В этом мнение Сократа совпадало с суждениями натуралистов, которые рассматривали космос и его проявления как сферу, подчинённую законам разума. А, поскольку для Сократа сама природа человека – это его душа, то есть разум, а добродетели суть то, что совершенствует природу человека, то очевидно, что добродетели становятся формой познания, имеющие своей целью совершенствование души и разума. Проще говоря, Сократ утверждает, что добродетели можно научиться, если имеется страстное желание нравственно усовершенствоваться и стать лучше. Время безропотного подчинения традиционным представлениям и для Сократа прошло безвозвратно: место авторитета заняло самостоятельное суждение индивидуума. Но, тогда как софисты, погрузившись в анализ чувств и влечении, лежащих в основе действительных человеческих поступков, увидели себя в конце концов принужденными дать всем этим мотивам одинаковое право на появление

и развитие, сообразное с законами природы, Сократ сосредоточил своё внимание на практическом, политическом и социальном значении, которое завоевали знание и наука. Обособление индивидуума и уничтожение утеснений в проявлении личных страстей показало особенно ясно, что во всех областях жизненной деятельности достоинство человека обуславливается его познаниями и широтой его кругозора. В этом Сократ нашёл объективный масштаб для оценки людей и их поступков, который напрасно искали софисты в области чувств и желаний.

Сократ считает, что сознательно человек никогда не действует неправильно. Ошибка или проступок являются следствием неправильного расчёта и ложных представлений. Поэтому, для того, чтобы совершать правильные, или истинные поступки и деяния, необходимо совершенствовать свою природу и разум, обучаясь добродетели. При этом важнейшую роль играет прислушивание к внутреннему голосу, которым обладает каждый, но не каждый умеет к нему прислушиваться. Грех есть, таким образом, заблуждение. Кто поступает дурно, делает это вследствие неправильного суждения, считая дурное, т. е. вредное, за добро, т. е. благодетельное. И только потому, что это так, имеет смысл нравственно наставлять людей; только потому добродетель может быть сообщена человеку. Ибо всякое обучение обращается к разуму людей. Так как человеку можно сообщить, в чем заключается добро, поэтому и только поэтому - можно повлиять на человека в том

смысле, чтобы он поступал справедливо. Если бы добродетель не была знанием, то её нельзя было бы преподавать.

Следующей категорией этической системы Сократа была категория блага. Мудрец понимал, что человек по природе своей всегда ищет собственного блага и, даже когда совершает проступок и злое деяние, то делает это, опять-таки ради собственной выгоды и блага. Поэтому, ожидая достижения своей выгоды, человек может обмануться, то есть совершить ошибку в расчёте, что, в конце концов говорит о том, что он – жертва собственного невежества и незнания.

Исходя из всего этого, можно сделать основные выводы сократовской этики: познание является необходимым условием благого дела и доброго поступка, так как если не знаешь блага, то не можешь и действовать во имя блага. При этом Сократ убеждён в достаточности знания, то есть в том, что знание имеет возможность стать абсолютным, однако мудрец не поднимает вопроса о воле человека, без чего творить добро нереально, но проблема воли станет центральной в средневековой философии и христианской этике. В общем, грех, в учении Сократа есть всегда ошибка разума и непонимание истинного блага.

Глава 3 Понятия о человеке, добродетели, свободе, счастье

1. Понятие человека

До Сократа, основная проблема, стоящая перед философами заключалась в ответе на вопрос о

первоначале, но в решении этого вопроса первые философы так и не пришли к однозначному выводу. Одни говорили, что бытие – это многое, другие считали его единым; одни отрицали движение, другие напротив, в своих философских построениях не обходились без движения; некоторые мыслители утверждали, что всё рождено и, следовательно будет разрушено, иные, напротив, считали, что ничто не возникает и не преходит. Всё это свидетельствует о сложности и практической неразрешимости данной проблемы, поэтому Сократ был одним из первых, кто целиком и полностью сконцентрировался на проблеме человека, так как, объяснив и поняв его сущность, можно двинуться дальше в философских изысканиях и попробовать решить проблему первоначала.

Исходя из всего этого, Сократ сформулировал для себя основной вопрос, на который должен был ответить, а именно: ***что есть сущность человека? В чём природа и последняя реальность человека?*** В попытках найти решение данной проблемы, мудрец обращается к разуму, ибо он есть единственный, кто способен помочь в этом. Сократ рассуждал следующим образом: что отличает живого человека от мёртвого? – Нечто, заставляющее нас действовать, размышлять, выбирать, совершать поступки. Вот это самое нечто Сократ назвал душой, под которой он понимал разум, мыслящую активность и нравственно ориентированное поведение. Поэтому Сократ дал следующее определение человека: ***человек – это его душа***. Душа, согласно Сократу – это “Я

сознающее”, то есть совесть, интеллектуальная и моральная личность. Эта философская дифиниция человека стала, своего рода открытием, положенным в основу моральной и интеллектуальной традиции. Было бы ошибкой не сказать, что душа человека приобрела столь возвышенный смысл, имеющий религиозный и этический оттенок, именно благодаря учению Сократа. Философ называл душу госпожой и хозяйкой тела и его инстинктов; позднее это учение будет развито блестящим учеником Сократа Платоном. Во-первых, его исследование души и её функций (душа есть то, благодаря чему мы хороши или дурны), требовало дальнейших углублений: если тело служит душе, и душа повелевает, значит, она отлична от тела, т. е. онтологически она есть другое? Так что же это? Каково её бытие? В чем её отличие от тела?

Поскольку сущностью человека является его душа, постольку только ей следует посвящать всё время, развивая способности разума, воспитывая в себе добродетельную и нравственную личность. Отсюда становится ясным, почему Сократ так пренебрежительно относился к своему телу, не заботился ни о еде ни об одежде, но проводил время в постоянных беседах и размышлениях, дававших почву для разума. Действительно, если спросить себя, что есть человек, то будет неверным сказать, что “это тело”, скорее всего человек есть то, чему служит тело, то есть душе. Из этого Сократ заключает, что душа руководит познанием самого себя, своей сущности, поэтому он убеждён, что

основная задача наставников и учителей как раз и заключается в том, чтобы научить человека возвращению души, что сделает человека по-настоящему нравственным человеком.

2) Понятие Добродетели

Итак, согласно Сократу, человек должен направить свои усилия на познание добра и познание добродетели (areth). Древний грек понимал под добродетелью то, что делает нечто благим и совершенным, как некоторую активность или способ бытия, ведущий любое существо к совершенству, создавая не то, чем оно, согласно первоначальному замыслу, должно быть. Поэтому каждое живое существо, каждый предмет или инструмент обладает собственной добродетелью. К примеру, добродетель пса, охраняющего дом, заключается в том, чтобы быть хорошим сторожем, добродетель коня – быть быстрым скакуном. Сократ, развивая эту идею, утверждает то, что добродетель возвращает душу в её первоначальное состояние, то есть то, которое было заложено природой, ибо добродетель человеческой души состоит в том, чтобы быть благой и совершенной. Это было связано с тем, что соображения, которые Сократ почерпнул из анализа практической пригодности человека, были перенесены, благодаря двойственному значению слова areth, и на нравственные достоинства, и на добродетель, и дали начало учению, что добродетель состоит в познании добра: то есть добродетель – это знание и познание, тогда как порок – это невежество и лишённость знания. В этом отношении

мысль Сократа ясна и несомненна; но менее ясный ответ дают нам источники. Если мы спросим, что понимал Сократ, чувствовавший столь сильное влечение к ясным и точным понятиям, под добром, то Ксенофонт и Платон ответят на него по-разному. По словам Ксенофонта, добро (αγαθόν) для него всегда совпадало с полезным, благодетельным (ωφέλιμον), и добродетель была, следовательно, познанием того, что в данном случае являлось разумным и полезным. Это воззрение всего более соответствует той аналогии между нравственной добродетелью и пригодностью человека в повседневной жизни, которую проводил Сократ. Равным образом и в ранних платоновских диалогах, в особенности в “Протагоре”, исходной точкой зрения Сократа выставляется индивидуальная польза. Уразумение или познание (здесь носящее название φρόνησις) есть искусство измерения, избирающее, путем внимательного анализа вытекающего из поступка добра и зла, целесообразное. В согласии с этим находится и то, что Сократ, в противоположность софистам, отстаивавшим полную свободу страстей, не придавал ни одной добродетели такого значения и ни одну из них не проводил с такой настойчивостью в жизнь, как самообладание (σωφροσύνη).

Но при этом сократовское понятие добра должно было остаться по существу неопределенным; пришлось бы для каждого отдельного случая устанавливать, что в данном случае полезно и целесообразно, и вместо добра вообще при этом мы узнали бы только то, что на что-

либо пригодно. Несомненно, что Сократ стремился выйти за пределы этого релятивизма, но не подлежит также сомнению, что, в силу антропологического компонента своего мировоззрения, он не пришёл ни к чему иному. Хотя, по словам Ксенофонта, Сократ и учил, что истинное счастье человека состоит не во внешних благах и не в наслаждениях, а только в добродетели, но если эта добродетель состоит опять-таки в способности распознавать истинно полезное и сообразно с этим действовать, то все учение вертится в кругу, раз оно утверждает что истинно полезное и есть, в свою очередь, добродетель. В этом кругу Сократ и остался: объективного определения понятия добра, которое было объектом его стремлений, он не нашёл.

Но во всяком случае, хотя бы и оставалось неясным, в чём заключается по существу познание добра, составляющее добродетель, Сократ был убежден - и это было гораздо важнее, - что такого познания вполне достаточно чтобы проявить стремление к добру на деле и таким образом достичь счастья. Это положение, которое для рационалистического воззрения на жизнь можно считать типическим, включает в себя два весьма значительных момента: в психологическом отношении несомненный интеллектуализм, в этическом - эвдемонизм. Предположение, из которого исходит при этом Сократ, само по себе характеризует его собственную рассудительную и вдумчивую натуру. Каждый человек, говорит он, поступает так, как он находит целесообразнее, лучше и полезнее. Никто не

станет делать того, что он считает нецелесообразным или менее целесообразным. Если добродетель есть познание целесообразного, то из этого непосредственно следует, что добродетельный человек поступает сообразно со своим познанием, следовательно, – целесообразно, правильно и наилучшим для него образом. Никто не делает сознательно и намеренно того, что не следует делать. Неправильно поступает только тот, кто не имеет надлежащего знания. Если же иногда кажется, что люди поступают вопреки своему знанию, то дело именно в том, что их знанию не хватает уверенности и ясности. Иначе пришлось бы допустить, что человек умышленно вредит себе, а это было бы нелепо. В этом пункте между Сократом и софистами обнаруживается основное различие: софисты отстаивали непосредственность и самостоятельность воли; для Сократа желать чего-нибудь и считать что-нибудь хорошим, благодетельным и полезным - одно и то же. Знание непреложно определяет волю. Человек делает то, что он считает лучшим. Хотя Сократ и не был безусловно прав и хотя истина скорее лежала между ним и софистами посередине, всё-таки это его интеллектуалистическое воззрение на волю отразилось на всей античной этике.

Исходя из этого можно сказать, что Сократ был одним из первых, кто совершил переворот в традиционной системе ценностей. Для философа истинные ценности перестали ассоциироваться со внешними вещами, как то: богатством, славой, властью, силой, или телесной сферой: здоровьем, красотой, жизнью, мощью. Напротив,

исключительной ценностью являются сокровища души, познание и всё, связанное с ним.

Поэтому, богатство, власть, красота и здоровье не могут быть по собственной природе благами, так как они имеют своим источником невежество: то есть человек только лишь по незнанию может к ним стремиться. Более того, они способствуют наибольшему злу, хотя вместе с познанием добра, наукой имеют возможность стать наибольшим благом. Причём только совместно, ибо порознь, по мнению Сократа они цены не имеют. Действительно, мысль Сократа не следует из абстрактных рассуждений, но выводится путём наблюдений за жизнью окружающих нас людей и собственной, в первую очередь, жизнью: ведь достаточно часто встречаются люди, обладающие огромными знаниями, однако они лишены человечности и того, что принято называть духовностью или одухотворённостью. Они уверены в себе и полагаются только лишь на свой разум, пренебрегая чувственностью, и поэтому относятся к окружающим с пренебрежением. С другой стороны неграмотный человек, если он всматривается в себя, прислушивается к внутреннему голосу, может обладать добродетельным и быть настоящим человеком.

3) Понятие свободы

Любимой фразой Сократа была: “Власть над собой – высшая власть”. Действительно, открытое им понятие “самообладания (egkrateia), являющееся признаком превосходства разума над невежеством, означает то, что в радостях или в печали, в изнеможении или в бодром

состоянии духа, обуреваемый страстями, человек должен добиваться власти над собой, основываясь на добродетели. Поэтому, самообладание есть власть рациональности над витальностью, разумного начала над животным началом. Вот именно это господство души, господство рациональности над инстинктами и есть свобода (ελευθερία). Человек, который знает как управлять собственными страстями и есть истинно свободный, а тот человек, кто не умеет укрощать и подчинять эти инстинкты и побуждения голосу разума, тот становится их жертвой и рабом.

4) Понятие счастья

Сократ был одним из первых философов, который открыл связь между такими понятиями как свобода, самообладание и автономия. Дело всё в том, что, как и многие греческие первофилософы, Сократ полагал, что человек по своей природе всегда стремится к счастью, а именно: к удовлетворению необходимых потребностей и избежанию несчастий. Это стремление к счастью происходит, прежде всего, оттого, что человек желает стать похожим на богов, то есть уподобиться им. А поскольку боги ни в чём и ни в ком не нуждаются, постольку мудрый человек должен освободиться от лишних вещей, изгнать из тела диких монстров страстей и иметь только самое необходимое. Сократ выводит на сцену нового героя, который побеждает все внешние тяготы, выстаивает против всех превратностей судьбы и это делает его похожим на бога: и этот герой – мудрец. Мудрец – это тот человек, который победил свои

желания, освободился от материальных пут и живёт только потребностями души – именно это делает его похожим на богов. Он достигает высшей степени божественности и самодостаточности (автономии), не нуждается ни в чём внешнем, радуется тому, что имеет – и поэтому мудрец абсолютно счастлив. Более того, Сократ убеждён, что счастливый человек, который априори самодостаточен, обладает добродетелью, а добродетельный всегда счастлив. Если же добродетель неизменно и при всяких обстоятельствах действительно доставляет счастье, то она должна быть тем образом действий, который делает человека настолько независимым от внешнего мира, насколько это вообще возможно. Между тем, всякая потребность и всякое желание налагает на человека узы, которые делают человека зависимым от судьбы, так как от неё зависит в этом случае сделать его счастливым или несчастным, смотря по тому, получит ли он возможность удовлетворить своё желание или нет. Над внешним миром мы не имеем никакой власти, а только над нашими желаниями. Мы тем более подчиняемся чуждым нам силам, чем более мы желаем, надеемся или опасаемся с их стороны: каждое желание делает нас рабами внешнего мира. Поэтому добродетель, доставляющая человеку независимость, может состоять лишь в подавлении желаний, в ограничении потребностей до наименьших мыслимых пределов. Добродетель есть отсутствие потребностей – таков ближайший вывод с точки зрения эвдемонизма, который

должен был найти себе особенно легкий доступ в среду людей со скромным жизненным положением, которых мы находим в числе приверженцев кинизма (об этом в следующих главах).

Как уже можно было заметить, Сократ был первооткрывателем во многом, в особенности в сфере мысли. Например, начиная с него, идёт новое понимание счастья. По-гречески, счастье (*eudaimonia*) означало наличие некоего существа-хранителя или даймона, который покровительствовал человеку и гарантировал ему счастье, процветание и наслаждение жизнью. Но следует особо отметить, что ещё со времён Гераклита считалось, что истинный даймон обладает моральным характером и что счастье состоит вовсе не в наслаждении жизнью, так как все блага, связанные с ней преходящи, напротив, наслаждение следует искать в душе.

Сократ, систематизировавший это понятие, утверждает, что чувство наслаждения проистекает не из тела или из чего-либо внешнего, но из души. Душа счастлива, когда она добродетельна и упорядочена, тогда она парит над внешним миром, окрылённая этим божественным чувством. Счастливым может быть добродетельный муж или женщина, а злонамеренный всегда несчастлив, причём несчастлив не столько из-за неудач, сколько из-за желаний совершить злое деяние и состояния злонамеренности. Добродетель формирует гармонию души и тела, рождая ощущение счастья и возвышенного состояния духа, и уничтожает болезни и душевные страдания. Поэтому, как полагает Сократ,

мудрец не может страдать от зла, ни в смерти, ни в жизни; и именно поэтому мудрейший из эллинов так спокойно расстался с жизнью, выпив по приговору суда чашу с цикутой. В жизни никто не может разрушить внутреннюю гармонию души, а за гробом, если там есть какая-либо форма бытия, добродетельный будет вознаграждён. А ежели там ничего нет, то он будет счастлив даже в этом мире.

Глава 4 Теология Сократа

В этой главе перед нами стоит непростая задача – выяснить, какое было представление о Боге у Сократа, так как всё то, что касалось сферы теологии в его учении, вступало в противоречие с богами афинского государства и послужило основной причиной вынесения смертного приговора мудрецу. Во многом, на формирование теологии Сократа огромное влияние оказало учение философа Анаксагора и Диогена из Аполлонии (которого не следует путать с Диогеном из Синопа и которому посвящены следующие главы). Именно под воздействием взглядов этих мыслителей Сократ создал собственное учение о Боге как об ***упорядочивающем разуме***. Его Бог по сравнению с мыслью-воздухом Диогена из Аполлонии, есть нечто более чистое, явно возвышающееся над горизонтом философов физиса. Так что же это — умопостигающее Божество?

Как уже было сказано в главе, посвящённой жизни Сократа, мудрец не оставил систематически изложенного учения, поэтому необходимо по имеющимся источникам

реконструировать и его теологию. Во-первых, ценные сведения нам оставил Платон, но наиболее полное изложение понимания Бога Сократом предоставил Ксенофонт. Первое рациональное доказательство бытия Бога находим мы в его записках “О памятном”. Во-первых, всё, что не есть простое порождение случая, есть продукт провидящего разума, имеет цель и конец; наблюдая человека, мы видим, что каждый вид и все его органы организованы таким образом, что нельзя полностью объяснить их действием случая, напротив, они понятны лишь как разумно и идеально выраженные. Во-вторых, против такого аргумента напрашивается возражение, что привычно рядом с творениями видеть их творцов, эта же интеллигибельная сила не наглядна. Но ведь, как говорит Сократ, наша разумная душа не видима, однако никому не приходит в голову утверждать, что всё, что мы ни делаем, происходит лишь благодаря случаю. В-третьих, Сократ также утверждает, что человек, по сравнению с другими существами, наделен удивительными дарами, в особенности, душой и разумом, которые сближают его с во всем ему свойственным божественным творением.

Всё доказательство, как это можно заметить, вращается вокруг одной точки: мир и человек созданы таким образом, что они могут быть объяснены лишь одной единственной причиной (силой упорядочивающей и, в конечном итоге, определяющей и потому разумной). Своим оппонентам Сократ, с присущей ему иронией, замечал, что люди наделены лишь частью элементов, из

имеющихся в огромном количестве в универсуме, и это нельзя отрицать; и как могут люди понять и вынести из мира всю разумность, что в нём существует? Нелепость, даже логическая, такого предположения очевидна.

Бог Сократа — это разум, который понимает все без исключения, это упорядочивающая активность и Провидение. Провидение, что охватывает весь мир и, особенно, человеческое общество, выделяет в нём добродетельного человека. Естественно для древних было полагать связь подобного с подобным, и Бог, поэтому, структурно был в близости с лучшим в человеке, но не с индивидом как таковым. Провидение, занятое индивидом как таковым, знакомо лишь христианскому мироощущению.

Теперь следует более подробно остановиться на даймонионе Сократа, ибо доказательство его виновности, во многом было построено на том, что он поклонялся новым демонам и богам. В главе “Этика Сократа” уже было сказано несколько слов об этом, но сейчас следует несколько подробнее остановиться на философской основе отношения мудреца к своему демону.

Сократ говорит: “Причина та, что... часто в разных обстоятельствах мне был слышен, голос, знакомый с детства, божественный и демонический, который мне запрещал делать то, что я уже почти готов был сделать”. Однако этот голос никогда не говорил, чтобы Сократ что-либо делал, что говорит о том, что демон Сократа — это божественный голос, который запрещал определенные вещи, из чего можно заключить, что речь

идет о некоем даре, который спасает в случае опасности, предохраняет от нежелательного опыта.

Исследователи часто в нерешительности останавливаются перед этим “даймониом”, и на этот счет существуют самые разнообразные толкования. Кто-то предположил, что Сократ иронизировал, говоря о демонах, другие склонны считать его голосом совести, третьи говорят о демоническом чувстве, спутнике гения. Можно также обратиться в сферу психиатрии и интерпретировать “божественный голос” в категориях психоанализа. Ясно, однако, что это делается достаточно произвольно. Если же придерживаться фактов, то надлежит сказать следующее.

Во-первых, необходимо видеть, что “даймон” никак не связан с проблемным полем философской истины. Внутренний “божественный голос” ничего не говорит Сократу по поводу “мудрости человеческой” философских принципов, которые получают вес и значение исключительно в силе логоса, а не в божественном откровении. То есть сократовский демон является проводником и наставником в повседневной жизни.

Во-вторых, Сократ не связывает с “даймоном” также и своего морального выбора, который, скорее, идет от божественного распоряжения: “Занятия эти (философией и научению заботе о душе) мне предписаны Богом в пророчествах дельфийского оракула и снах”. “Даймон”, напротив, ничего ему не приказывает, но только запрещает. Исключив сферу философии и основания

этического выбора, остаётся предположить сферу особых событий и действий. В распоряжении “даймона” находятся Сократ как индивид и особенность некоторых событий его жизни: это его знак, который препятствует некоторым действиям, за которыми последовал бы ущерб или вред. К последствиям явно относится участие в активной политической жизни “Вы хорошо знаете, о, афиняне, — вызывает Сократ, — что если б хоть на ничтожную толику я занялся бы государственными делами, то от этой малости и помер бы, не принеся пользы ни вам, ни себе, от чего меня мой демон предостерегает”.

В конечном счете, “даймона” можно назвать стражем исключительной во всем личности Сократа, особенно, в моменты концентрации, экстатических проникновении, о которых весьма выразительно повествуют наши источники.

Глава 5 Диалектика Сократа. “Я знаю, что ничего не знаю”.

Первоначально диалектика трактовалась как искусство нахождения истины через раскрытие противоречий в высказываниях противников, как искусство беседы. Первыми представителями были элеаты Зенон и Мелисс. Диалектика софистов развивалась как средство аргументации, которое должно было принести успех в юридической практике и политической жизни. В полемике с Парменидом софисты стремились сделать парадоксы его учения более рациональными. Они утверждали, что истина—лишь

относительное и субъективное, а не абсолютное и объективное. В объективной подвижности явлений и предметов они искали обоснование своей теории познания. Мастером искусства беседы был Сократ, который использовал диалектику для доказательства истины. Последнюю Сократ рассматривал как необходимую предпосылку нравственного поведения. В диалогах Платона можно в общих чертах познакомиться с тем, как Сократ применял диалектику на практике.

Сократ считал, что человек, который является разумным по природе, всегда склонен стремится к истине. Человек – это его душа, как определял его Сократ, должен освободиться от незнания, от иллюзий и обратиться к истине. Для этого мудрецом был открыт метод, который принято называть диалектикой, способный привести человека к знанию истины.

По целям метод Сократа фундаментальным образом имеет этическую природу (воспитание души) и лишь во вторую очередь он логический и гносеологический. Беседовать (быть в диалоге) с Сократом означало держать “экзамен души” подвести итог жизни, и как уже заметили современники, выдержать именно “моральный экзамен”. Платон вспоминает интересный эпизод: “Всякий, кто был рядом с Сократом и вступал с ним в беседу, о чем бы ни шла речь, пропускался по нитям дискурса и неизбежно оказывался вынужденным идти вперед до тех пор, пока не отдаст себе отчета в самом себе, как он жил и как живет теперь, и то, что даже

мельком однажды проскальзывало, не могло укрыться от Сократа”.

Именно в том, что человек должен держать ответ перед самим собой и в указании на истинный смысл жизни, придающий ей ценность, и заключалась специфическая цель сократического метода. Заставить Сократа молчать (хотя бы и мертвого) для многих означало положить конец этому принуждению испытывать свою душу. Однако процесс, начало которому положил Сократ, уже набрал силу, став необратимым, пресечь его физической расправой было невозможно. Имея это в виду, Платон вкладывает в уста Сократа пророчество: “Говорю вам, сограждане, что, убивая меня, вы на себя ниспосылаете месть, что уже идёт сразу же после моей смерти, куда более тяжкая, чем та, что вы посылаете мне, убивая меня. Сегодня вы это делаете в надежде освободиться от необходимости отдавать отчет в собственной жизни, но всё произойдет наоборот: я вам предсказываю. Не я один, а многие потом спросят вас об этом и предъявят счет: все те, кого я до сих пор опекал, кого не замечаете вы. И столько же строптивцев объявится, сколько сейчас видите молодых, коими вы пренебрегаете. А ежели, полагаете вы, убивая меня, помешаете кому бы то ни было разглядеть весь срам вашей несправедливой жизни, то подумайте лучше. Да не избавиться вам от них таким путем: невозможно это, да и не хорошо это; другой путь есть самый простой и наилучший, не затыкайте рот чужакам, а внимайте им, дабы совершенствоваться вечно в добродетели”.

Итак, диалектический метод Сократа состоял в нахождении истины путём ответа, который необходимо дать перед лицом собственной совести, перед самим собой. Но остаётся невыясненной её структура. Диалектика Сократа совпадает с диалогом (диа-логос), который состоит из двух существенных моментов: “опровержения” и “майевтики”. Чтобы осуществить это, Сократ применяет маску “незнания” и наводящее страх оружие — иронию.

Так что же такое ирония? В переводе с греческого, ирония означает “стимуляцию”. В нашем особом случае это некая игра, или шутка, или военная хитрость, среди множества функций которой было намерение со стороны Сократа вынудить собеседника обнаружить собственное невежество. Дело всё в том, что люди, с которыми чаще всего беседовал Сократ были полностью убеждены в том, что досконально разбираются в той сфере, которой занимаются. Сократ же, шутя, при помощи слов или фактов, надевает на себя маску, страстно преданного друга своего собеседника, восхищается его способностями и заслугами, испрашивая у него совета или просит обучить чему-нибудь. В то же время, при более глубоком подходе становится прозрачной уловка. Ясно, что за шуткой стоит серьезная и всегда методичная цель. Ясно также, что под разными масками Сократа, за функциональностью иронии, можно разглядеть одну наиболее существенную — притворство в незнании, невежестве. В этом исследователи видят мощный иронический эффект, эффект благотворного потрясения

слушателя, производимый заявлением об изначальном незнании. Из него высекалась искра, рождавшая пульсацию диалога. В разговоре Сократ сразу объявлял собственную позицию, говоря, что ничего не знает и просил, чтобы собеседник рассказал, что он лично понимает под тем, чем он занимается. Так он спрашивал гончара, политика, крестьянина, задавая всевозможные вопросы, на которые они не могли ответить и всегда становились в тупик. После этого каждый осознавал условность тех знаний, которыми обладал и просил Сократа рассказать о том, что есть благо и истина, ибо без этого невозможно понять смысл тех дел, которыми человек занимает себя на протяжении жизни.

Итак, основным принципом диалектики Сократа был принцип, который мог бы показаться с первого взгляда парадоксальным – “Я знаю, что ничего не знаю”. Действительно, как говорил мудрец, каждый человек убеждён в том, что разбирается во всём, однако на деле это не так. Только Сократ знает, что не знает ничего и это знание истинно. Если софисты прославили себя тем, что перед лицом слушателя принимали вид всезнающих и сверх образованных людей, то Сократ, напротив, принял образ ничего не ведающего, желающего всему научиться человека. Однако вокруг этого “незнания” существует немало двусмысленностей, в Сократе видят едва ли не зачинателя скептицизма. В действительности, можно лишь говорить о переломе: а) в отношении к знанию натуралистов, в котором обнаруживался момент суетности; б) в отношении к знанию софистов, которое

часто было всего лишь манерностью; в) в отношении политиков и служителей различных култов, знание которых почти всегда отличалось непостоянством и некритичностью. Но есть и нечто большее. Утверждение Сократа — знаю, что ничего не знаю — нужно поставить в связь не столько с человеческим знанием, сколько со знанием божественным. Именно в сравнении себя с Богом всеведущим, очевидной становится вся хрупкость и ничтожность человеческого познания, в том числе его, Сократа, мудрости. В “Апологии” по поводу предсказания Дельфийского Оракула о том, что нет мудрее человека, чем Сократ, мы находим такое разъяснение. “Единственно лишь Бог всеведущ, и об этом хотел сказать Оракул, говоря о малой ценности знания человека; и, говоря о мудром Сократе, не просто ссылаясь на Сократа, а использовал его имя как пример. Он как бы хотел сказать: даже о мудрейшем среди вас, люди, о Сократе, должно быть по правде признано, что и его мудрость не многого стоит”. Но не смотря на релятивный характер человеческого познания, Сократ никогда не отрицал необходимости познания. Напротив, задача человека как раз в этом и состоит, но принцип “незнания” был своего рода, спасением от тщеславия и гордости, заставляющей думать, будто знаешь всё.

Противоположность между “божественным знанием” и “человеческим знанием” была излюбленным мотивом всей предшествующей греческой мысли, её-то и закрепляет вновь Сократ.

Продолжая тему сократовской диалектики, нельзя не остановиться на логике и на майевтике, о которой было сказано в начале. Но прежде необходимо поговорить об опровержении. Одним из деструктивных моментов его метода было приведение в замешательство. Сократ задавал собеседнику вопросы, которые он не подозревал услышать, так как был убеждён в собственной правоте, и поэтому не мог дать ни них ответ. Затем мудрец с помощью различных методов делал выводы и подчёркивал неправоту и противоречивость суждений собеседника, после чего шёл процесс критики, до тех пор пока он, либо не утверждал тезис противоположный своему первоначальному, либо не входил в противоречие с общепринятым суждением, либо просто признавал себя невеждой. Безусловно, многих эта манера Сократа раздражала, так как нарушала представление человека о том, что он всё знает, однако добродетельные и вдумчивые люди не только не обижались, но напротив, видели в нём способ освобождения от иллюзий, пороков и невежества, способ достижения истинного знания.

Сам Сократ называл свой метод майевтикой — искусством повивальной бабки. Дело в том, что мать Сократа занималась акушерским мастерством, то есть помогала роженицам в самую трудную минуту. Вот, подобно повивальной бабке, Сократ говорил, что с помощью своего метода он помогает мысли родиться, появиться на свет. Мудрец полагал, что душа не может постичь истину, если она не беременна; и при этом необходим человек, который поможет высвободить её на

свет. Поэтому Сократ выбирал человека, в котором замечал нераскрытый талант и делал своим учеником. Благодаря этому, мир знает Платона, построившего философскую систему, из которой черпают различные сюжеты практически все современные философы, Ксенофонта, Алкивиада и так далее.

На протяжении достаточно долгого времени считалось, что Сократ с помощью своего метода открыл фундаментальные принципы западной логики, то есть понятие, индукцию и процесс обоснования. Но сегодня учёные более осторожны в оценках. Сократ привёл в движение метод, благодаря которому стало возможно открытие логики, однако её систематизация состоялась позже. Вопрос — “Что это такое?”, — с которым Сократ обращался к своим собеседникам, не составлял всего теоретического содержания логики универсальных понятий. Ему важно было запустить процесс майевтики, но в его задачу не входило установление логических определений. Впрочем, дорога к понятию как таковому, к дефинициям сущности в платоновском понимании была открыта, но вопросы о структуре понятия и дефиниции ещё не стояли. Сократ часто использовал индуктивные умозаключения, ведя своего собеседника через аналогии и примеры, но на рефлексивном уровне теоретизации индукции у него не было. Выражение “индуктивное обоснование” восходит к Аристотелю, его “Аналитикам”, но ни к Сократу, ни даже к Платону. В диалектике Сократа мы находим зерна всех наиболее важных логических открытий, которые всё же не

интересовали его как сознательно сформулированные и технически обработанные.

Поэтому становится очевидным, почему многочисленные последователи Сократа основали различные школы и течения: одни сосредоточились только на этике пренебрегая логикой; другие, как Платон, развивали логику и онтологию; третьих увлекал эвристический потенциал в диалектическом дискурсе. Действительно, из этого понятно, что Сократ оставил целую серию открытых проблем, которых предстояло разбирать его последователям.

Часть 2 Сократические школы: киники

Антисфен, Диоген Синопский. Кратет. Соотношение философии и жизни. Значение кинизма.

Глава 1 Антисфен: прелюдия кинизма.

Наиболее значительная сократическая школа греческой философии – школа киников, получившая название, либо от Киносарга (что переводится как “резвые собаки”)—гимназия, где занимался с учениками Антисфен, основатель школы, либо от слова “kuwn” (собака), поскольку Антисфен считал, что жить следует “подобно собаке”. Главными представителями кинической школы—Антисфен и Диоген Синопский. Согласно учению киников, конечная цель человеческих устремлений—добродетель; она совпадает со счастьем. Добродетель заключается в умении довольствоваться малым и избегать зла; добродетели научаются, однако для этого нужно не столько знание, сколько сила воли; проявляется добродетель в поступках. Умение довольствоваться малым обеспечивает, согласно киникам, независимость. Но независимость киников означала и отрицание культуры, искусства, семьи, государства, имущества, науки и обществ, установлений вплоть до сознательного эпатирования общества. Они требовали отмены собственности, различий в положении, именовали себя “гражданами мира”. Взгляды киников часто излагались в форме диатрибы. Впоследствии киническая школа слилась со Стореей и как таковая прекратила существование. В I в. н. э. в условиях,

сходных с условиями зарождения кинизма в Греции, он возродился в Риме, там он существовал ещё в IV в.

Вообще, когда речь заходит о киниках и кинизме, на ум сразу приходит Диоген, живший в бочке, славившийся своими чудачествами и радикальной философией, которую он проповедовал и в соответствии с которой жил. Но его учителем был Антисфен, и он считался основателем кинизма.

Антисфен родился в 444 году до нашей эры в семье фракийской рабыни. Антисфен занялся философией на склоне лет; был сначала учеником Горгия, затем Сократа, которого глубоко почитал. Впоследствии Антисфен стал одним из наиболее известных философов, вторым после Платона (которого, кстати, считал своим противником) продолжателем учения своего наставника. Антисфеном была основана школа сторонников философии Сократа—киников, имевшая большое влияние. Из его многочисленных трудов, оказавших влияние, в частности, на учение стоиков и Эпиктета, до наших дней сохранились немногочисленные фрагменты. Антисфен умер в 366 до н. э.

Антисфен привязался к Сократу и стал его учеником, так как его привлекала сила и мощь сократовской практической морали; принципы самодостаточности, выносливости среди любых испытаний, равенства самому себе, самообладания, силы духа, самоограничение до минимума. В этом он отличался от Платона с его логико-метафизическими исследованиями, также воплощавшими идеи Сократа. Действительно, это

подтверждает теорию, согласно которой, каждый последующий философ из всего сократовского наследия смог взять и развить только часть. Киники сделали упор на этику.

Антисфен воспринял логику Сократа в упрощённом виде. Свою логическую систему философ строил на том, что в самих вещах нас окружающих не существует никаких определений и дефиниций. Мы познаем всё через ощущения и описываем их через аналогии и сравнения. Для сложных вещей нет другого определения как описание простых элементов, из которых они образованы. Задача обучения — в исследовании имён, т. е. в языковом познании. По поводу любой вещи можно лишь утверждать её имя собственное (например, человек есть человек), а значит, формулировать можно лишь тавтологические суждения (тождественность тождественного).

Способность самодостаточности (независимость от вещей и от людей, принцип “ни в чем не нуждаться”), к которой призывал Сократ, доведена Антисфеном до крайности, а идеал “автаркии” (самодостаточности) становится целью его философствования.

Антисфен также радикализирует сократовский принцип самообладания, как способности доминировать и повелевать своими страданиями и наслаждениями. Удовольствие, по Сократу, само по себе не есть ни благо, ни зло. Для Антисфена оно, — безусловное зло, от коего следует бежать что есть сил. Вот дословные выражения Антисфена: “Лучше сойти с ума, чем испытать

наслаждение”, “Если б мне довелось узреть в своих объятиях Афродиту, я продырявил бы её”. Однако позже Антисфен стал говорить, что презрение к наслаждению тоже является наслаждением.

Антисфен сражается с общепринятыми иллюзиями, которые созданы обществом, чтобы отнять свободу и упрочить цепи рабства, приходит к утверждению, что “недостаток доблести и славы и есть благо”. Мудрец должен жить не по законам города, но “по законам добродетели”, и должен отдавать себе отчет в том, что много Богов — “по закону” города, но “по природе” Бог один.

Его этическая система требует от человека постоянного усилия над самим собой, подавления стремлений к наслаждению, отказа от роскоши, бегства от славы. Непременное условие этики Антисфена было — оставаться в оппозиции к принятым законам. Это напряжение и указывает на благо и ведёт к добродетели. Подчеркивая это обстоятельство, высокий смысл понятия сверхусилия (по-гречески оно звучало как “ρονοV”), школа Антисфена особенно почитала Геракла и его легендарные подвиги. Это также означало решительный разрыв с общественным образом жизни, ибо высшим достоинством и ценностью объявлялось то, от чего все отказывались.

Поэтому учение Сократа Антисфен рассмотрел и модифицировал в духе аполитичного индивидуализма: человеку следует заниматься воспитанием собственной добродетели для того, чтобы сделать отношения внутри

общества упорядоченными и гармоничными. Мало занятый тем, чтобы понравиться элите, он общался без стеснения с преступниками. А тем, кто упрекал за это, он говорил: “и врачи общаются с больными, но ведь не перенимают у них лихорадку”.

Глава 2 Диоген Синопский.

Как уже было сказано, каждый философ, считавший Сократа своим учителем, вынес из его учения что-то своё. Киники, к примеру, лучше всего помнили фразу Сократа, когда тот ходил по рынку: “Как приятно, что здесь есть столько вещей, без которых можно спокойно обойтись. Наше тело находится в рабстве у потребностей в еде, питье, тепле, наслаждений и отдыхе, в то время как мысль свободна, как Бог. Поэтому, заключали киники, следует держать тело и его желания в рабстве, а всё время посвящать душе и мысли: именно в этом состоит истинное удовольствие. Настоящему мудрецу никто и ничто не нужен и не нужно, его потребности минимальны – именно это делает его похожим на богов. Философия киников, как её определяли исследователи, это “философия подёнщика”, живущего на случайные подаяния, но гордящегося своей законной свободой.

Хорошо известно, что основателем кинизма был Антисфен, однако истории было угодно сделать Диогена символом движения киников. Диоген родился в Синопе в 404 году до нашей эры и умер в Коринфе в один и тот же день с Александром Македонским в 323 году. Он был сыном фальшивомонетчика, что было предметом постоянных нападок со стороны дурных людей. Как-то

раз один афинянин упрекал Диогена за грехи его отца, и за то, что в детстве он также был фальшивомонетчиком, на что мудрец ответил, что это время ушло: “Каким был я тогда, таким ты являешься сейчас, однако таким, каков я сейчас, тебе не стать никогда”.

Прибыв в Афины, Диоген пришёл к Антисфену учиться, однако философ никак не хотел брать бродягу в ученики. Тем не менее Диоген упорно его преследовал, пока не вывел из себя. Когда Антисфен достал палку, Диоген подставил ему голову со словами: “Бей, сколько хватит силы, нет дерева прочнее, чем голова, которая хочет чего-то добиться”. С тех пор он мог слушать учителя.

То, о чём говорил Сократ в своё время и что проповедовал Антисфен, то Диоген сделал. Он не только усилил радикализм учителя, но создал свой идеал необычайно суровой жизни, ставший на долгие века образцом для подражания мыслителей, желавших жить в точности со своим учением. Платон даже как-то раз назвал его “взбесившимся Сократом”. Он бродил по Греции босой, в грубом плаще на голое тело, с посохом и нищенской сумой. Из всего добра у него была глиняная чаша: да и то он разбил её, когда увидел как мальчик пьёт воду из ручья из ладоней. Кормился подаянием, требуя его как должного: “Если ты даёшь другим, то дай и мне, а если не даешь, – начни с меня”. Его дразнили, говоря, что убогим и слепым милостыню подают, а философам нет, на что Диоген сказал, что нищими и

слепыми они могут стать, а философами они не станут никогда.

В Коринфе, где он чаще всего жил, Диоген устроил себе жильё в пифосе – круглой глиняной бочке, ел на площади на виду у всех, переругиваясь с мальчишками: “Если можно голодать на площади, то почему нельзя есть на площади?” Один раз, когда некто сломал его “жилище”, городской совет постановил за общественный счёт построить ему такой же. Ему часто говорили: “Ты живёшь как собака”. “Да”, отвечал Диоген, – давшему виляю, недоброго кусаю”. Диогена и его учеников прозвали “собачьими философами”, или киниками. До сих пор слово “киник” или в современной транскрипции “циник” означает “злой и бесстыдный насмешник”.

В одном предложении выразить всю программу Диогена может одна фраза: “Ищу человека”, которую он повторял, как говорят, с фонарем в руках среди толпы и среди бела дня, провоцируя ироническую реакцию. Ищу человека, который живёт в соответствии со своим предназначением. Ищу человека, который выше всего внешнего, выше всех общественных предубеждений, выше даже капризов судьбы, знает и умеет найти собственную и неповторимую природу, с которой он согласен, а, значит, он счастлив. Его спрашивали: “Ну и как, нашёл?” Он отвечал: “Хороших детей нашёл в Спарте, хороших мужей – нигде”.

“Киник Диоген, — свидетельствует античный источник, — повторял, что боги даровали людям средства к жизни, но они ошиблись насчет этих людей”.

Свою задачу Диоген видел в том, чтобы показать, что человек всегда в своём распоряжении имеет все, чтобы быть счастливым, если понимает требования своей природы.

В связи с этим понятны его утверждения о бесполезности наук: математики, физики, астрономии, музыки, абсурдности метафизических построений. Диоген смотрел на мир с позиций наблюдателя: именно из за этого он не понял рассуждения Зенона и элеатов о невозможности движения. Чтобы доказать видимую ложность их рассуждения Диоген просто прошёлся, за что его публично палили палкой, на том основании, что киник перепутал теоретическое с практическим. Что же касается модели поведения, то кинизм стал наиболее антикультурным явлением из всех философских течений Греции и запада вообще. Одним из наиболее крайних выводов был тот, согласно которому наиболее существенные потребности человека суть животные. Теофраст рассказывает, что Диоген, увидев мышь, которая не искала места для ночлега, не боялась ни тьмы, ни чего-то другого, счел такой образ жизни за образец: без цели и без ненужных забот и страхов.

Свободным можно назвать лишь того, кто свободен от наибольшего числа потребностей. Перед лицом правителей они были на грани безрассудства в отстаивании свободы слова “*anaideia*”, свобода действия, граничащая с непристойностью, призвана была показать всю ненатуральность поведения греков. В одном роскошном доме в ответ на просьбу соблюдать порядок,

Диоген плюнул в лицо хозяину, заметив, что не видал более скверного места. А когда брал деньги в долг, то говорил своим друзьям, что просил у них не подарков, а хотел лишь вернуть то, что они ему должны.

Метод и путь, ведущий к свободе и добродетелям, Диоген обозначает понятиями – “аскеза”, “усилие”, “тяжкий труд”. Тренировка душ и тела до готовности противостоять невзгодам стихии, умение господствовать над похотями, более того, презрение к наслаждениям — фундаментальные ценности киников, ибо удовольствия не только расслабляют тело и душу, но серьезно угрожают свободе, делая человека рабом своих страстей и желаний. По этой же причине осуждался и брак: Диоген проповедовал свободное сожителство мужчины и женщины, Впрочем, киник также и — вне государства, его отечество — целый мир, он космополит.

Основными идеалами кинической жизни были свобода, самодостаточность, безразличие ко всему. История сохранила замечательный эпизод: однажды Диоген грелся на солнце, к нему подошёл Александр Македонский, сильнейший и величайший полководец того времени и, увидев мудреца, сказал: “Проси, чего хочешь”. — “Не застилай мне солнца”, ответил Диоген. Перед лицом всемогущего монарха мудрецу была достаточно простейшая вещь — солнце, этим он подчеркивал суетность любой власти. Ведь счастье приходит изнутри и никогда извне.

Над Диогеном смеялись, но любили и почитали его за строгую жизнь, которую он вёл и за непоколебимую

волю. И даже после смерти воздвигли ему мраморный памятник в виде собаки с надписью: “Даже бронза ветшает со временем, но слава твоя, Диоген, в веках не пройдет, ибо лишь ты сумел убедить смертных, что жизнь сама по себе достаточна, и указать наипростейший путь жизни”.

Глава 3 Кратет: соотношение философии и жизни.

Виднейший представитель кинической школы — Кратет жил до начала III века до нашей эры и был родом из Фив. Действительно, как полагают многие исследователи, на его биографии лучше всего возможно проследить соотношение философии и жизни. Мечта любого философа заключается в том, чтобы провести свою жизнь в соответствии с учением. Недаром, кстати, философа Сенеку, жившего при императоре Нероне в I веке нашей эры, упрекали в том, что он жил не так как учил, вспоминая эпизод, как он согласился принять в дар от эксцентричного монарха 300 тысяч сестерциев и роскошный дом. Поистине, для мыслителя это было серьёзным оскорблением и испытанием его философской системы на прочность.

И если проследить жизненный путь киников, то можно сделать вывод, что они были самыми стойкими к влияниям окружающей их среды. Они вели своё существование в строгом соответствии со своей философией. Диоген презирал богатство — и был нищим, жил подаянием; выступал за свободу личности — и сам был свободным гражданином мира (космополитом). Его

ученик Кратет, которому посвящена настоящая глава, также своей жизнью подтверждал учение киников.

Философов также часто упрекали в том, что их философские системы далеко отстоят от жизни, что в их теориях слишком много абстракций и отсутствует конкретное; так вот киники, в особенности Антисфен, Диоген и Кратет полностью опровергли это несправедливое мнение. Граждане, хотя и смеялись над ними, однако уважали за непреклонное стремление воплотить в жизнь проповедуемые идеалы.

Ученик Диогена Кратет подтвердил установку, что богатство и слава не являются ценностями для философа, для мудреца, напротив, это просто зло, блага же — “бедность” и “невежество”. “Продав свою часть наследства, — сообщает один древний источник, — он выручил 200 талантов и раздал их согражданам. Он оставил свои пастбища и овец, а последний грош бросил в море. Родственникам и опекунам он оставил распоряжение, что если его дети останутся невеждами, то отдать им деньги с его счета, если же станут настоящими философами, то тогда его деньги отдать нуждающимся, ибо в этом случае им не понадобится решительно ничего”.

Киник должен быть аполитичным, по-гречески “*apolitV*”. Полис неприемлем, для мудреца нет и не должно быть никакого прибежища. Александру, который спросил Кратета, не желает ли он видеть свой родной город заново отстроенным, он ответил: “А зачем? Придет другой Александр и всё разрушит”. “Моя родина, —

писал Кратет, — не одна только башня, крыша, но то место, где возможно жить пристойно, так что любая точка универсума — мой город; где я, там мой дом”.

Жену Кратета звали Гиппархия и вместе с ней он испытывал кинический образ жизни. Своё отношение к браку как социальному институту он выразил так, что “отдал бы дочь замуж для пробы только на тринадцать дней”.

В III веке до н. э. школа киников пополняется такими именами, как Бион с Борисфена, Менипп из Гадеса, Телет, Менедем. Возможно, именно Бион составил кодификацию “диатриб” — литературный жанр, который использовали киники. Диатриба — короткий диалог популярного характера этической направленности, написанный часто язвительным языком, с сарказмом. По существу, речь идет о кинизированном сократическом диалоге. Литературными моделями стали композиции Мениппа; Лукиан немало вдохновлялся ими, как и латинская сатира в лице Луцилия и Горация. “Смеясь, бичуем нравы”, — говорили они, — “*ridendo castigant mores*”.

Глава 4 Значение кинизма

Основная задача, которую ставили перед собой киники заключалась в опровержении и разоблачении всех иллюзий и ложных представлений, двигавших поведением и мышлением людей. Киники выступали против погони за удовольствиями, за деньгами и богатствами, славой, блеском, успехом, за властью. Всё это ведёт человека к ложному чувству удовлетворения и

счастья, что на деле оказывается бедой и несчастьем. Воздержанность от всего этого, самодостаточность, свобода и довольствование малым суть мудрость и условие счастья человека на земле; кстати, это стало общим местом всей греческой философии и девизом стоиков.

Однако сама киническая школа оказалась менее жизненной, в отличие от других философских направлений по причинам, связанным с крайним радикализмом и анархизмом, неуравновешенность в основе и в отсутствии духовной составляющей.

Кинизм осуждал освящённые традицией ценности и пристрастия, не выдвигая при этом каких-либо своих и альтернативных ценностей, за исключением ценностей отвержения. Более того, киники сводили человека к животному началу, считая животные потребности необходимостью, что разрушало сократовскую душу (*yuch*). Отсутствие духовной составляющей проявлялось, прежде всего, в том, что киники не хотели признавать науку и культуру в качестве необходимости воспитания человеческой души, возвращения добродетели. Для киников самым важным было эмоциональный акт, акт восприятия ценностей на уровне чувственности. Всё это требовало постоянного усилия над собой, которое мог совершить исключительно сильный в духовном плане человек с непоколебимой силой воли. Только благодаря этому можно прожить жизнь киника.

Древние греки и римляне считали кинизм самой краткой дорогой к добродетели, однако на деле

оказалось, что коротких путей ни в философии, ни тем более в жизни не существует. Это лучше всего проявилось в стоицизме, где эта дорога оказалась слишком длинной для того, чтобы завоевать душу.

В последние два века языческой эры кинизм терял свои позиции. Помимо истощения внутреннего резерва кинизма, для этого были причины и социополитического плана. Суровый римский дух с его земной основой не принимал киническую модель жизни. Уместно проиллюстрировать это фразой Цицерона: “Система киников не могла не провалиться в виду отсутствия у них чувства брезгливости, отвращения к грязи; без этого ничего не может быть правильного, ничего честного”.

ЧАСТЬ 3 Сократические школы: киренаики, мегарики, элидцы

Киренская школа. Аристипп и ученики. Гедонизм. Наслаждение и боль. Мегарская школа: Евклид: “существует только благо”. Евбулид, Диодор Крон, Стилпон. Развитие логики. Элидская школа: Федон.

Глава 1 Киренская школа.

Наряду с киниками существовало значительное число школ, черпающих своё вдохновение из идей великого Сократа. Одной из таких интересных направлений была киренская школа.

Киренская школа – одна из сократических школ древнегреческой философии. Название “киренаики” восходит к городу Кирена, где родился Аристипп—основатель школы. В основе учения киренаиков лежит принцип, согласно которому удовольствие является высшим благом (гедонизм). Свободен для киренаиков не тот, кто отказывается от удовольствия а тот, кто стремится к нему и достигает его, но не становится ради этого рабом обстоятельств. Для того чтобы стяжать наивысшее удовольствие полагали киренаики, необходимо самообладание и воздержанность, но особенно – понимание того, насколько и как возможно достигнуть удовольствия. Враги счастья—суеверие и страсти. Киренаики искали удовольствия, но при этом не только телесного, но и душевного.

В киренаизме отчётливо прослеживается момент индивидуализма. Анникерид преобразовал их учение об удовольствии, отнеся к источникам последнего и

человеческие отношения—дружбу, чувство благодарности, уважения к родителям, любви к родине. Некоторые киренаики искали и находили себе место при дворе верховных правителей, желая и там получать удовольствия. Киренаики пренебрегали общепринятыми нормами и установлениями. В III в. до н. э. в связи со сложной ситуацией в Греции: гибель полисов, уничтожение старого уклада, создавалась почва для пессимистических концепций. Сочинение Гегесия “О самоубийстве воздержанием от пищи” является по существу апологией суицида. Киренаики отвергали возможность познания и стояли на позициях сенсуализма. Согласно их учению, достоверны только ощущения, а окружающий мир и чужие ощущения непознаваемы.

Глава 2 Аристипп и ученики.

При Дионисии Старшем, знаменитом тиране из города Сиракузы, (и при сыне его Дионисии Младшем) были не только придворные поэты, музыканты, скульпторы и художники, но и придворные философы. Придворные философы – это такие философы, которых было приятно слушать, легко понимать, в веселую минуту потешаться, а в важную — не обращать на них внимания. Самым подходящим для этого философом оказался Аристипп из города Кирены (V в до н.э. – первая половина IV в до н. э.).

Как ни странно, он был учеником Сократа. Как Сократ, он заглядывал в собственную душу, только очень неглубоко. Он заметил в ней лишь то, что было на

самой поверхности: человек, как и всякое животное, ищет приятного и избегает неприятного. Он повторял за Сократом: “Я знаю, что я ничего не знаю”, но добавлял к этому: “...кроме собственных ощущений”. Он говорил: “Сократ жил как нищий, но почему? Потому, что это доставляло ему ощущение удовольствия. Значит ли это, что житье в богатстве и роскоши не может доставлять никакого удовольствия? Нет, отлично может. Будем же им пользоваться, лишь бы оно не стесняло свободы нашего духа. Если мы обладаем наслаждением — это очень хорошо; вот если наслаждение подчиняет себе нас — это плохо. Постараемся же одинаково свободно и приятно чувствовать себя и в пурпуре, и в лохмотьях!”

Так он и старался жить. Однажды он шёл по дороге, а за ним раб, обливаясь потом, тащил мешок с его деньгами. Аристипп обернулся и сказал: “Что ты надрываешься? Выбрось лишнее — и идем себе дальше”. Аристиппа попрекали тем, что он был любовником Лаисы, самой модной красавицы во всей Греции. Он отвечал: “Что ж тут худого? Ведь это я обладаю Лаисой, а не она мною”. Дионисий Сиракузский однажды предложил ему выбрать одну из трех красивых рабынь. Аристипп забрал всех трех, сказав: “Троянскому Парису плохо пришлось за то, что он выбрал одну богиню из троих!” — а доведя их до своего порога, отпустил на все четыре стороны. Потому что ему нужны были не рабыни, а чувство удовольствия.

Один философ, застав его за богатым обедом с женщинами и музыкантами, стал его бранить. Аристипп

подождал немного и спросил: “А если бы тебе предложили всё это даром, ты бы взял?” — “Взял бы”, — ответил тот. “Так что же ты ругаешься? Видно, тебе просто дороже деньги, чем мне — наслаждение”.

Когда он впервые явился к Дионисию, тот спросил, зачем он пожаловал. Аристипп ответил: “Чтобы поделиться тем, что у меня есть, и поживиться тем, чего у меня нет”. Дионисий сказал: “Почему это вы, философы, ходите к дверям философов?” Аристипп ответил: “Потому что мы знаем, что нам нужно, а вы не знаете” — и добавил: “Ведь и врачи ходят к дверям больных, и тем не менее всякий предпочел бы быть не больным, а врачом”.

Однажды он заступался перед Дионисием за друга, Дионисий не слушал, Аристипп бросился к его ногам. Ему сказали: “Стыдно!” Он ответил: “Не я виноват, а Дионисий, у которого уши на ногах растут”. — “Скажи что-нибудь философское!” — потребовал от него Дионисий. “Смешно! — ответил Аристипп. — Ты у меня учишься, что и как надо говорить, и ты же меня учишь, когда надо говорить!” Дионисий рассердился и велел Аристиппу перейти с почетного места за столом на самое дальнее. “Где я сижу, там и будет почетное место!” — отозвался Аристипп. Дионисий рассвирепел и плюнул Аристиппу в лицо. Аристипп вытерся и сказал: “Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбешку; я ли испугаюсь вот этих брызг, если хочу поймать такую большую рыбу, как Дионисий?” А когда его спросили, почему Дионисий недоволен им, он

ответил: “Потому же, почему все остальные недовольны Дионисием”.

Кто-то привел к нему в обучение сына; Аристипп запросил пятьсот драхм. Отец сказал: “За эти деньги я мог бы купить раба!” — “Купи, — сказал Аристипп, — и у тебя будет целых два раба”. — “А что ему даст твое учение?” — спросил отец. “Хотя бы то, что он не будет сидеть в театре, как камень на камне”. (Сиденья в греческих театрах под открытым небом были каменные.)

Он был очень непохож на Сократа. Но, как все, кто знал афинского лукавого мудреца, он любил его и помнил всю жизнь. На вопрос: как умер Сократ? — он отвечал: “Так, как и я желал бы умереть”. Один оратор, защищавший Аристиппа в суде, спросил его: “Что тебе дал Сократ?” — “Благодаря ему, — ответил Аристипп, — всё, что ты говорил хорошего обо мне, было правдой”.

У Аристиппа был острый язык и легкий характер, греки его любили и долго помнили рассказы о нём. Но если всмотреться, мы узнаем в нём хорошо знакомый и не очень уважаемый тип этого времени — парасита, профессионального прихлебателя. Заурядные прихлебатели нахлебничали по голодной необходимости — Аристипп придумал для себя красивое философское оправдание. Но в основе его было всё то же опасное чувство: право на праздность.

Важно также понять, что стиль жизни, выбранный Аристиппом до встречи с Сократом определил его собственное понимание и прочтение учителя.

Основная особенность аристипповского учения заключалась, как видим, в том, что наивысшее благо — это физическое процветание, именно удовольствие было стержневой основой киренаизма. Сократ, как мы видели, не осуждал удовольствия (как это делал Антисфен), не видел в нём самом по себе ни блага, ни зла: благо могло быть одновременно и наслаждением, если последнее вписано в жизнь, исполненную познанием. Аристипп же, вопреки чувству меры, заявляет, что наслаждение — благо всегда, из какого бы источника оно не проистекало. Аристипп, таким образом, в подлинном смысле слова гедонист, и находится в абсолютном контрасте с Сократом.

Следующая особенность его учения состояла в его особой позиции по отношению к деньгам: позиция, которую осудил бы любой другой ученик Сократа. Как все софисты, он взимал плату за свои лекции. Диоген Лаэртский ссылается на то, что Аристипп первым из сократиков стал претендовать на денежную компенсацию и даже пытался послать вознаграждение Сократу, реакцию которого каждый может себе легко вообразить.

Отделить позицию Аристиппа от взглядов последователей практически невозможно. Его ученики и он сам составляли единое целое киренаизма: его дочь Арете была духовной преемницей отца в Кирене и передала эстафету сыну, Аристиппу-младшему. Возможно, доктрина киренаиков должна интерпретироваться через триаду Аристипп-старший —

Арете — Аристипп-младший. Позже эта школа распалась на ряд разных течений. Мы же рассмотрим те явления, которые восходят к оригинальному киренаизму.

Отказавшись от физических и математических изысков, бесполезных для счастья, киренаики разработали нечто, напоминающее технику феноменалистского сведения вещей к “ощущениям”, или “субъективным состояниям”. Общие имена суть принятые соглашения; аффекты, в действительности испытываемые субъектами, но не передаваемые, и несовопоставимые с реакциями другого субъекта.

Счастье, с точки зрения радикального гедонизма, заключено в удовольствии, вкушаемом мгновенно. Это чувство называют “легким движением”, страдание же — “сильным движением”. Недостаток того или другого, то есть удовольствия или страдания, есть застой, например, в ситуации спящего или дремлющего. Удовольствие (как и страдание) физическое превосходит по силе душевное, потому правильно, что злодей должен быть наказан телесной болью. И всё же в духе Сократа киренаики подчеркивали, что быть хозяином своих удовольствий достойно человека, но не наоборот. Однако принцип самообладания изменяется: не господство над жизнью инстинктов и жаждой к наслаждению, а господство в самом наслаждении. Отвратительно не само наслаждение, а тот, кто им затаян, кто становится его жертвой. Зло не в том, чтобы идти навстречу своим страстям, а в том, что тот, кто, ими охвачен, не может вырваться, становится игрушкой своих страстей.

Достойно осуждения не само наслаждение, но крайности, к которым она ведёт.

Исходя из этого, получается, что сократовская добродетель уже не цель, а скорее, средство и инструмент достижения счастья, в коем надлежит, по мысли киренаиков, сохранять самообладание и самоконтроль. Нельзя также не отметить радикально новую позицию Аристиппа в понимании политической этики. Общество традиционно состоит из тех, кто повелевает, и тех, кем повелевают. Как следствие, система образования была ориентирована, на формирование людей, готовых либо к управлению, либо к подчинению. Аристипп предполагает существование третьей возможности, породы людей, “странников” по духу, не замкнутых в рамках одного города и живущих повсюду, умеющих и управлять, и подчиняться.

Последующие космополитические суждения киренаиков были, по правде сказать, скорее негативными, чем позитивными, ибо, из гибнущей полисной системы в Греции на поверхность выходили мотивы эгоизма и гедонистического утилитаризма. Ведь ясно, что участие в политической жизни своего города не оставляло много возможностей для наслаждений жизнью. Поэтому, соотнеся позицию Аристиппа с позицией Сократа, чье учение служило родному городу, а смерть явилась символом верности закону и ценностям полиса, трудно не увидеть резкого контраста между ними.

Глава 3 Гедонизм. Наслаждение и боль.

Гедонизм (от греческого слова *hdonh* — наслаждение) — направление, существовавшее в рамках эвдемонизма, в котором веселье и наслаждение становится мотивом и целью поступков. Согласно этому этическому учению, удовольствия и наслаждения, которые могут быть как чувственным, так и духовным, суть высшие блага. Основателем гедонизма считается Аристипп. Главный принцип гедонизма заключается в обосновании моральных требований, и, согласно которому, добро определяется как то, что приносит наслаждение и избавление от страданий, а зло — как то, что влечет за собой страдание. Теоретический гедонизм является разновидностью” натурализма в этике. В его основе лежит представление, что главным движущим началом в человеке, заложенным в него природой и определяющим все его действия, является наслаждение.

Так что же такое наслаждение и как его понимали древние? В античной теории искусства и литературы было общепризнанным то, что искусство, особенно поэзия и музыка, должны приносить наслаждение удовольствию и радость. Высший вид наслаждения связан, по Аристотелю, с наиболее благородной деятельностью. Помимо того, наслаждение должно носить специфически эстетический характер. Наслаждения возможно от прекрасного и доброго, от изучения и познания образца или от художественных достоинств, (цель которого нередко видели в достижении неотличимости копии от оригинала), от гармоничности и благозвучия формы произведения. Источниками

наслаждения могут быть верность жизненной правде, художественный вымысел, изображение чудесного и художественно претворенного ужасного, того, что вызывает сострадание, и безобразного; Подлинным искусством будет то, что передает эти качества совершенно.

Таким образом, под наслаждением понималось то, что приносит счастье и чувство удовольствия и удовлетворения человеку. Наслаждение можно понимать в эстетическом плане: удовольствие от созерцания произведений искусства, прослушивания музыкальных произведений, и так далее. В физическом плане наслаждение рассматривается как удовольствие от еды, сексуальных отношений. В духовном смысле — наслаждение можно испытывать от общения с друзьями, решения сложных задач и прочего. Главное же для гедонистов — это само наслаждение, наслаждение как цель, для которого извинительны любые средства. Счастье, с позиций радикального гедонизма, заключено в удовольствии, которое получаем мгновенно. Поэтому следует искать счастья и избегать неудовольствия и боли, так как они приносят несчастье. В отличие от эвдемонизма, гедонизм делает бóльший упор на физических удовольствиях, в сравнении с духовной составляющей эвдемонизма. Гедонизм оказал влияние не только на последующие философские течения, но и на современную жизнь. В действительности современная цивилизация является гедонистической, всё устроено для

удовлетворения потребностей человека: “Всё для человека, всё во имя человека”.

Глава 4 Мегарская школа: Евклид: “Существует только благо”.

Мегарская школа — философское направление, существовавшее в Древней Греции в IV в. до н. э.; продолжившее традиции учения Сократа, софистов и элеатов. Мегарская школа основана другом и учеником Сократа — Евклидом из Мегары. После смерти Сократа мегарики пытались синтезировать учение Парменида и элеатов о вечном и неизменном “Едином” (бытии) с высшими понятиями сократовской этики — понятием добра и блага. Евклид утверждал, что существует лишь единое добро, которое, будучи неизменным и тождественным самому себе, известно также под именами истины, ума, бога. Единственная добродетель, разновидностями которой являются другие добродетели, — познание добра.

Множество и разнообразие вещей противостоят единому добру и поэтому представляют собой не сущее, не реальное. Представители Мегарской школы, продолжая традиции Зенона Элейского и софистов, в качестве основного метода, философствования широко использовала” диалектику и эристику. Утверждая, что всё существующее есть благо, они настаивали на том, что противоположного благу в мире нет. Подобно элеатам, мегарики стремились понять сущность процессов в природе с помощью применения понятия предельной общности к многообразию вещей. В своих

положениях они вплотную подошли к диалектическому закону перехода количества в качество.

В учении Мегарской школы значительное место занимало исследование проблемы отношений логического следования. Поздние мегарики (Стилпон и др.) по своим этическим воззрениям стояли очень близко к киникам. Ученик Стилпона Зенон-стоик преобразовал Мегарскую школу. вместе с кинической в стоическую школу.

Теперь следует более подробно остановиться на такой фигуре, как Евклид, тем более что его философия заслуживает особенного внимания. Евклид родился в Мегаре, где основал собственную школу. Ученые реконструируют даты его жизни приблизительно 435—365 гг. до н. э.

Его привязанность к Сократу была необыкновенной. Рассказывают, что в момент наихудших отношений между Мегарой и Афинами, афиняне грозили смертной казнью каждому мегарцу, который посмеет войти в их город. Но Евклид, невзирая на эту угрозу, продолжал регулярно бывать в Афинах: ночью он проникал в город в женских нарядах. Взгляды Евклида соединяют в себе взгляды Сократа и элеатов, как об этом говорят наши скудные источники. Благо, по Евклиду, это Единое, он видит в нём абсолютную тождественность и равенство. Подобно тому, как Парменид исключал небытие, так Евклид удаляет всё, что противоречит Благу, утверждая, что этого нет: всё противоречащее благу не существует.

Впоследствии он вернулся к понятию небытия для обоснования множественности и становления.

Методологически Евклид предпочитал аргументам по аналогии, широко использовавшимся Сократом, диалектику зеноновского типа, атакуя не посылки, но заключения. Единое Благо наделялось атрибутами, несомненно сократическими: “то как мудрость, то как Бог, то как ум” и т. д. Познание и мудрость как Благо, а Бог как умопостигающее начало были характерными чертами сократовской теологии. То же самое с прибавлением утверждения, что добродетель одна, мы находим у Евклида.

Евклид и другие мегарики много времени посвящали эристике и диалектике, приписывая последней немалую роль в этическом совершенствовании. В той мере, в какой диалектика разоблачает заблуждения оппонентов, она очищает от ошибок и ведет к счастью, ведь заблуждение — причина несчастья.

Глава 5 Евбулид, Диодор Крон, Стилпон. Развитие логики.

Один из представителей Мегарской школы – Евбулид, в своём учении пытался синтезировать этические взгляды Сократа с позицией мегариков. В частности, Евбулид утверждал, что не следует отрицать существование того, что противостоит благу. Благо – есть нечто самодостаточное и абсолютно совершенное, поэтому даже существование зла не может повредить добру и благу. Зло – несовершенно и неабсолютно, так как стремиться утвердить себя за счёт блага; зло – слабее

и ущербнее добра, поскольку оно пытается уничтожить то, что противоположно себе, тогда как добро, за счёт своей абсолютности, готово терпеть существование противоположного себе. Евбулид также известен благодаря тому, что в своём учении он развивал диалектику и её эвристический аспект. Однако уже в его творчестве стали чувствоваться симптомы заката сократических школ.

Диодор, прозванный Кроносом (или Кроном) родился в Карию (юго-запад современной Турции) в IV веке до нашей эры. Древние считали его крупнейшим философом, а Цицерон называл его лучшим диалектиком. Диодор Крон был соперником Стилпона, о котором будет рассказано позже, он боролся с перипатетиками (учениками Аристотеля), эпикурейцами и стоиками, отстаивая диалектические положения, согласно которым существует только лишь единое, вечное и тождественное с самим собой. Диодор обосновывал свою философию анализом понятия движения, возможного и случайного. Случайности и возможности философ не признавал. А доказательства против движения во многом напоминают доказательства Зенона. Диодор Крон был также известен своей критикой аристотелевского понятия “потенции”, сведя всё бытие к “акту”.

Стилпон (360—280 гг. до н. э.) отрицал ценность любой формы дискурсивной логики, признавая лишь суждения тождества (человек-человек, благо-благо и т.

п.), в духе элеатов, успех которых объяснялся виртуозностью эллинов в диалектическом диспуте.

Развитие логики. Таким образом, благодаря деятельности Сократа, открывшего логос, софистов и младших сократиков, как принято называть киренаиков, мегарцев, элидцев и киников, логике был дан импульс к развитию. Как считается Сократ был одним из первых, кто сформировал понятие индукции, развил технику обоснования. Однако, безграничная вера Сократа в познание и логос в широком смысле слова практически лишены основания. Логос, в конечном счете, не есть то, что способствует порождению любой души, но лишь тех, что уже плодоносят. Признание, из коего следует множество недоразумений: логос и диалектический метод, на логосе основанный, производят без ограничений пути к познанию, пути жизни по правде. Но от сократовского логоса многие отворачивались: значит, они бесплодны, — выносит приговор философ. Но ведь всякий, кто наделен душой, может принять в себя плод, зачать? Вопрос, на который Сократ не дает ответа.

Ученик Сократа Евклид, развивая логику, отказывался от аргументов по аналогии, предпочитая, используемую его учителем, диалектику Зенона, делая упор на заключение и элиминируя посылки. Как уже было сказано, Евклид наделял Единое атрибутами: “то как мудрость, то как Бог, то как ум”. Евклид и другие мегарики занимались эристикой и диалектикой, приписывая последней немаловажную роль в этическом совершенствовании человека. Диалектика разоблачает

заблуждения оппонентов, освобождает разум от ошибок, заблуждений и ведет к счастью, в то время как заблуждение есть основная причина несчастья. Евклид, сам работал над теорией опровержения. Его единомышленники, Евбулид и Алексин, прославились целым рядом логических силлогизмов, возбуждавших большой интерес и внимание и вызвавших серьезную дискуссию. Два таких силлогизма “куча” (какое зерно делает кучу?) и “лысина” (какой из выпадающих волос образует лысину?) восходят в своей основе к Зенону и служат в его аргументации доказательствами, что постоянные величины не могут составиться из малых частей. Подобным же образом доводы Зенона против движения были умножены, если не усилены или углублены, другим мегариком, Диодором Кроносом. Неумолимый в разыскании таких трудностей и противоречий, Диодор открыл, между прочим, и знаменитое доказательство, уничтожавшее понятие возможности: возможно только действительное, ибо возможное, которое не действительно, именно по этой причине оказывается невозможным.

Задача логики того времени заключалась в нахождении истины с помощью чисто логических средств, хотя нельзя не отметить софистов, которые, напротив, пользовались логикой, но чаще внелогическими средствами исключительно для доказательства правоты и убеждения публики в истинности своих слов и заявлений. Философы же использовали логику для того, чтобы открывать новые

законы, доказывать истинность собственного учения и собственных теорий. Логика была для них наукой о мышлении, способной избавить человека от ошибок, связанных со словоупотреблением, неправильным пониманием, и ведущей к формированию истинных понятий, отражающих самые существенные и важные черты в каких-либо явлениях.

Глава 6 Элидская школа: Федон.

Федона чаще всего относят к кругу младших сократиков. Он был современником Сократа и прославился своей оригинальной философской системой, побудивший Платона посвятить ему целый диалог о бессмертии души, который он, кстати, назвал его именем, то есть “Федон”. Диоген Лаэртский сообщает о нём следующие сведения: “Федон из Элиды был пленен с падением его города и заключен в дом для нечестивых. Но и при закрытых дверях он сумел войти в контакт с Сократом, при содействии которого он был выкуплен Алкивиадом и Критоном. Став свободным, он посвятил себя философии”. Федон написал несколько диалогов: “Зопир” и “Симон”, однако все они утрачены и сохранились лишь во фрагментах. После смерти Сократа он основал свою школу в родном городе. Федон работал в различных направлениях, в особенности в эристике, диалектике и этике.

В “Зопире”, как свидетельствуют источники, он работал над разработкой понятия логоса, который не знает никаких препятствий, в том, чтобы овладеть самыми мятежными натурами. Логос существует вне

человека и не подвластен ему, напротив, он сам способен повелевать человеком. Зопир был в своём роде физиогномист, т. е. Он может определять моральные качества человека по физиономической пластике и чертам лица. Анализируя черты лица Сократа, он делал заключение о порочной натуре своего учителя, вызывая при этом всеобщее веселье, и только сам Сократ вступался за Зопира, свидетельствуя, что действительно он был таким до того момента, пока философский логос не изменил его до самого дна и Сократ не стал таким, каким мы видим его в настоящее время..

Федон углубил сократическую философию, предложив *проверку собственным опытом* (как мы помним, логос был той силой, которая спасла его от унижения во время тюремного заключения). Всемогущество логоса и познания в моральной сфере было типическим свойством сократовского интеллектуализма. Федон считал, что любые философские положения подлежат эмпирической проверке, а опыт, в свою очередь, также способен дать почву для мышления.

Жизнь элидской школы была непродолжительной, За Федоном последовал Плистен (уроженец Элиды). Но уже Менедем из Мегарской школы Стилпона, собрав наследие элидцев, перенес центр школы в Эретрию, где вместе с Асклепиадом из Флиунта продолжил изыскания в направлении эристики и диалектики.

Часть 4 Платон. Метафизика

Жизнь и творчество. Логика и методология. Метафизика. Критика чувственного знания и теория идей. Космология. Душа, нравственность.

Глава 1 Жизнь и творчество Платона

Платон родился в Афинах в 428—427 гг. до н.э. Его настоящее имя — Аристокл, Платон же – это псевдоним, который можно перевести как “широкий”: так прозвали его друзья в юности за ширину плеч и продолжали звать в старости за широту ума. По другим сведениям, он получил его, благодаря размашистому стилю и широкому лбу (“platoV” по-гречески означает полноту, широту, просторность).

Он был из знатнейшего афинского рода: отец его имел среди предков царя Кодра, мать гордилась своим родством с Солоном. И нам понятно, что для Платона с младых лет открывалась поистине идеальная перспектива политической жизни: рождение, образование, личные склонности, всё продвигало его в одном направлении. Все эти биографические данные существенны, ибо вошли в основу его мышления.

Аристотель сообщает, что Платон поначалу был учеником Кратила (последователя Гераклита) и пробовал писать стихи и трагедии. Но однажды, когда он нёс в театр только что сочиненную трагедию, он услышал разговор Сократа, швырнул свою трагедию в огонь и стал самым преданным его учеником. Некоторые исследователи высказывают предположение, согласно которому, Платон последовал за Сократом

первоначально по тем же соображениям, что и другие юноши, т.е. не за тем, чтобы сделать философию целью своей жизни, а чтобы лучше приуготовить себя к политической жизни.

Однако события придали жизни Платона совсем иной смысл. Первое непосредственное включение Платона в политическую жизнь относится к 404—403 гг. до н.э., когда аристократия пришла к власти, и двое его родственников — Хармид и Критий — оказались на первых ролях в олигархическом правительстве. Однако это был, без сомнения, опыт горький; разочарование вызвали интриги и насилие, пущенные в ход теми, к кому Платон всегда питал доверие. Кульминационным же событием, приведшим к полному разочарованию в практической политике стало осуждение Сократа в 399 году до н.э. и его казнь, ответственность за что легла на демократов, вновь пришедших к власти. Действительно, когда афинская народная власть казнила Сократа, он возненавидел эту народную власть на всю жизнь.

После смерти любимого учителя в 399 г. до нашей эры Платон уехал в Мегару вместе с другими учениками Сократа, где они были приняты философом Евклидом, но там он надолго не задержался.

В 388 г. до нашей эры, когда ему было сорок лет, он посетил Италию. Ранее Платон побывал также в Египте и в Кирене, но об этих путешествиях в своей автобиографии он умалчивает. И неё мы узнаем, что в Италии он знакомится с пифагорейцами, в частности, с Архитом. Затем он отправляется на Сицилию, в

Сиракузы по приглашению тирана Дионисия I, для того, чтобы изложить свою философскую систему и внушить тирану собственный идеал правителя-философа.

Но с Дионисием Старшим разговор его был недолог, и об этом повествует одна интересная история: Платон встал перед Дионисием и начал говорить, как жалок тиран в сравнении с мудрецом. Дионисий слушал мрачно. “Стало быть, тиран не мудр?” — “Мудр лишь тот, кто делает сограждан лучше”. — “И не храбр?” — “Храброму ли бояться собственного цирюльника?” (Платон намекал на то, что Дионисий, опасаясь заговора, отказался от услуг своего брадоброя, и сам научился бриться при помощи раскалённой скорлупы от ореха) — “И не справедлив в суде?” — “Всякий суд лишь штопает дыры в лохмотьях Справедливости”. — “Зачем же ты, в таком случае, приехал?” — “Искать совершенного человека”. — “Тогда считай, что ты его не нашёл! “ И Дионисий удалился, отдав приказ: когда Платон поедет обратно в Афины, схватить его и продать в рабство.

Платона вывели на продажу в незнакомом городе — он не сказал ни слова. Среди народа случайно оказался Анникерид, ученик Аристиппа; он узнал Платона, купил его и тотчас отпустил на волю. Афинские друзья Платона хотели возместить ему эти деньги — Анникерид гордо ответил: “Знайте: не только в Афинах умеют ценить философию”. По другой версии Дионисий продал Платона спартанскому послу в Эгине, но его нашёл Анникерид и выкупил.

По возвращении в Афины, Платон основывает Академию, расположенную в саду, посвящённую герою Академу, о чём впервые заявлено в диалоге “Менон”. В сказочные времена жил близ Афин герой Академ. Когда царь Тесей похитил в Спарте юную Елену и её братья Диоскуры погнались за похитителем, Академ показал им, где спрятана их сестра. Поэтому спартанцы разоряя афинскую землю во время пелопонесской войны, не тронули той пригородной рощи, где когда-то жил Академ. Эта “Академия” осталась мирным уголком среди раздоров и бедствий. Здесь на те деньги, которых не принял Анникерид, друзья купили Платону усадьбу. На воротах её написали: “Не знающий геометрии да не войдёт сюда”. Здесь может возникнуть вопрос, в чём причина такой любви к геометрии? Дело всё в том, что человеческие законы можно менять, а законы математики вечны и им подчиняются даже боги. Поэтому, познавая законы геометрии, мы становимся равными богам. Итак, в Академии Платон размышлял, писал, беседовал с учениками и ждал царя-философа. Академия утвердилась очень быстро и стала собирать множество молодых талантливых людей.

Прошло двадцать с лишним лет. Дионисия Старшего в Сиракузах сменил Дионисий Младший — неумный, своенравный и распущенный. Отец видел в сыне соперника, держал его взаперти и ничему не учил, и тот коротал скуку, сколачивая деревянные тележки и столики. Придя к власти, он загулял: попойки его длились по девяносто дней, а все дела в государстве

стояли. Ему было совестно своего невежества и нрава, но перебороть себя он не мог. У него был дядя, по имени Дион, страстный поклонник Платона. Дион предложил пригласить в Сиракузы Платона и дать ему земли и денег для основания философского государства. Дионисий ухватился за эту мысль всей своей беспокойной совестью.

В 367 г. до н.э. Платон во второй раз отправляется на Сицилию, где его приняли по-царски. Дионисий от него не отходил, геометрия стала придворной модой, комнаты дворца были засыпаны песком, на котором чертились чертежи. Больше того — Платон единственный мог входить к тирану без обыска. Аристипп обиженно говорил: “С таким гостем Дионисий не разорится: нам, кому нужно много, он даёт мало, а Платону, которому ничего не нужно, — много”. Не давал Дионисий только помощи для философского города: он боялся, что там укрепится Дион и свергнет его. Дион был отправлен в изгнание, и Платон понял, что надеждам его конец. С трудом он отпросился у Дионисия, который был занят в то время военными приготовлениями, на родину. Прощаясь, Дионисий угрюмо сказал: “Не говори обо мне дурного в Академии”. Платон невесело ответил: “Плохой бы я был философ, если бы мне больше не о чем было говорить”.

Прошло ещё пять лет и в 362 г. до нашей эры Платон приехал в Сиракузы в третий раз — мирить Дионисия с Дионом. Дело в том, что изгнанный из Сиракуз Дион убедил философа принять настойчивые приглашения

Дионисия. Тиран снова возжелал иметь при дворе философа, дабы укрепить себя в познаниях и мудрости. Платон снова едет с Дионом, надеясь утвердиться в Сиракузах. И вновь его ждет расплата за наивную веру в изменение природы тирана, на этот раз едва ли не ценой жизни. И лишь благодаря всё тому же Архиту Платону удалось спастись: в 360 г. Платон вернулся в Афины и не расставался с Академией до своей смерти, наступившей в 347 г. до н.э. А Дион же в 357 г. до н.э. собрал отряд наёмников, пошёл на Сиракузы, изгнал Дионисия силой, но сиракузянам новый тиран показался не лучше старого, и Дион был убит раньше, чем успел подумать о философских законах. Говорили, что его убил Каллипп — такой же ученик Платона, как и он.

Платон дряхлел в Академии, вновь и вновь перекраивая свой чертеж идеального государства. И чем дальше, тем больше ему становилось ясно: вечному благу нет места на земле, род человеческий слишком испорчен, даже наилучшее государство — обречено. Перед смертью он стал писать книгу о войне двух идеальных государств и о гибели того из них, которое в своём величии забыло о божественной добродетели и погналось за земными благами. Эти два государства — Афины и Атлантида.

Теперь перейдём к творчеству Платона. Хорошо известно, что Сократ никогда ничего не писал: он только думал и разговаривал, ведь когда думаешь, то твоя мысль в движении, а чтобы записать, её надо остановить. Сократ не хотел останавливать свою мысль — за это он и

погиб. А Платон положил всю свою жизнь именно на то, чтобы остановить мысль: пусть она изобразит нам самое прекрасное, самое настоящее, самое лучшее, мы это запишем, мы это устроим, и дальше пусть ничего не меняется: пусть начнется вечность. Страх перед безграничностью мысли был в Платоне так же силен, как и в ненавистных ему афинских судьях.

Как считается, Платон был одним из первых, от которого в целостном виде сохранились подлинные тексты. Действительно, сочинения Платона дошли до нас в своей полноте, упорядоченные грамматиком Трасиллом, и они могут быть сгруппированы по следующим девяти тетралогиям:

1. Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон.
2. Кратил, Теэтет, Софист, Политик.
3. Парменид, Филеб, Пир, Федр.
4. Алкивиад I Алкивиад II, Гиппарх, Любовники (Соперники).
5. Феаг, Хармид, Лахет, Лисид.
6. Евтидем, Протагор, Горгий, Менон.
7. Гиппий Меньший, Гиппий Большой, Ион, Менексен.
8. Критофонт, Государство, Тимей, Критий.
9. Минос, Законы, Эпиномид, Письма.

По количеству их значительно больше, чем фрагментов, сохранившихся от досократиков. Интерпретация и оценка этих сочинений породили целую серию сложных проблем, образовавшую так

называемый “платоновский вопрос”, ведь далеко не обо всех произведениях Платона можно твердо сказать, что они действительно принадлежат ему: многие из них исследователи считают подложными. Дело в том, что в Античности была распространена традиция приписывать имени великого предшественника собственные произведения, так как в древности был важен авторитет, а не авторство. Однако и соотношение произведений, несомненно принадлежащих Платону, не следует считать простым. Зачастую в одних диалогах в краткой форме рассматривается то, что подробно изложено в других. Нередки и противоречия между диалогами. Строго говоря, сочинения Платона не содержат целостного учения, философской системы в том смысле, в каком это понятие использовалось позднейшими философами, “Учение Платона” — это, по существу, результат упорядочения различных мотивов его творчества. Удивляться таким противоречиям, однако, не приходится: великий философ был основателем и руководителем Академии, представлявшей собой не только сообщество учёных, а прежде всего религиозный орден. Творения родоначальника Академии, несомненно, были отредактированы, возможно, даже не один раз, и определить, что именно в них восходит к самому Платону, а что является итогом позднейшей обработки, едва ли когда-нибудь удастся.

Итак, самый первый вопрос заключается в том, какие произведения из платоновского корпуса подлинны и аутентичны? Критика прошлого века, озабоченная этой

проблемой, дошла до абсурда, сомневаясь в подлинности едва ли не всех диалогов. Позже проблема утратила резкость и остроту, и сегодня есть тенденция считать аутентичными почти все диалоги.

Вторая проблема относится к хронологии сочинений. Речь идет не о проблеме эрудиции, а скорее, о том, что платоновская мысль развивалась постепенно, превосходя саму себя в процессе самокритики и самокорректировки. В конце прошлого столетия появилась новая наука – стилеметрия, позволяющая на базе стилистических характеристик работ разных периодов определить последовательность написания и частично решить вопрос авторства. Если отталкиваться от “Законов”, определенно последнего сочинения Платона, то после внимательной установки его стилистических характеристик можно датировать и другие сочинения, соотнося их стилистические характеристики с предыдущими произведениями по критерию смежности.

И тогда к последнему периоду можно отнести, вероятно, следующие диалоги: “Тэетет”, “Парменид”, “Софист”, “Политик”, “Филеб”, “Тимей”, “Критий”, “Законы”. Таким образом получается, что “Государство” принадлежит к среднему периоду творчества Платона, предшествуют ему “Федон” и “Пир”, а перед ним — “Федр”. Можно также определить группу диалогов периода перехода от юношеских работ к более оригинальным. “Горгий”, похоже, был написан непосредственно перед первым путешествием в Италию, а “Менон” — сразу после него. К тому же периоду

относится “Кратил”. Диалог “Протагор”, возможно, есть блестящее завершение периода начального творчества. Большая часть других диалогов, преимущественно коротких, является, безусловно, юношескими сочинениями, в них обсуждается под особым углом зрения сократическая проблематика. Некоторые из них могли быть переданы в зрелом возрасте. В любом случае, самые значительные метафизические диалоги (“Парменид”, “Софист”, “Политик”, “Филеб”) — произведения зрелого творчества последнего периода, что позволяет реконструировать платоновскую мысль достаточно убедительным образом.

Также для реконструкции платоновской мысли необходимо рассмотреть тех философов, которые повлияли на эволюцию его творчества. В общем можно сказать, что на него оказали влияние Пифагор, Парменид, Гераклит и Сократ. От Пифагора (возможно, через Сократа) Платон воспринял орфические элементы, имеющиеся в его философии: религиозную направленность, веру в бессмертие, в потусторонний мир, жреческий тон и всё то, что заключается в образе пещеры, а также своё уважение к математике и полное смешение разумного и мистического.

От Парменида Платон унаследовал убеждение в том, что реальность вечна и вневременна и что всякое изменение с логической точки зрения должно быть иллюзорным. У Гераклита Платон заимствовал негативную теорию о том, что в этом чувственном мире нет ничего постоянного. Эта доктрина в сочетании с

концепцией Парменида привела к выводу о том, что здание не может быть получено через органы чувств, оно может достигаться только разумом. Этот взгляд в свою очередь вполне согласуется с пифагореизмом.

Духовное развитие Платона началось с разработки преимущественно этико-политической проблематики, начиная с позиции, к которой пришёл Сократ. Вероятно, именно от Сократа он унаследовал интерес к занятиям этическими проблемами и тенденцию искать скорее телеологическое, чем механическое объяснение мира. Идея “блага” в философии Платона имела большее значение, чем в философии досократиков, и трудно не приписать этот факт влиянию Сократа.

В последнее время на первый план вышла третья проблема — “незаписанных теорий”, усложнившая “платоновский вопрос”. Многие ученые полагают, что от решения этой проблемы зависит корректная постановка платоновского вопроса и понимание значения платонизма в античной истории.

Древние источники свидетельствуют, что Платон в стенах Академии вёл курсы под названием “Вокруг Блага”, не желая видеть их записанными. В них шла речь о последней высшей реальности, предельных основаниях и первопринципах, причем Платон добивался от учеников их понимания через суровую систему воспитательных методов. Учитель был убежден, что знание об этих последних основаниях нельзя передать иначе как посредством приготовления и строжайшего

самоконтроля, а это может иметь место только в живом диалоге и в режиме устной диалектики.

В “Письме VII” Платон пишет: “Познание этих вещей не подлежит передаче, подобно другим знаниям, но лишь после долгих споров об этих вещах, в процессе совместной жизни, подобно внезапно вспыхнувшей искре, рождается душа сама себя понимающая... Этим вещам научаются необходимым образом лишь совместно, совместно же постигают истину и ложь, которые и образуют реальность как таковую, после доскональной проверки в течение длительного времени, как я говорил вначале; методом притирки одних к другим имен, определений ощущений и образов, подвергнув их испытаниям, без зависти опробуйте их в споре, опровергая заблуждения, и воссияет внезапно познание каждой вещи в луче интеллектуальной интуиции, которая требует максимальных человеческих усилий”. По этому вопросу решение Платона категорично: “Об этом я ничего не писал. И никогда не напишу”.

Но ученики, помогавшие Платону в его лекциях, кое-что всё же записывали, и, таким образом, до нас эти записи дошли. Платон порицал их, более того, осуждал, считая их вредными и бесполезными, впрочем, признавал, что некоторые из его учеников неплохо поняли его лекции.

Стало быть, для понимания Платона мы не можем не учитывать эти устно выраженные доктрины, переданные устной традицией. Исследователи заметили, что

некоторые диалоги, считавшиеся загадочными непонятными в прошлом, будучи связаны с устными текстами, обретают четкий смысл.

Глава 2 Методология и логика Платона.

В основе методологии Платона лежит разделение философии на этику, физику и диалектику. Вообще, его философия облечена в художественную форму. Среди произведений диалогического жанра, в целом характерного для древней философской литературы, его диалоги занимают особое место. По сравнению и с индийскими комментариями, и с аналогичными текстами средневековья, они скорее напоминают пьесы с яркими и психологически убедительными характерами, только без драматургического действия.

Как уже отмечалось, выразителем точки зрения самого Платона в диалогах, как правило, выступает Сократ. Метод, используемый им, получил название майевтики. Этим словом в греческом языке обозначается искусство повитух. Смысл столь необычного, казалось бы, образа, состоит в том, что Сократ не выдвигает собственных утверждений, но, находя противоречия в рассуждениях собеседника, помогает тому самому “родить” истину, самостоятельно сформулировать правильный вывод.

Продолжая тему логики и методологии, необходимо сказать, что Платон не желал писать о последних основаниях. Но даже в тех вещах, о которых решался писать, он отказывался быть систематичным и пытался воспроизвести дух сократовского диалога. Он имитирует

его особенности, некое вопрошание, имеющее долю сомнения, с неизбежными разрывами, через которые майевтика выводит на свет истину из потаенности, настаивая и понуждая слушателя услышать свою душу, свой голос, со всеми драматическими муками, сопровождающими последние поиски. Так родился “сократический диалог”, ставший литературным жанром, воспринятый бесчисленными учениками Сократа, среди которых Платон, вероятно, был едва ли не единственным подлинным наследником; ибо лишь в нём мы видим истинную природу философствования Сократа.

Философское письмо Платона — диалог, герой которого Сократ, беседующий с одним или несколькими слушателями и обсуждающий какую-либо проблему, к примеру, что есть благо, истина, прекрасное. Рядом с ними есть ещё один, куда более важный персонаж, — читатель, который есть собеседник абсолютно незаменимый, ибо именно ему, читателю, часто выпадает задача, назначенная самой майевтикой, принять решения большинства обсуждаемых проблем.

Очевидно, что Сократ в диалогах Платона из исторической личности превращается в персонаж диалогического действия, поэтому, чтобы понять Платона, как считают историки философии, не важно расследовать то, что принадлежит Сократу, а что — Платону. Действительно, Платон рано начал практиковать смещения исторического и теоретического планов, и именно в такой теоретической перспективе читаются его сочинения.

Сократ, стало быть, в диалогическом пространстве — это Платон, а Платон “пишущий”, т.е. в сочинениях, известных философам, должен читаться Платон “подразумевающий, но молчащий, умалчивающий”.

Исходя из всего этого, можно сказать, что цель платоновской логики также имеет методологический характер. Источник логики скрывается в сократовско-платоновской теории идей. Идея, как истинно существующее общее, а его познание есть понятие. Платон из общего, которое познается в понятии, и частного, которое воспринимается, сделал два различных мира: мир горний — мир идей и мир физический. Также философу было свойственен элеатский принцип отрицания между общим и частным, между идеями и явлениями, между понятием и восприятием. Даже в качестве причины явлений, идеи составляли особый мир, существующий рядом с эмпирическим. В этом смысле раздвоение сущности и явлений, бытия и возникновения, представляет, наравне с некоторыми диалектическими промахами, главный объект возражений против теории идей.

Как считается, философия родилась в результате появления особого внимания к логосу, к слову и освобождения его от мифа и фантазии. Софисты придали мифу функциональный характер (рационально-просветительский), однако, Сократ не одобрял этого, требуя строго диалектического обоснования. Поначалу и Платон разделял позицию Сократа. Но уже в диалоге “Горгий” он восстанавливает миф в правах и потом постоянно его использует, понимая его огромную

важность. Как можно объяснить этот факт? Возвращение философии к мифу — это движение вспять или, может быть, это частичное отречение философии от собственных предпочтений и приоритета, отказ от последовательности?

Платон восстанавливает миф, осуществляя некоторые тезисы орфизма и религиозные мотивы, и использует его в качестве методологического приёма в учении и познании. Для него миф есть нечто большее, чем фантазия, миф — выражение веры и доверия. Во многих диалогах, от “Горгия” и дальше, мы видим желание некой формы рациональной веры: миф ищет разъяснения в логосе, а логос хочет найти завершение в мифе. Платон, значит, верит в силу мифа, когда разум достигает своих пределов и крайних возможностей, он интуитивно преодолевает эти границы, поднимая дух в его усилении.

Кроме того, необходимо заметить, что миф, систематически употребляемый Платоном, существенно отличается от дофилософского мифа, не знавшего логоса. Речь идет о мифе, который как уже было сказано, есть более чем полёт фантазии, выражение веры, но ещё более того, миф, который не подчиняется логосу как таковому, но даёт стимул последнему. Это миф, который в процессе сотворения выступает демифологизированным, а от соприкосновения с логосом сбрасывает свои фантастические элементы, удерживая при этом силу аллюзии, намёка и эвристической интуиции. Вот один яркий иллюстрирующий пассаж из

“Федона”, непосредственно следующий за рассказом о родах душ и их участи по ту сторону земного мира: “Конечно, утверждать, что дела обстоят таким, а не другим образом, так, как я это показал, не значит убедить человека здравого смысла; однако утверждать так или иначе нечто подобное о том, что должно произойти с нашими душами и об их обиталище, включая то, что вытекает из нетленности души: всё это, мне представляется, обогащает и возвышает того, кто верует в это, ведь риск прекрасен! И необходимо, чтобы вместе с этими верованиями мы очаровывались самими собой: именно поэтому я продлеваю немного жизнь моему мифу”.

Следовательно, чтобы понять методологию Платона, необходимо признать роль мифа и отдать ему должное, и вместе с тем, признать роль логоса затем, чтобы соотнести их для тех, кто желает, в пользу логоса, или же, если угодно, в духе преодоления логоса (мифологии).

Начиная с философов Академии, сложилась традиция чтения Платона в ключе метафизики и гносеологии, что указывало на то, что в теории и познании идей нельзя обойтись без опоры на платонизм. Впоследствии, в неоплатонизме была найдена аутентичная форма платонизма в религиозной проблематике, в предвосхищающем ожидании божественного, в мистическом измерении, в котором исполнена большая часть диалогов, в) Вплоть до настоящего времени сохранились эти две интерпретации, но в нашем столетии возникла третья, которая усматривает сущность

платонизма в этико-политической проблематике; в том, что он отталкивается от прошлого, не принимая его почти во всем, по крайней мере, в самоценности этого прошлого. В Письме VII Платон определенно заявляет, что его истинной глубинной страстью была политика. Сама жизнь, его сицилийские эксперименты подтверждают это. Наконец, в последние десятилетия ученые вновь обратились к устной диалектике в том смысле, что так называемые “последние истины”, по убеждению Платона, не могут быть выражены письменно. Кажется, что подлинный Платон не схватывается ни одной из этих перспектив, взятых по отдельности как единственно значимая точка зрения, а, лишь, в совокупности этих направлений в динамике. Первые три позиции прочтения освещают три реальных лика, три ракурса метафизики Платона, которые, будучи по-разному соотнесены дают эффект единства платоновских сочинений. Следующий аспект объясняет природу этой многогранности, оставляя контуры платоновской системы ясными в своей прозрачности.

Глава 3 Метафизика.

Платону принадлежит открытие реальности сверхчувственного, над-физического пространства, признаки которого не просматриваются в предшествующей философии физиса (Эмпедокл, Гераклит, Парменид, Фалес, Анаксимандр, Анаксимен), искавшей первопричины феноменов физического и механического бытия (вода, воздух, земля, огонь, горячее, холодное, конденсация, разряжение и т.п.).

Сверхчувственное и не принадлежащее к природному миру и составляет метафизику, однако у философа само это понятие не встречалось, так как оно разрабатывалось учениками Аристотеля. Платон отмечает, что даже Анаксагор, который лучше других увидел необходимость введения универсального умозрительного начала, не смог его разработать, отдавая дань традиционным физическим первоначалам. Но проблема лежит в самом основании: являются ли причины физического и механического характера истинными? Или же, напротив, они суть “со-причины”, т.е. сопутствующие, ведущие и служащие другим, более высоким причинам? Может ли, наконец, быть причиной того, что природно и механично, нечто нефизическое и немеханическое?

Для ответа на этот вопрос Платон прибегает к образу, названному им, — “второй навигацией”. По терминологии древних мореплавателей, когда утихал ветер, приходилось складывать паруса, и судно переходило на управление веслами, и это называлось второй навигацией. В образной системе Платона первая навигация символизировала ход философии по ветру на парусах натуралистической мысли. Ясно, что вторая фаза персонифицировалась Платоном и его вкладом, с тем, что, без метафор, было результатом его собственных усилий. Первая навигация, по существу, закончилась неудачей, ибо досократикам не удалось до конца объяснить чувственно воспринимаемое посредством чувственного же, они не смогли ответить на вопрос, что лежит в основе мира, что есть общее понятие,

необходимое для объяснения существования природных объектов. Через эту брешь философия вышла в новое измерение бытия сверхчувственного, умопостигаемого. “Вторая навигация” Платона предприняла решительное отстранение от чувств и чувственного, произошло смещение центра философской оси на чисто рациональную сферу, на то, что может быть схвачено лишь интеллектуально. И именно поэтому мы будем понимать под ней всю метафизическую проблематику, поднятую Платоном. В “Федоне” мы читаем: “Едва ли есть страх, что душа моя и вовсе ослепнет, глядя на вещи очами и пытаясь ухватить их каким-либо другим из чувств. А посему укрепь меня в необходимости прибегнуть вновь и вновь к доводам логоса, и лишь в них буду искать истину вещей... Стало быть, я сам определил себя в этом направлении, и мало-помалу, приняв за основу рассуждение, которое мне представляется наиболее прочным, решаю о том, что с ним согласуется, как об истинном, будь то причины, или другие вещи, а если не согласуется, как о неистинном”.

Смысл “второй навигации” станет ещё яснее, если обратиться к примерам самого же Платона. Мы хотим объяснить, почему некая вещь красива? Так что ж, натуралист призвал бы для объяснения элементы чисто физические: цвет, фигура и т.п. Однако, считает Платон, они не есть истинные причины, скорее, средства или со-причины. Надобно постулировать существование некой последней причины, каковая, чтобы быть подлинной причиной, должна быть чем-то нечувственным, но

умопостигаемым. Таковой является Идея, или же чистая форма Красоты-в-себе, которая в силу своего участия, присутствия или сходства, т.е. некоего отношения, определяет, какие из вещей, данных в опыте, красивы, т.е. через форму, цвет и пропорции обнаруживает, каковы они есть и какими должны быть в точном смысле, чтобы быть прекрасными.

Вот второй пример, не менее красноречивый. Сократ находится в тюрьме, ожидая исполнения приговора. Почему он в тюрьме? — Объяснение механико-натуралистическое: да потому, что Сократ имеет тело, которое сделано из костей и нервов, мускул и сочленений, которые, в свою очередь, способны двигаться путем сокращения и ослабления нервов: по этой причине Сократ, передвигая ноги, мог бы войти в темницу, где мы его и обнаружили бы. Всякому очевидна неадекватность такого объяснения, ибо ясно лишь, посредством чего тело Сократа оказалось в тюрьме. Истинная же причина этого — морального и духовного порядка: он сам решил принять вердикт судей и подчиниться афинским законам, рассудив, что это было бы благом и обладало бы силой убеждающего аргумента. И лишь вследствие этого морального и духовного выбора были приведены в движение мускулы, ноги и всё прочее.

Таких примеров можно приводить огромное количество. Платон убеждает, что это имеет силу для всех вещей, что любая вещь физического мира имеет свою высшую и последнюю причину, которая имеет природу не физическую, но метафизическую.

“Вторая навигация” привела к пониманию двух планов бытия: феноменального, видимого, и невидимого, мета феноменального, улавливаемого исключительно интеллектом. Можно также утверждать, что это завоевание обозначило основание и важнейший этап в истории западной мысли, которая впредь будет определена этим размежеванием, как в той мере, в какой она его приняла (и это очевидно), так и в той мере, в какой не приняла; в этом последнем случае она будет полемически отстаивать своё неприятие.

Только после этой “второй навигации” можно говорить о “материальном” и “нематериальном”, “чувственном” и “сверхчувственном”, “эмпирическом” и “метаэмпирическом”, “физическом” и “надфизическом”. В свете этих категорий предшествующие философы физиса выступают материалистами, ибо природа и космос есть тотальность вещей не как таковых, а вещей являющихся. “Истинное бытие” теперь уже образует умопостигаемую, интеллигибельную реальность.

Глава 4 Критика чувственного знания и теория идей.

До сих пор мы говорили об интеллигибельном мире, его структуре и о том, как он отражается в мире чувственном. Остается выяснить, каким образом человек постигает этот мир и каково в этом смысле отношение к чувственному знанию?

Проблема познания так или иначе разбиралась всеми предыдущими философами, хотя вряд ли, впрочем, можно сказать, что кем-то из них она была поставлена и

определена как таковая. Платон был в этом смысле первым, кто со всей ясностью связал проблему познания с понятием интеллигибельного, хотя его решения, по большей части, сохраняли характер апорий.

Первую такую попытку мы находим в диалоге “Менон”. В этом диалоге эристы устраивают коварную ловушку с целью замаскировать проблему, убеждая, что исследование и познание невозможны. Действительно, как можно искать и узнавать то, что ещё не найдено, не известно. Ведь если нечто мы находим, то лишь потому, что оно существует и уже известно; и если искомое было бы найдено, то каким образом его необходимо опознать, если не располагать эффективным средством различения и опознания?

Для разрешения этой апории Платон приводит следующее решение: познание — это “anamnhViV”, т.е. некая форма “воспоминания” того, что уже от века есть в глубинах сокровищницы нашей души.

В “Меноне” представлены два пути решения задачи — мифический и диалектический. Во избежание возможного искажения замысла Платона необходимо рассмотрение и того, и другого.

Мифорелигиозная трактовка проблемы обращается к орфико-пифагорейским мотивам, согласно которым душа бессмертна и рождается много раз. Душа, стала быть, видела всё, и вся реальность для неё доступна, как по эту сторону мира, так и по другую. Если это верно, заключает Платон, нет ничего проще, чем увидеть, как душа познает и понимает: она извлекает из самой себя

истину, которой владеет как своей сутью. Вот это извлечение из себя и есть “воспоминание”, “анамнез”.

И тут же в “Меноне” все части развернуты в обратном порядке: то, что было выводом, подвергнуто философской интерпретации как факт, данный для экспериментальной проверки, в то время как то, что поначалу было мифологической предпосылкой, функцией основания, становится, напротив, умозаключением. Значит, Платон находит важным дополнить мифологическую теорию “майевтическим экспериментом”. Он, задавая вопросы рабу, не сведущему в геометрии, приводит его сократическим методом к решению одной из теорем Пифагора. Поэтому Платон выводит следующее заключение: поскольку раба не обучали геометрии, и никем решение не было подсказано, полученное им самим знание — его заслуга, не оставляющая сомнения в том, что источник знания — его душа, способная вспомнить. Ясно теперь, что на основе аргументации, далекой от какого бы то ни было мифа, раб, как и любой человек, способен добыть изнутри себя истину, которой прежде не ведал, которой его никто не учил.

Очевидно, условием извлечения истины из души, произрастания её, должен быть факт наличия истины в душе. Поэтому доктрина анамнеза есть не только неизбежное следствие из орфико-пифагорейской теории метемпсихоза, но, в не меньшей степени, удостоверение в реальных возможностях сократической майевтики.

Следующее доказательство этой теории на основе переработки математических познаний мы находим в диалоге “Федон”. Мы констатируем при помощи чувств существование вещей равных, больших, меньших, квадратных, круглых и др. Но — при внимательном рассмотрении — мы обнаруживаем, что данные, сопровождающие эксперимент, все без исключения, не адекватны, в точном смысле, тем понятиям, которыми мы неоспоримо обладаем. Ни одна из вещей, чувственно нам данных, не бывает абсолютно и совершенно квадратной или круглой, тем не менее, это не отнимает у нас понятий равного, квадратного, круглого в совершенном и абсолютном смысле. Значит, необходимо заключить, что между эмпирическими данными и нашими понятиями существует некая особенность: последние содержат в себе нечто большее относительно первых. Так откуда же берется эта величина? Если её нельзя структурно обнаружить вовне, т.е. чувством, стало быть, её источник внутри нас. Причем, этот плюс не есть творение думающего субъекта, последний его находит, следовательно, он предпослан субъекту объективным образом, будучи абсолютным и независимым.

Платоновская критика чувственного знания основывается на том, что чувства поставляют знания несовершенные, неполные, из которых практически невозможно представить истинную картину, но наш интеллект вскрывает, отталкиваясь от этих знаний, замыкаясь и углубляясь в собственные глубины, знания

иные, совершенные, коррелирующие с первыми. А, поскольку наш ум их не производит, правильно заключить, что он их находит, как изначально существующие, вспоминая.

Подобное обоснование Платон воспроизводит по поводу эстетических и этических понятий (прекрасное, истинное, благое, здоровое и т.п.), которые нельзя объяснить иначе как исходящие из чистого родникового источника нашей души, образы которой дают нам эти понятия, а в целом, и идеальное видение мира, метафизика которого представлена в “Федре”, и позднее в “Тимее”.

Кто-то из ученых увидел в платоновских реминисценциях первый западный аналог понятия “априори”. Мир идей — абсолютная объективная реальность, которая посредством анамнеза становится предметом ума. И, поскольку интеллект не производит, но собирает и классифицирует идеи независимым от опыта образом (хотя и при содействии опыта: для “вспоминания” идеи равенства мы должны чувственно воспринимать некоторые вещи как равные), в этом случае уместно говорить об открытии “априорного” в западной философии в том отношении, что независимо от опыта в человеке присутствуют чистые формы знания.

Понятие анамнеза объясняет источник, или возможность познания, залог которого — изначальная интуиция правды в нашей душе. Этапы и специфические способы познания Платон определяет в “Государстве” и диалектических диалогах.

В “Государстве” Платон отталкивается от положения, что познание пропорционально бытию так, что лишь максимальным образом существующее познаваемо наисовершенным образом; ясно, что небытие абсолютно не познаваемо. Но, поскольку есть промежуточная реальность между бытием и небытием, т.е. сфера чувственного, смесь бытия и небытия (поэтому она — объект становления), постольку есть и промежуточное познание между наукой и невежеством: и эта промежуточная форма знания есть “doxa”, “докса”, мнение.

Мнение, по Платону, почти всегда обманчиво. Иногда, впрочем, оно может быть и правдоподобным, и полезным, но никогда не имеет в себе гарантии собственной точности, оставаясь неустойчивым, как в своей основе неустойчив мир чувств, в котором обретается мнение. Для сообщения ему устойчивости, необходимо, утверждает Платон в “Меноне”, “каузальное или причинное основание” которое позволяет зафиксировать мнение с помощью познания причин (то есть идей), и тогда мнение превращается в науку, или “эпистему”

Платон специфицирует и мнение (doxa), и науку (episthnh). Мнение разделяется на простое воображение и на верование, наука же бывает родом опосредования и чистой мудростью (nohsiV). Каждая из ступеней и форм познания коррелирует с формой бытия и реальности. Двум ступеням чувственного соответствуют воображение и вера, первая — тени и образы вещей,

вторая — сами вещи; опосредование и мудрость — две ступени интеллигибельного, первая — математико-геометрические познания, вторая — чистая диалектика идей. Математико-геометрическое познание — посредник, поскольку использует наглядные элементы (фигуры, к примеру) и гипотезы, мышление Бога о самом себе — есть начало высшее и абсолютное, от которого всё зависит, и это чистое созерцание, удерживающее Идеи, гармоническим завершением которого выступает Идея Блага.

Теория Идей. Теория идей — основная концепция Платона, без которой невозможно ни понять, ни говорить о его философии. Но что же представляют собой платоновские идеи? Платона принято считать основоположником объективного идеализма, т.е. философской доктрины, согласно которой мысли и понятия существуют объективно, самостоятельно, независимо от человеческого сознания. Но такое представление о древнем платонизме — не что иное, как модернизация, или приписывание Платону убеждений, сложившихся значительно позже и в совершенно иной исторической и интеллектуальной обстановке.

“Идеи” Платона — это совсем не то, что мы подразумеваем под идеями сегодня. Однако в другом, психологическом и моральном смысле слова, он безусловно был идеалистом, ибо самой важной проблемой для него был вопрос о соотношении идеала и действительности. Платону было очевидно, что мир, в котором возможны осуждение и казнь Сократа, не знает

справедливости и не живет в согласии с ней. Идеи блага, прекрасного, справедливости не могут быть его порождениями. Но если они присутствуют в сознании людей, значит, этот мир не может быть настоящим, поистине реальным миром. Следовательно, кроме него должен существовать какой-то иной мир, мир подлинных ценностей и незыблемого порядка, не нарушаемого никаким человеческим произволом. Уверенность в существовании такого высшего, горнего мира являлась для Платона жизненной необходимостью. А потому нетрудно представить себе, какое раздражение вызывали у него те, кто отрицал саму возможность высшей реальности, недоступной зрению, слуху и осязанию.

Теперь необходимо рассмотреть вопрос, каким образом у человека появляются идеи? Сократ когда-то говорил: человек должен заботиться не о мироздании, а о своих человеческих делах: обдумать хороший поступок – и совершить его. Но ведь так же работает любой столяр: обдумает, какой он хочет стол, - и сделает его. При этом сделанный стол никогда не бывает так хорош, как задуманный: то рука дрогнет, то доска плохая попадетсся с изъяном. Откуда же в уме у столяра его замысел прекрасного стола, если на свете он таких столов никогда не видел? Должно быть, он заглянул умственными очами в какой-то мир, где существует всем-столам-Стол и всем-горам-Гора и всем-правдам-Правда, заглянул, увидел и постарался воспроизвести этот Стол в дереве, как Сократ старался воспроизвести эту Правду в хороших поступках. Самому Платону этот умопостигаемый мир

виделся настолько ясно, что он так и назвал этот Стол и эту Гору “образами” стола и горы, по-гречески (idea) “идеями”. В них нет ничего лишнего, ничего случайного, что всегда бывает в земных предметах, всё прекрасно, выпукло и ярко: не стол, а сама Стольность, не гора, а сама Горность, а выше всех – Правда, Красота и Добро. Весь этот комплекс идей Платон назвал “Гиперуранией”, или миром идей, в котором существуют идеи Прекрасного, Добра, Истины, Красоты и так далее. “А я вот, Платон, стол и гору почему-то вижу, а Стельности и Горности, хоть убей, не вижу!” – перебивал его ругатель Диоген. “Это потому, что у тебя нет для этого глаз, – отвечал Платон. – Все твои столы и горы – лишь тени, падающие от идеи-Столa и идеи-Горы”.

Платон иллюстрирует эту теорию при помощи замечательного образа, который мы обнаруживаем в VII книге диалога “Государство”. Представьте себе картину: идёт дорога, а вдоль дороги – длинная щель в земле, а под этой щелью – длинная подземная пещера, вроде тюрьмы для рабов. В пещере сидят люди в колодках – ни пошевелиться, ни оглянуться; за спиной у них светлая щель, перед глазами у них голая стена, и на эту стену падают их тени и тени тех, кто проходит по дороге. Узники видят мелькание теней, слышат эхо голосов, сопоставляют, догадываются, спорят. Но если когонибудь из них расковать, вывести на ослепляющий солнечный свет, показать ему настоящий мир, а потом спустить его обратно к его друзьям, - они ему не поверят.

Вот таковы и философы, заглянувшие в мир идей, среди толпы, живущей в мире вещей.

Что же позволяет им, философам, заглядывать в мир идей? Это воспоминание (анамнезис, о котором мы говорили в начале главы). Наши души до рождения жили в мире идей, и оттуда сходили мучиться в наши тела, как с солнечного света в подземную пещеру. И, видя здесь деревянный стол и каменную гору, душа вспоминает идею-Стол и идею-Гору и понимает, что такое перед ней. А видя здесь красивого человека, душа не остается спокойной, она вспыхивает любовью и рвется ввысь, потому что это для неё напоминание о несравненной красоте мира идей. И когда поэт творит стихи, то он вдохновляется не тем, что он видит вокруг себя, а тем, что помнит его душа из того, что было увидено до рождения. Если же стихи или картины списаны не с идей, а с вещей, то грош им цена: ведь если вещи - лишь тени идей, то такие стихи - тень теней.

Такими обрывками воспоминаний живут все, постоянно же созерцать мир идей могут лишь немногие. Для этого нужны долгие годы умственных упражнений, начиная с самых простых – над геометрическими фигурами. Когда мы говорим “квадрат”, то все представляем себе одно и то же; когда говорим “правда”, то совсем не одно и то же; так вот, вглядываясь и вдумываясь, нужно добиться того, что и правда будет одна для всех, как геометрия – одна для всех. Кто до этого досмотрелся, тем и должна принадлежать власть, и

они создадут такое государство, которое будет вечно и неизменно, как мир идей. Когда-то в Греции

власть принадлежала самым знатным; потом - самым многочисленным; теперь пришла очередь самых мудрых.

Глава 5 Космология.

Космология в учении Платона понимается как происхождение и существование космоса, то есть вселенной. От мира чувственного с помощью “второй навигации” мы совершили восхождение к миру умопостигаемому как к его истинной причине. Теперь, поняв структуру высшего мира, нетрудно постичь генезис и структуру мира чувственного. Подобно идеальному миру, физический мир происходит также из идей.

Единое действовало на неопределенную Диаду в сфере умопостигаемого без посредников, ибо оба принципа идеальны, не так дело обстоит в сфере чувственного. Материя, хранилище чувственного, которую Платон называет “σῶμα” “хора” (пространственность), существует лишь благодаря смутным образом участвующему в ней умопостигаемому миру, и она находится во власти бесформенного и хаотического движения. Так каким же образом идеи воздействуют на чувственный физический мир, и из хаоса рождается космос?

Платон даёт следующий ответ. Изначально существовал Демиург, некий Бог-творец, Бог мыслящий и водящий (стало быть, личностный), которые взяв за образец мир идей, создал как ремесленник материю, не

имеющую формы и, таким способом породил физический космос.

Схема объяснения чувственно воспринимаемого мира по Платону, следовательно, ясна: модель (идеальный мир), копия (физический мир) и Творец, автор копии согласно модели. Модель-образец вечна, вечен также творец, но чувственный мир, продукт мастерского, рожден в точном смысле слова. “Он порожден, — читаем в “Тимее”, — ибо его можно видеть и трогать, он имеет тело и всё прочее чувствующее, а как таковые они суть процессы порождения и генерирования”.

Но здесь перед нами встаёт вопрос, почему Демиургу захотелось создать этот мир? По мнению Платона, божественный ремесленник произвел мир для добра и из любви к благу. Вот его ответ, который столетиями отмечен как одна из вершин философской мысли: “Скажем, по какой же прихоти Творец вызвал к жизни эту вселенную? Так как он благ, то в благом нет зависти никогда и ни в чём. Свободный от порока, восхотел он, чтобы все вещи стали бы похожими на него, насколько это возможно. Если кто-либо из людей благоразумных воспримет это как главный мотив рождения универсума, то воспримет главное. Ведь Бог, желая видеть все вещи благими, и, насколько это возможно, ни единой с изъяном, принял на себя всё из видимого, что, лишённое покоя, металось неправильно и беспорядочно, и привел всё это из разобщения к порядку, рассудив, как лучше подобает ему быть. С тех пор не делалось ничего иного, как если только, чтобы вещь была ещё более прекрасной.

Рассудив так, он нашёл, что среди вещей видимых, учитывая их интерес, ни одна из них, лишённая понимающего начала, не может быть прекрасней другой, а имей она хоть толику интеллекта, не может же быть совсем без души. И, основываясь на этом рассуждении, вложил он понимание в душу, а душу — в тело, произведя так универсум, чтобы творение его рук было бы прекраснейшим по натуре его и благим настолько, насколько это возможно. Таков второй мотив, надобно сказать, чтоб этот мир был в действительности одушевленным животным и понимающим, ибо порожден, согласно божественному провидению”.

Таким образом, Демиург создал творение наипрекраснейшее из возможных, одухотворенное и пронизанное желанием добра: зло и всё негативное суть проявления неразумной материи, явления “хаотической распыленности” (чувственной материи) сведены к интеллигибельному, иррациональное — к рациональному.

Платон видит мир наделенным жизненной силой и пониманием, а это фактически означает, что, по его мнению, быть живым и понимающим есть состояние более совершенное, чем быть неживым и непонимающим. Именно поэтому Демиург наделил этот мир совершенным телом, а сверх того, душой совершенной и пониманием возможно более полным. Так была создана душа мира (с использованием трех принципов: сущности, тождества и различия), а внутри души — тело мира. Мир выступает как некий “видимый

Бог”, и звезды, светила суть ничто иное как “видимые Боги”. Так, сконструированный мир не подвержен коррупции, уничтожению; мир рожден, но не исчезнет вовек.

Обозначим ещё один момент. Умопостигаемый мир пребывает под знаком вечности, что надо понимать как неподвижную “есть-ность”, вне категорий “было” или же “будет”. Мир чувственный, напротив, протяжен во времени. А что же такое — время? Ответ Платона изыщен: время — это “движущееся подобие вечности”, своеобразное мелькание, просвет “естьности” сквозь “было” и “будет”. Структурно это мерцание влечет за собой движение и порождение. Время, в таком понимании, рождено “одновременно с небесами”, т.е. с возникновением космоса, это значит, что “раньше” рождения мира не было времени, оно началось с миром.

Мир чувственного выступает у Платона как космос, восхитительный порядок, символизирующий победу разумного (логосного) начала, то есть Демиурга, над слепой необходимостью материи. “Бог, скомпоновав все части всех вещей с тщанием и точностью, насколько позволила природа необходимости (т.е. материи), спонтанная и ускользящая, повсюду придал им согласованные пропорции и гармонию”. Древняя концепция Пифагора “космоса” нашла у Платона своё продолжение.

Но какое место занимает Бог и божественное в платоновской космологии, ведь многие исследователи

философии по праву считают Платона основателем западной теологии.

В теологии Платона мы должны различать безличное божественное начало, Бога и богов персонифицированных. Божественное — это идеальный мир во всех своих измерениях, Божественная Идея Блага, тем не менее, это не есть Бог-личность. На вершине иерархии идеального мира находится божественное Существо, но и это не Бог-личность, также как Идеи суть божественные безличные Существа.

Единственно, кто обладает личностной характеристикой, т.е. является Богом в строгом смысле, это Демиург, мудрый, понимающий и водящий, но и он, иерархическое завершение мира, — вне мира идей, ибо он не только его не создает, но и не зависит от него. Демиург не создавал и так называемой материи, из которой состоит физический мир; материя предшествует ему как идеальное условие. Демиург — это ваятель и зодчий мира, но не творец его. Боги, созданные Демиургом, — подобны звездам и светилам, одушевлены и проникнуты логосом. Поразительна привязанность Платона к той божественности, в которой так много от античного традиционного политеизма. Божественна душа мира, божественны души звезд и души людей, рядом с которыми — их демоны-хранители и демоны-посредники, наиболее типический из которых — Эрос.

Как видно, в самом теологичном из мыслителей Греции структурно внедрен политеизм. Позже Аристотель сделает в этом отношении шаг вперед,

сместив границы иерархии, он предпочтет Бога-личность безличному божеству. И всё-таки никто из греков, в том числе и Аристотель, не откроет монотеистического облика мира, принести который будет суждено лишь Библии.

Глава 6 Душа, нравственность.

Высшим морально-нравственным долгом человека Сократ полагал “попечение о душе”. Платон закрепляет этот призыв Сократа, придав ему некий мистический покров замечанием, что “забота о душе” означает её очищение. Последнее достижимо через разрыв с чувственным и соединение с родственным миром интеллигибельного и духовного. Это очищение, весьма отличное от орфических инициации, совпадает с подъемом и вхождением в чистую науку и познание, что, однако, не ведет к алогичности и экстатичности созерцания. Своеобразие платоновского мистицизма — в акценте на силу очищения (катарсиса), сопровождающего научный поиск как прогрессирующее восхождение к знаниям. Понятно, что для Платона процесс рационального познания со временем становится процессом морального обращения, преображения. В той мере, в какой познание ведет от чувственного к сверхчувственному, один мир преображается в другой, из иллюзорного пространства мы попадаем в подлинное. В этом и состоит нравственность и добродетель. Этот тезис развернут не только в “Федоне”, но и в “Государстве”. Диалектика - это освобождение от цепей

чувственного, обращение от становящегося к бытию, наконец, это вступление во владения высшего Блага.

В этом смысле Платон должен быть признан первооткрывателем понятия “преображение”, но не как христианского феномена, а исходного смысла этого понятия.

Сократ считал, что сущность человека — это его душа (yuch), и с помощью этого он обосновывал новую мораль. Для него не было столь важно, смертна ли душа или же нет. Ведь добродетель сама себя награждает, подобно тому, как порок карает сам себя. Напротив для Платона проблема бессмертия становится наиважнейшей. Если умирая, человек растворяется в ничто, то теория Сократа и Платона не в состоянии противостоят нигилистам, не признающим каких бы то ни было моральных принципов, так как если не существует загробной жизни, то не зачем и совершать добрые дела и предпочитать благо злу. Однако открытие метафизики и принятие ядра орфизма сделали для Платона проблему бессмертия фундаментальной: несколько раз он возвращался к её аргументации в диалогах “Менон”, “Федон”, позже в “Государстве”, в “Федре” .

В “Федоне” Платон утверждает, что душа человека способна познавать неподвижное и вечное. Однако, чтобы уловить это последнее, она сама должна иметь сходную природу, в противном случае, всё вечно пребывающее оставалось бы вне способности души к

восприятию. Стало быть, душа столь же вечна и неизменна, как вечность, ей подвластная.

В предшествующих “Тимее” диалогах души представляются вне рождения и вне границ. Однако в “Тимее” прослеживается её порождение Демиургом вместе с душой мира, состоящей из “сущности”, “тождества” и “различия”. Значит, рождение души имеет начало, но, по-своему божественному статусу, она не подлежит смерти, подобно тому, как недоступно смерти всё то, что прямо произведено Демиургом.

Под каким углом зрения Платон ни посмотрел бы на проблему души, вывод получается один и тот же: существование и бессмертие души осмыслены лишь в том случае, если душа понята как сверхэмпирическое существо, обитающее в интеллигибельном пространстве, а потому не подлежащее порче и отрицанию со стороны человека. Открытие Платоном двух измерений человеческого бытия стало настолько необратимым, что при последующих попытках отрицать одно из этих измерений, оставляя физическую природу человека как единственную, игнорируя духовную, смысл этого единственного начала обретал решительно иное содержание, чем прежде.

Существование души после смерти тела изложена Платоном в виде разных мифов и образует весьма сложную картину. Здесь нелепо искать логической последовательности, уместной лишь в диалектическом дискурсе. Эсхатологические мотивы имеют целью убедить уверовать, путем различных представлений,

намёков на глубинную истину, недостижимую разумом, которому они хотя и не противоречат, но питают и поддерживают его.

Для понимания обсуждаемого вопроса необходимо прояснить платоновское понятие метемпсихоза. Как мы уже знаем, это теория перехода души от одного тела к другому, т.е. перерождения душ в разных живых существах. Дело всё в том, что Платон отстаивает концепцию бессмертия души и это служит основой метемпсихоза. Восприняв эту теорию от орфизма, Платон наполнил её новым содержанием в двух аспектах.

Первый аспект представлен в диалоге “Федон”. Здесь говорится о том, что, если души вели образ жизни, исключительно связанный с телами, страстями, вожделениями и наслаждениями, со смертью они не смогут полностью отделиться от телесного, сраставшись с последним. Эти души бродяжничают некоторое время, страшась Аида, кружа вокруг могил, подобно фантомам. Затем, захваченные желанием телесного, они соединятся снова с телами как человеческими, так и животными, в соответствии с низким моральным уровнем предшествующей жизни.

А если душа жила по законам добродетели (в житейском, а не в философском смысле), воплощаются в телах животных, которыми восхищается человек либо же в телах вполне достойных людей. “Но, — заверяет Платон, — высокое племя Богов недоступно душам, не культивированной философией и не очистившим своё

тело полностью, но доступно лишь тем, кто возлюбил мудрость”.

Второй вид реинкарнации представлен в заключительной части “Государства”. Души количественно ограничены, и если каждая из них получит в ином мире своё вечное наказание или вознаграждение, то в один прекрасный момент на земле не окажется ни одной из них. По этой очевидной причине Платон полагает, что сверхземное возмездие за одну прожитую жизнь должно иметь определенную продолжительность. Поскольку одна земная жизнь длится максимально сто лет, Платон, вдохновлённый пифагорейской мистикой числа десять, полагает, что внеземная жизнь должна иметь продолжительность в десять раз большую, чем земная, то есть тысячу лет. Для душ, отягощенных непоправимыми преступлениями, наказание не имеет предела. В общем же случае, пройдя этот тысячелетний цикл, души должны вернуться и воплотиться вновь. То есть здесь таинственным образом пересекаются космические и индивидуальные циклы.

Аналогичные идеи мы находим и в “Федре” с некоторыми вариациями во временных циклах, из которых следует, что души циклически падают в тела, а затем воспаряют на небеса. Циклам также посвящены два мифа: об Эре, содержащийся в “Государстве”, и миф о крылатой колеснице в диалоге “Федр”.

Говоря о душе и нравственности, нельзя не затронуть тему любви, так как без неё немислимо духовное совершенствование человека. Любовная аналитика —

едва ли не самое впечатляющее из всего написанного Платоном. Любовь это не прекрасное и не благое, но — жажда красоты и добра. Любовь, стало быть, не Бог (ведь Бог — всегда благое и прекрасное), но и не человек. Она не смертна, но и не бессмертна. Она — одно из чудесных существ, связующих человека и Бога.

Любовь, следовательно, это философия во всей полноте смыслов этого термина. София, — мудрость, ею вполне владеет лишь Бог. Невежество — удел того, кто напрочь лишен мудрости. “Философос” — это, в точном смысле, тот, кто ни невежествен, ни мудр, но, не владея мудростью, он одержим страстью к ней и хочет ею обладать.

То, что в расхожем смысле слова люди называют любовью, есть лишь частичка истинной Любви, суть которой в желании прекрасного, блага, мудрости, счастья, бессмертия, Абсолюта. Любовь знает много дорог, ведущих к разным ступеням блага (любая форма любви — жажда вечного обладания благом), но лишь истинный любовник знает, как преодолеть их и достичь высшей точки зенита, чтобы увидеть то, что прекрасно абсолютным образом. Любовь проявляется в трёх ипостасях

1. Первый вид это любовь физическая (эрос), желание владеть красивым телом. И уже здесь есть желание бессмертия, ибо “путь в смертном зачатии, рождение — это вечность и бессмертие”.

2. Затем ступень влюбленной очарованности не телом, но душой (филия): она несет семена, которые прорастают в пространстве духа. Среди них мы находим по восходящей влюбленных в души, одержимых искусством, приверженцев справедливости и закона, увлеченных чистой наукой.

3. Третий вид – это высшая любовь к Богу (агапэ), в котором душа созерцает сияние Прекрасного и Абсолюта.

В диалоге “Федр” Платон расширяет своё понимание любви как соединяющей силы, связывая его с теорией воспоминания. Душа, как уже известно, в своей первоначальной жизни видела мир идей. Затем, потеряв крылья и обретя тело, она всё забыла. Но, с усилиями поднимаясь над собой, в размышлениях мало-помалу душа припоминает уже виденное. Специфика идеи Прекрасного состоит в том, что воспоминание о ней “чрезвычайно наглядно” и восхитительно сладостно”. Это свечение идеальной Красоты в живом теле воспламеняет душу, пробуждая в ней желание полета, неистребимую волю вернуться туда, где ей не суждено было остаться. Это и есть проявление любви с её тоской по сверхчувственному, возвращающего душам их древние крылья, влекущего в небесные дали. Любовь платоническая — это ностальгия по Абсолюту, сила, возвращающая нас к изначальному существованию среди Богов.

Суммировав сказанное, можно утверждать, по Платону, что человек на земле — странник, а земная жизнь — некое испытание. Истинная жизнь начинается в невидимом — по ту сторону земного мира, где душа оказывается перед судом, совершаемом по одному критерию — справедливости и несправедливости, умеренности и разнузданности, добродетели и порока. Ни во что другое судьи не вникают: решительно ничего не значит факт, принадлежала ли душа Царю мира, либо самому ничтожному из подданных. Лишь знаки правоты или неправды идут здесь в расчет как самоценные. Участь же души может быть следующей: если прожитая жизнь была добродетельной, то её ждет награда (жизнь на сказочных островах Блаженных), или в месте превосходящем все остальные. Неправедно прожитая жизнь, без малейшего намёка на исправление, получит вечное наказание в Тартаре. В третьем случае, если прожитая жизнь лишь частично справедлива, а несправедливости поправимы, душу ждет наказание, но временное.

Но, несмотря на идеи “суда”, “награды”, “кары”, сквозь все эсхатологические мифы просвечивает идея “освобождения” от человеческих мук и страданий; здесь же мы имеем своеобразное уточнение: “признание превосходства души высокой пробы обретают исключительно через боль, муки, страдания; да будет так на земле, как и выше: ведь и вправду никак нельзя освободиться от несправедности иным путем”.

Часть 5 Платон и его школа.

Идеальное государство. Концепция человека. Диалектика, искусство, риторика. Учение о едином. Школа Платона: Древняя Академия

Глава 1 Идеальное государство.

Для того, чтобы утвердить свой морально-нравственный идеал, состоящий в преодолении зла и достижении добродетели, Платон использует несколько средств: во-первых, он предлагает собственную систему воспитания и систему управления, которые можно объединить в общую структуру идеального государства. Именно этому он посвятил работу “Политик”, “Законы” и “Государство”. Создание подобной системы явно свидетельствовало о неприятии Платоном существующих моделей управления и властвования, особенно философ презирал демократию с её нелепым принципом подчинения меньшинства большинству.

В диалоге “Горгий” Платон вкладывает в уста Сократа следующее размышление: “Я полагаю, что лишь немногие из афинян, чтобы не сказать единственный, владеют истинным искусством политика, и лишь одного из современников можно считать практиком”. Истинное политическое искусство есть искусство спасения и попечения души, требующее виртуозности, какую только можно себе представить. И потому такого рода искусство — философское по необходимости. Этот тезис, начиная с “Горгия”, вызревал до выраженной в “Государстве” мысли о совпадении истинной философии с истинной политикой. Только если политик становится философом

(и наоборот), можно построить подлинное государство, основанное на высшей ценности Правды и Блага. Чтобы осознать эти тезисы и чтобы избежать ошибки мы должны оживить их исторический контекст, а также некоторые понятия греческой ментальности: а) античный смысл понятия философии как “знания о целом”, любовь к согласному звучанию частей, сливающихся в дивную гармонию, знание о высших причинах всего; б) сведение сущности человека к его душе; в) совпадение индивида и гражданина; г) представление о Городе-Государстве (полисе) как горизонте всех моральных ценностей и единственно возможной форме общежития.

Только поняв это, мы можем увидеть структуру “Государства”, шедевр Платона и почти “сумму”, итог размышлений нашего философа. Построить Город-Государство означает познать до конца человека и его место в универсуме.

В самом деле, — говорит Платон, — Государство есть ни что иное как увеличенная проекция нашей души; она в более широких измерениях воспроизводит всё то, что есть в нашей душе. Центральная проблема справедливости, являющаяся осью, вокруг которой вращаются все прочие, получает своё адекватное решение при наблюдении того, как рождается (либо как гибнет) совершенный Город.

Государство возникает тогда, когда любой из нас не самодостаточен, и нуждается в помощи других, и при этом оно должно быть едино, как живое существо: каждый член его знает своё дело, и только своё. В

человеческом теле есть три жизненные силы: в мозгу – разум, в сердце – страсть, в печени – потребность. Так и в государстве должны быть три сословия: философы (те, кто может управлять) - правят, стражи (те кто призван охранять и защищать Город) – охраняют, работники (крестьяне и ремесленники, способные давать продукцию) – кормят. Достоинство правителей – мудрость, стражей – мужество, работников – умеренность. К каждому человеку начинают присматриваться ещё за детскими играми, определяют способности и причисляют к сословию - чаще всего, конечно, к тому, из которого он и вышел. Если он правитель или страж, то он освобожден от труда на других, зато и не имеет ничего своего: здесь все равны друг другу, все едят за одним столом, как в древней Спарте, всё имущество – общее, даже жены и дети – общие; кратковременными браками распоряжаются правители, заботясь лишь о том, чтобы у детей была хорошая наследственность. Если же он работник, то ему назначают труд по склонностям и способностям, и менять его он уже не имеет права. Думать дозволено лишь правителям; остальным – только слушаться и верить. Сами правители верят в мир идей, а для работников сочиняют такие мифы, какие сочтут нужными. Ибо как иначе можно что-то объяснить тем, кто сидит в пещере теней и никогда не видел солнца?

Такова была живая государственная машина, с помощью которой Платон хотел удержать от развала привычный ему мир - город-государство, крепкое

законом и единством. Здесь каждый приносит себя в жертву государству, чтобы оно стояло вечно, обновляясь, но не меняясь, как небесный свод. И, глядя на эту цель всей жизни Платона, невольно умаешь: а ведь попади в такое государство Сократ, не умеющий останавливать свою мысль ни на каком совершенстве, на всякое “знаю” отвечающий “а вот я не знаю”, - и его, возможно, ждала бы такая же смерть, как в Афинах.

Все три класса образованы, согласно со стремлениями души и убежденностью Платона о предопределенности каждого человека к особому труду. Первый класс (ремесленники и крестьяне) образован из людей, в коих преобладает вожделеющая часть души, т.е. наиболее элементарная; если в них преобладает добродетель умеренности, своего рода любовь к порядку, дисциплина желаний и наслаждений, а также способность подчиняться высшим классам, это — достойнейшие люди.

2) Второй класс (стражи) образован из людей, в коих преобладает волевая часть души (они похожи на собак хорошей породы, наделенных послушанием и отвагой). Долг стражников — бдительность, как относительно внутренней опасности, так и внешней. К примеру, следует избегать как чрезмерной роскоши в первом классе (это приводит к праздности, лени, изнеженности и нескончаемым требованиям новизны), так и чрезмерной нищеты, которая рождает пороки противоположного характера. Государство не должно ни расширяться, ни уменьшаться сверх меры, а гражданам надлежит

заниматься тем что соответствует их натуре и воспитанию.

3) Правителями (философы) же должны быть те, кто умеет любить свой Город более других, кто способен исполнить свой долг с наибольшим усердием. А всего важнее, если они умеют познавать и созерцать Благо; значит, рациональная часть души в них преобладает, и их можно назвать по достоинству “мудрецами”. Но почему Платон отдаёт власть именно философам? Ответ на этот вопрос крайне прост: когда-то в Греции власть принадлежала самым знатным; потом - самым многочисленным; теперь пришла очередь самых мудрых. Именно мудрые способны гармонизировать человеческую жизнь, устроив её так, чтобы сделать человека счастливым и стремящимся к добродетели и совершенству.

Итак, совершенное государство — это такое государство, где в первом социальном классе преобладает умеренность, во втором — мужество и сила, в третьем — мудрость. Справедливость же — это ничто иное как гармония, которая воцаряется меж этими тремя добродетелями. Реализует эту гармонию совершенного социального целого каждый гражданин и любой из классов, понимая собственное место и исполняя своё дело наилучшим образом по природе и по закону, в силу которых они избраны и призваны к этому делу.

Мы говорили о Государстве как о проекции души. Но и в душе всякого человека есть три способности (им соответствуют три класса в Государстве). Перед лицом

объектов в нас есть: а) некая сила, что толкает нас к ним (это — желание); б) другая, напротив, отстраняет нас от них и доминирует над желаниями, и это — разум; есть также третья — страсть, когда мы увлекаемся и воспламеняемся, она не есть ни разум, ни желание (ни разум, т.к. это страсть, ни желание, т.к. часто контрастирует с ним). Итак, три части души: вожделеющая), страстная), рациональная. Страстная, воспламеняющаяся часть души по своей природе должна припадать к разумной её части, однако бывает наоборот, — и она срастается с нижней низменной частью по причине дурного воспитания. Получается великолепное по своей наглядности соответствие между добродетелями Государства и индивида. Индивид уравновешен, когда его нижние слои гармонизированы с верхним ярусом. Он мужественен и несокрушим, когда в любой опасности страсти прочно удерживаются диктатом разума, действующим по законам Блага.

Такова, следовательно, концепция справедливости “по природе”: каждый делает то, что ему надлежит делать: граждане и классы граждан в Городе и части души в душе. Справедливость во внешнем проявляется только тогда, когда она имеется внутри в душе.

Платон выводит в таком духе систему ценностей, которые впоследствии станут кардинальными. Часто забывают, что она тесным образом связана с психологией Платона, с его идеей тринитарной структуры души.

Не следует забывать также и о том, что в совершенном Городе должно быть совершенное образование и воспитание. Низший класс не нуждается в особом образовании, ибо искусствам и ремеслам научаются в практическом освоении. Для сословия охранников Платон считает необходимым быть образованными в гимнастике и музыке для укрепления в их душе того элемента, который питает выносливость и мужество. Для этого сословия Платон предлагает общность имущества, как это было в Древней Спарте. Общность мужей и жен, а значит и детей, дополнялась запретом на любую форму собственности. Задача низшего класса — умножать богатство, заботиться о материальных нуждах общества. Мужчины и женщины сословия стражников подлежали одинаковому образованию и им предназначались одинаковые жилища. Дети должны были воспитываться в подходящих для этого местах и заведениях, вдали от родителей. Такая дерзкая концепция воспитания имела единственной целью построить город-семью, где все любили бы друг друга, как матери, отцы, дети, братья, сестры, родственники. Так Платон мыслил избавить общество от эгоизма и навсегда победить “мое” и “твое”. Все обязаны были говорить “наше”. Частная собственность должна была уступить место общественной.

Воспитание, достойное правителей, должно было соединять практические занятия с освоением философии, период пестования “истинного политика тождественного истинному философу” назывался “длинной дорогой”,

ибо продолжался он до пятидесяти лет. Между тридцатью и тридцатью пятью годами практические задания усложнялись, в промежутке с тридцати пяти до пятидесяти лет, посредством внедрения в различных местностях, начинался контакт с эмпирической реальностью. Цель образования — максимальное познание Блага, затем — лепка себя самого по образцу Блага, чтобы потом внедрять и прививать Благо исторической реальности.

Итак, Благо — это первопринцип, благодаря которому образован весь идеальный мир; Демиург — генератор физического космоса как блага; наконец, Благо — фундамент Города и гарант политического действия.

В заключительной части IX книги “Государства” мы можем прочесть, что, в конце концов, “не так важно, как должно или как может быть” в идеальном государстве. Достаточно уже, если кто-то один живет по законам этого Города, т.е. по закону Блага, Добра и Справедливости. Ведь прежде чем возникнуть в реальности внешней, т.е. в истории, платоновский Город рождается внутри человека, по крайней мере, здесь его позиция неоспорима.

После “Государства” Платон вернулся вновь к политической тематике. Теперь его интересует не проект идеального Города, но он пытается найти форму конструкции некоторого “Второго Государства”, т.е. государства как такового, состоящего из людей, какие они есть, а не только таких, какими они должны быть.

В идеальном городе нет дилеммы, должны ли быть суверенными человек и закон, поскольку закон — ничто иное как способ, посредством которого человек реализует в Государстве познанное Благо. Но в реальности сложно найти тех, кто управлял бы “по добродетели и науке”, поэтому сувереном должен быть закон.

Исторических конституций, имитирующих идеальную может быть три: если один управляет и имитирует идеального политика, — это монархия. Если роль идеального политика играет группа богатых людей, — это аристократия. Если идеального политика изображает весь народ, — демократия. Когда эти формы основного закона деградируют, если правители преследуют лишь собственный интерес, тогда рождаются, либо тирания, либо олигархия, либо демагогия. Если государство здорово и хорошо управляется, то предпочтительна первая форма правления, но когда они начинают гибнуть, лучше третья, где свобода даруется в качестве утешения.

В “Законах” Платон разбирает два базовых понятия государственной власти. Чрезмерная власть порождает абсолютизм тирании, а чрезмерная свобода вырождается в демагогию. Наилучшее — усреднённая свобода власти и “соблюдение меры”. Истинное равенство не есть абстрактный эгалитаризм и равенство любой ценой, но “пропорционально” вымеренное. Надо сказать, что выражение “точная мера” не сходит со страниц

“Законов”. Более того, Платон делает из него основу, утверждая, что для нас, людей, “мера всех вещей — Бог”.

Глава 2 Концепция человека

Платон на протяжении очень долгого времени Платон пытался определить, что есть человек. Однако всегда его постигала неудача: большинство определений всегда страдало неполнотой. На сей счёт история сохранила любопытное предание. Один раз Платон сказал, что человек есть двуногое существо без перьев. Услышав это, Диоген схватил петуха, ощипал его и бросил в класс, где вёл своё занятие Платон, крикнув: “Смотрите, вот он, человек Платона!” После этого Платон расширил определение дополнением “...двуногое без перьев, но с большим ногтём”. Поэтому философ ограничился описанием его сущности и разбором этических категорий в связи с человеком.

В своей концепции человека Платон исходит из его двусоставности: человек это не просто видимое тело, но и душа. Именно синтез этих субстанций формирует человека. Ранее мы говорили о том, что отношение мира идей к вещам достаточно определено, ибо идеи являются истинной причиной всего сущего. Однако понимание Платоном отношения души к телу двойственно, поскольку, кроме метафизико-онтологического плана, он вводит религиозную составляющую орфизма и свойственную ей оппозицию между душой (сверхчувственным) и телом (чувственным). По этой причине тело понимается не просто как обиталище души, благодаря которой тело

живет на службе у души, как это понимал Сократ, но, скорее, как тюрьма души, где она изнуряется в муках. В “Горгии” мы читаем: “Как не восхищаться Еврипидом, когда он говорит: “Кто знает, жить — не значит ли умирать, а умирать — не значит ли вновь ожить?” и, быть может, мы, в действительности, мертвы. Ведь и я слышал от мудрецов, что мертвы мы, и тело наше — могила наша”.

До тех пор, пока мы имеем тело, мы мертвы, ибо мы есть благодаря душе, а душа, пока она в теле, — она как в могиле, значит, умерщвлена. Смерть тела — это жизнь, ибо душа освобождается от неволи. Материя и тело — корень всех зол, источник нездоровых страстей, неприязни, несогласия, невежества и просто безумия: то есть всего того, от чего гибнет душа. Такая отрицательная оценка всего телесного несколько ослабевает в последних работах Платона, но не исчезает совсем. Надо сказать, что платоновская этика лишь частично обусловлена этим дуализмом. Его теоремы неизбежно основаны на метафизическом различии души (интеллигибельной сущности) и тела (чувственном существе) в значительно большей степени, нежели на мистификации души как демона, и тела как могильного склепа.

Эти парадоксы отчетливей всего прослеживаются в диалоге “Федон”. Душа должна избегать тела, насколько это возможно, истинный философ желает смерти, а истинная философия — это “упражнение в смерти”. Смерть — всего лишь эпизод, онтологически имеющий

отношение только к телу; она не только не вредит душе, напротив, дарует ей жизнь новую, возвышенную, праведную, предоставленную лишь ей самой, которая, наконец, беспрепятственно соединяется с миром умопостигаемого. Смысл парадокса не меняется, если формулировку перевернуть в обратном порядке: философ есть тот, кто желает истинной жизни (смерти тела), а философия есть упражнение в подлинной жизни, т.е. в чистом пространстве духа. Найти дух, значит, потерять тело.

Следующий парадокс состоит в “бегстве от мира”. Платон объясняет это как средство соединения с миром идей и уподобления Богу в добродетели. “Зло не прейдет, скорее, оно будет вечно противостоящим благу; нельзя найти место среди богов, скитаясь по этой земле вокруг нашей смертной натуры. Вот почему надобно как можно быстрее покинуть этот мир ради другого. А это значит уподобиться Богу так, как это только возможно и доступно человеку, достигнув праведности, святости и вместе с тем мудрости”.

Смысл обоих парадоксов один и тот же: бегство от тела и от мира значит избавиться от материального и мирского зла, уподобляясь Богу, “мере всех вещей”, как сказано в противовес Протагору в “Законах”, через добродетель и познание.

Глава 3 Диалектика, искусство и риторика

Чаще всего в повседневной жизни человек довольствуется двумя формами познания, доверяясь мнениям; математики поднимаются к мысли - дианоэе,

но лишь философы достигают высшей науки, поэтического знания. В интеллекте и созерцании, лишённом чувственности, в процессе дискурса и интуитивного проникновения находят чистые идеи, их отношения, связи, включения и изъятия, восходят от идеи к идее, пока не достигнут вершины, то есть Безусловного. Вот этот процесс восхождения и есть “диалектика”, а философ, по определению, есть “диалектик”. Более простыми словами, диалектика – по Платону, это вывод после получения опыта, метод по обнаружению связей между идеями.

Итак, есть диалектика восходящая, которая, освободясь от чувственного, ведёт от идеи к идее, вплоть до высшей. Но есть также диалектика нисходящая, ведущая от высшей идеи — к идеям общим, через разделение, она ведёт к данной идее, которая охватывает некую иерархическую структуру идеального мира. Тема искусства располагается рядом с диалектической и метафизической проблематиками. Но философ разбирает искусство, в отличие от метафизики или диалектики с точки зрения полезности и вреда для духовного и нравственного развития человека. Действительно, чем ценно искусство для истины, ставит вопрос Платон? Ясно, что его ответ во всем негативен. Искусство не только не раскрывает истины, но скрывает её, а потому оно не является формой истинного познания; оно не улучшает природу человека, но, напротив, портит её, ибо лжёт. Оно не воспитывает, но развращает, поскольку попустительствует иррациональным способностям

человека, которые, понятное дело, далеко отстоят от высших.

Именно в таком ключе Платон рассматривает поэзию, оценивая её крайне низко по сравнению с философией. Поэт становится поэтом не по науке и познаниям, но по наитию. Создавая нечто, он бывает “вне себя”, в исступлении, как пифия, которая рождает предсказания, и значит, не осознаёт того, что творит. Он не в состоянии объяснить, ни того, что сделал, ни научить другого тому, что делает. Поэт зависит от пожелания богов, он таков, как пожелала природа, но никак не является таковым, благодаря познанию.

Платон проясняет свою позицию в отношении искусства в десятой книге “Государства”. Искусство (поэзия, живопись, пластика), с точки зрения онтологии, есть некий “мимесис”, имитация, подражание чувственному (людям, вещам, фактам, событиям разного рода). Известно, что вещи суть образы вечной идеальной основы, отдалённые от истины ровно настолько, насколько копия отстоит от оригинала. Так, если искусство, в свою очередь, есть имитация чувственного, то нельзя не понимать, что она тем самым является копией, воспроизводящей копию, а, стало быть, трижды удалена от истины.

Так, к примеру, фигуративное искусство имитирует простую видимость, поэты сочиняют вирши, не понимая, о чём говорят, и всё это, с точки зрения истины, не более чем игра. В довершение всего Платон полагает, что искусство существует не для самой благородной части

нашей души, а потому должно быть изгнано из идеального государства, тем более, что люди искусства мало склонны подчиняться законам блага и истины.

Но следует сказать, что Платон не отрицает силы и права на существование искусства, он отрицает лишь его самоценность. Искусство служит добру и истине, либо злу и лжи. Предоставленное самому себе искусство становится иллюзией. Чтобы спастись ото лжи, оно должно верифицировать себя философией, устремленной к истине. Поэт не может пренебрегать философскими правилами.

Одним из таких искусств, как пишет Платон, является риторика. Для античного человека она была в полном смысле, гражданской и политической силой, первой в ряду первых. Согласно Платону, риторика (как искусство афинских политиков и их учителей) есть всего лишь угодничество, лесть, подхалимство, фальсификация истины. Претендуя убеждать всех во всём, не имея ни малейшего представления об истине, подобно искусству, создающему химер, риторика занята производством суетных уверений и иллюзорных верований. Риторика не стремится выяснить, насколько истинно то или иное суждение, напротив, её цель заключается в убеждении толпы, и при всём этом она вполне допускает ложь и использование внелогических приёмов. Ритор — это тот, кто, будучи несведущим, имеет обыкновение показывать себя публично более убеждённым, чем действительно знающий, играя на чувствах и страстях толпы.

Риторика (как и искусство) спекулирует на худших сторонах души — на её легковёрности и непостоянстве. В этом смысле ритор ещё дальше артиста и художника отстоит от верного пути, ибо злонамеренно и сознательно подобия истины, чего не делают люди искусства. Поэтому Платон изгоняет из своего идеального государства толпу поэтов, художников, скульпторов и народных демагогов (риторов). Как поэзия нуждается в философии, так риторика должна быть заменена “истинной политикой”, совпадающей с философией. Это горькое суждение-приговор риторике, заявленное в “Горгии”, несколько смягчено в “Федре”, где признаны права искусства дискурса, т.е. риторики, если она служит истине, путь к которой лежит через познание вещей, души, диалектики.

Глава 4 Учение о Едином.

Учение о Едином, как о безличном первоначале, превышающем всё существующее и мыслимое, было впервые высказано Сократом, получило развитие у Платона и достигло вершин проработки в школе неоплатоников и у Плотина. Вот это высшее начало, названное в “Государстве” Благом, в параллельном текстовом пространстве было “Единым”. Различие примечательное и вполне объяснимое, ибо “Единое” есть Благо в себе, поскольку всё, что ни производится им, — благостно, поэтому Благо — функциональный аспект Единого. Единому противостоит начало, также упорядочивающее, но рангом ниже, понимаемое как безусловное и неограниченное начало множественности.

Сей второй принцип получил название Диады, или Дуализма.

Из соединения этих двух начал вырастает тотальность всех идеи. Единое воздействует на неограниченную множественность как формальный принцип, дающий форму, границы и пределы. В то же время принцип множественности исполняет роль субстрата, подобно интеллигибельной материи, если использовать позднейшую терминологию. Каждая и взятые все вместе идеи, следовательно, есть своего рода “смесь” двух принципов (ограничения и безграничного). Единое, сверх того, давая границы, проявляет себя как Благо, поскольку, определяя неопределенное, оно конфигурирует и воплощает единство множества бесформенных элементов, давая им форму, сущность, порядок, совершенство, высшую ценность. Итак, Единое есть: принцип бытия (сущность или идея); принцип истинности и познаваемости, ибо лишь то, что определено, — умопостигаемо, познаваемо. В третьих, это принцип ценности, ибо именно ограничение влечет за собой порядок, совершенствование, а значит, позитивность.

Рождение идей из принципов Единого и Диады нельзя понимать как временной процесс, это, скорее, метафора, иллюстрирующая анализ онтологической структуры. Кроме того, Единое (или целостность) не может мыслиться в модусе абсолюта, то есть так, чтобы исключалась любая множественность: единого нет без многого, а многое есть лишь в едином. Именно

благодаря такому синтезу стало возможно рождение и существование космоса.

Глава 5 Школа Платона: Древняя Академия.

Академия Платона была основана в 388 году до нашей эры, и это стало по истине уникальным событием, так как ни в Греции, ни в других странах подобных заведений не было. Конечно существовали палестры, где молодые греки постигали азы грамоты, музыки и тренировали тело и душу, однако школы, где велись бы занятия, называвшиеся “Вокруг Блага” или люди занимались бы философией – не было.

Чтобы придать Академии прочный статус, её представили как священное братство людей, почитающих Муз и Аполлона. Цель школы состояла не в том, чтобы собирать знание для эрудиции, но в том, чтобы формировать через определенным образом организованное знание людей нового типа, способных обновить государство; что-то наподобие этого пытался организовать в России Александр I, основавший Царскосельский лицей. В основе лежало убеждение, что знание облагораживает человека, поэтому, получив воспитание в Академии, человек будет в состоянии обновить и преобразовать государство. В Академии могли учиться все, кто этого хотел. В свете сократовских установок Платон читал лекции математикам, астрономам, медикам, поощряя среди них творческие дискуссии. Евдокс из Книды, математик и астроном, весьма известный в своё время, подвергал критике даже теорию идей своего учителя.

Внук Платона Спевсипп принял Академию в 347 г. до нашей эры и возглавлял её до 338 г. до н.э. С этого времени, как полагают исследователи, начинался её закат. Спевсипп отрицал существование идей и идеальных чисел, сведя весь умопостигаемый мир Платона к математическим сущностям. И хотя он допускал уровни возрастающей величины, душу, чувственное, всё же ему не удалось органическим и систематическим образом отстроить ступени метафизики и скрепить их неким высшим принципом.

После Спевсиппа Академией с 339 по 314 гг. до н.э. управлял Ксенократ, отдавший все свои силы разбору Единого и Диады — двум высшим принципам, из которых проистекают все вещи. Он видел философию в виде триады: “физика”, “этика” и “диалектика”, эта схема имела успех в течение почти полтысячелетия эллинистической мысли.

Затем Академию возглавляли три мыслителя: Полемон, Кратет, Крантор, которые сделали школу Платона почти неузнаваемой. В их сочинениях, лекциях, как и в образе жизни чувствовались веяния новой эпохи, в которой, основной тон задавали эпикурейцы, стоики и скептики. Академия была закрыта по постановлению императора Юстиниана в 529 году.

Часть 6 Аристотель. Физика и метафизика.

Жизнь и творчество. Методология. Новый понятийный аппарат философии. Аристотелевская критика Платона. Метафизика. Физика: мир, жизнь и человек. Математика.

Глава 1 Жизнь и творчество

У Платона, имя которого означает “широкий”, был ученик Аристотель, имя которого можно перевести как “благое завершение”. Эти имена так хорошо им подходили, что казалось, были придуманы нарочно. Аристотель родился в 384/383 гг. до н. э. в Стагире (отсюда прозвище Аристотеля – Стагирит), на границе с Македонией. Его отец по имени Никомах был врачом на службе у македонского царя Аминта, отца Филиппа. Вместе с семьей молодой Аристотель жил некоторое время в царском дворце в Пелле, наблюдая придворную жизнь. Он осиротел в восемнадцать лет и в 366/365 г. прибывает в Афины, чтобы поступить в Платоновскую академию, где стал лучшим учеником. Говорили, что однажды Платон читал лекцию о бессмертии души. Лекция была такая трудная, что ученики, не дослушав, один за другим вставали и выходили. Когда Платон закончил занятие, перед ним сидел только один Аристотель. Аристотель учился у Платона двадцать лет и, чем дольше слушал, тем меньше соглашался с тем, что слышал. Определенно, в течение этих лет Аристотель хорошо усвоил платоновские принципы, защищая их и одновременно подвергая критике, пытаясь придать им новое направление. В 347 г. до н.э., когда Платон умер,

Аристотель сказал: “Платон мне друг, но истина дороже”, и покинул Академию. Причина ухода из Академии заключалась также и в том, что Спевсипп, возглавивший Академию после смерти Платона, придал школе направление, во всем иное, нежели того хотел уже созревший духовный мир Аристотеля. Он оставляет Афины и направляется в Малую Азию.

С этого времени он живет в Ассе с другом по Академии Ксенократом, где они с платоникам Эрастом и Кориском основывают свою школу под покровительством Гермия, тирана города Атарнео в Азии. В Ассе он остается почти три года и женится на некоей Пифиаде, затем уезжает в Митилену на остров Лесбос (возможно, его склонил к этому Теофраст, родившийся на этом острове; ему было суждено стать последователем Аристотеля). Этот период жизни Аристотеля необычайно важен, ибо им были прочитаны курсы лекций по философии, а в Митилене ещё были проведены в творческом союзе с преданным перипатетиком Теофрастом естественнонаучные исследования.

В 342 г. до н.э. произошло событие, изменившее весь ход жизни Аристотеля: он был приглашен в Пеллу, столицу македонского царства, чтобы занять должность воспитателя — учеником философа должен был стать сын македонского царя Филиппа Александр, будущий великий завоеватель, открывший новую страницу в жизни Греции. Мы не так много знаем об отношениях между этими великими людьми, полководцем и

философом, однако можно сказать, что Аристотель сумел сформировать внутренний мир Александра, привить ему любовь к Гомеру, с чьим сочинением “Илиадой” великий полководец никогда не расставался. Также, возможно, Аристотель сумел внушить Александру идею объединения греческих городов под властью Македонии, но что же касается эллинизации варваров, то это было скорее продиктовано политической конъюнктурой, нежели чем влиянием Аристотеля. Политический гений его ученика открыл исторические перспективы, настолько новые и дерзкие, что они и не снились учителю в свете философских и политических категорий, которые по сути своей были достаточно консервативными. При македонском дворе Стагирит оставался до тех пор, пока Александр не взойшёл на трон. т.е. примерно до 336 г. до н.э. (возможно, также, что он вернулся в Стагиру раньше, в 340 г. до н.э., так как его ученик был слишком уж занят своими приготовлениями к походам).

Наконец, в 334 г. Аристотель основал собственную школу — Ликей, при священном участке Аполлона Ликейского. Занятия он вёл не стоя перед сидящими, как Платон, а прохаживаясь с ними под навесом. Их прозвали “гуляющими философами” — перипатетиками. В Ликее, противопоставлявшем себя на какое-то время Академии, прошли наиболее плодотворные годы Стагирита, годы завершения и систематизации его философских представлений.

В 323 г. до н.э. в Вавилоне умер Александр, и это событие вызвало сильную антимакедонское движение в Афинах, что не могло не затронуть и Аристотеля, учителя великого царя. Ему было предъявлено обвинение в “безбожии”, поскольку он сочинил гимн в честь Гермия в выражениях, подобающих лишь богам, но не смертным. Философ был вынужден бежать в Халкиду, где у него было поместье, оставив Теофрасту управление Ликеем. Умер он в изгнании, в 322 году до н.э. на берегу пролива, что между Аттикой и Эвбеей, и думал он, умирая, не о государственных делах, а о том, почему в этом проливе вода шесть раз в сутки меняет течение - то на запад, то на восток. Это Аристотель сказал: “Корни учения горьки, но плоды его сладки”.

Творчество Аристотеля поражает своей энциклопедической разносторонностью. Он занимался естественными науками и поэтикой, проблемами государственного устройства, метеорологии, физики, математики, биологии и анатомии; был создателем логики и психологии. Однако центральную часть его наследия образует философия. С философскими текстами Аристотеля связаны серьезные источниковедческие проблемы. Главный его труд — Метафизика — представляет собой, строго говоря, не написанный им текст, а конспекты лекций философа, сделанные его слушателями. Поэтому не следует удивляться многочисленным противоречиям и повторам, встречающимся в них. Своё название Метафизика (в переводе с греческого — после физики, под физикой в

Древней Греции подразумевалось естествознание) получила в силу совершенно случайного обстоятельства. В I в. до н.э. комментатор сочинений Аристотеля Андроник Родосский разбирал его рукописи и вслед за естественнонаучными сочинениями обнаружил трактат по философии. Таким образом, выражение “после физики” не выражает никакой философской концепции. В действительности то, что впоследствии стали называть метафизикой, есть не последняя, а первая философия. Она предшествует всякому другому знанию и образует его основу.

Итак, сочинения Аристотеля можно разделить на две группы: 1) составленные в форме диалога и предназначенные для широкой публики вне школы, и 2) предназначенные не для публики, а только для учеников внутри школы.

Первая группа сочинений почти полностью утрачена, остались лишь отдельные фрагменты или только название работ. Возможно, одним из первых экзотерических произведений был “Сверчок, или О риторике”, где Аристотель защищал платоновскую позицию против позиции Исократ. Последними были “Протрептик и о Философии” (“Увещание” — распространенный жанр сочинений, приглашающих к созерцанию и размышлению). Упоминаются также его ранние работы: “Вокруг Идей”, “Вокруг Блага”, “Эвдем, или о душе”, о которых мы узнаём из фрагментов.

Но до нас дошло множество работ школы по всей философской проблематике и некоторым разделам

естествознания. “Корпус Аристотеликум” открывается “Органомом”, в котором собраны позже трактаты по логике: “Категории”, “Об истолковании”, “Первая аналитика”, “Вторая аналитика”, “Топика”, “О софистических опровержениях”. За ними следуют: “Физика”, “О небе”, “О возникновении и уничтожении”, “Метеорологика”. Произведения по психологии: “О душе”, “Малые труды по естествознанию”. Наиболее знаменитое сочинение — “Метафизика” — состоит из 14 книг. Этическое учение представлено в “Никомаховой этике”, “Большой этике”, “Эвдемовой Этике”, “Политике”. Биологические труды: “История животных”, “О частях животных”, “О передвижении животных”, “О происхождении животных”. Осталось упомянуть “Риторику” и “Поэтику”.

Аристотель был одним из тех философов, чьи идеи генетически вошли в западную философию. Действительно, на протяжении всего Средневековья: от самого раннего (Бозций, Порфирий) до позднего, Стагирита пытались понять, интерпретировать и истолковать. Даже на мусульманском Востоке также можно было найти последователей Аристотеля, занимавшихся анализом его философских концепций (Аверроэс, например). Поэтому перед нами стоит непростая задача: реконструировать само учение и развитие великого философа. Развитие Аристотеля, как полагают современные исследователи, шло от начальной позиции принятия платонизма, — к последующей всё нараставшей критике трансцендентальных идей Платона,

затем к метафизике, основанной на формах, имманентных материи. Позже произошёл спад интереса к Метафизике и на это время приходится обращение к эмпирическим наукам, на их точных данных и классификации. Таким образом, духовная история Аристотеля могла бы быть представлена как история разочарования в идеях Платона, и в метафизике и поворота к натурализму и эмпиризму. Эта эволюция просматривается как при реконструкции “экзотерических” сочинений, написанных в период пребывания в Академии, так, и ещё более, на материале “эзотерических”. Всё же не лишним будет заметить, что в его трудах исследователи находят контрасты, и противоречия, но даже и это не нарушает философское единство аристотелевской мысли.

Глава 2 Методология.

В понимании Аристотеля, методология является средством усвоения знания, посредством классификации и упорядочивания научных данных, приведения к общему знаменателю. Также её можно понимать как набор некоторых приёмов исследования в человеческом познании

Аристотель в своей методологии разделял науки на три больших раздела: 1) теоретические науки, то есть те, которые ведут поиск знания ради него самого; 2) практические науки, которые добиваются знания ради достижения морального совершенствования; 3) науки продуктивные, цель которых — производство определенных объектов. По критерию ценности и

достоинства выше других стоят науки теоретические, образованные из метафизики, физики (в том числе психологии) и математики.

Метафизика или как она называлась у Аристотеля – “первая философия – это наука о реально-сти-по-ту-сторону-физической”. Собственно аристотелевский смысл этого понятия означает любую попытку человеческой мысли выйти за пределы эмпирического мира, чтобы достигнуть метаэмпирической реальности. Метафизика — наиболее возвышенная из наук, говорит Аристотель; и просто потому, что она не связана с материальными нуждами, она не преследует никаких практических целей. Другие же науки подчинены этим целям, а потому ни одна из них не самоценна и не значима так как оправдывается эффектами, к которым ведёт. Метафизика имеет сама в себе своё тело, и потому эта наука в высшей степени свободна и самоценна. Всё это значит, что метафизика, не связанная с материальными запросами, всё же отвечает на запросы духовные, то есть такие, которые проявляются, когда удовлетворены физические потребности. Это чистая жажда знания, страсть, к истине, удерживающая от лжи, это ответ на вопрос “почему” и, особенным образом, на “последнее почему”. Поэтому, — заключает Аристотель, — “все прочие науки более необходимы людям, но ни одна из них не превзойдет эту” — метафизику.

Вторая философия”, по Аристотелю, это физика. Она ведёт исследование чувственной субстанции, внутренняя характеристика которой — движение, в отличие от

недвижной субстанции — объекта метафизики. Для Аристотеля физика – это наука о формах и сущностях и, сравнивая её с физикой наших дней, можно сказать, что это, скорее, онтология, естествознание или метафизика чувственно воспринимаемого мира.

По сравнению с Платоном, который видел вход в метафизику только через математику, Аристотель не посвящал особого внимания, математическим наукам. Как бы то ни было, но особый вклад Аристотеля в математику состоял в том, что он впервые установил онтологический статус её объектов.

Методологически, аристотелевская физика исследует не только физический универсум и его структуру, но также и сущее в нём, т.е. существа неодушевленные, без разума, существа одушевленные и существа, наделенные разумом. Одушевленным существам Стагирит посвящает множество своих трактатов, среди которых особой глубиной и оригинальностью отличается трактат “О душе”. После теоретических наук следуют науки практические, — относительно человека и его целей как индивида, и как члена общества. В первом смысле это этика, во втором — политика.

Аристотель первый начинает заниматься зоологией, потому что в пестром хаосе живых существ, окружающих человека, навести порядок труднее и нужнее. Здесь Аристотель сделал чудо: он описал около 500 животных и выстроил их на “лестнице природы” от простейших к сложнейшим так стройно, что его система продержалась две тысячи лет. Некоторые его

наблюдения были загадкой: он упоминал такие жилки в насекомых, которые мы видим только в микроскоп. Но специалисты подтверждают: да, так, обмана здесь нет, просто у Аристотеля была такая острота зрения, какая бывает у одного человека на миллион.

Острота ума - тоже. Видеть вещи, как они есть, - гораздо грустнее, чем безмятежно знать, какими они должны быть. Чтобы так смотреть на них, чтобы так вымерять в них золотую середину, нужно чувствовать себя в мире человеком посторонним, равно благожелательным ко всему, но сердцем не привязанным ни к чему.

Глава 3 Новый понятийный аппарат философии.

Аристотель внёс значительный вклад в понятийный аппарат философии. Именно ему принадлежит заслуга углубления смысла понятий, существовавших до него, открытия в них новых качеств и отношений. Открытие логики принадлежит греческим первофилософам, однако именно Аристотель сумел привнести в неё термины, отражающие более тонкие семантические оттенки бытия, для того, чтобы лучше познать его устройство.

Основной резервуар понятий, введённых Аристотелем содержится в его “Метафизике, которая исследует весь универсум и анализирует его с точки зрения логического соответствия. Аристотель в “Метафизике” как бы ищет некую схему, которая собрала бы все возможные смыслы бытия, и группирует их по четырем позициям: 1) бытие как категории (или бытие в себе), 2) бытие как акт и

потенция, 3) бытие как акциденция, 4) бытие как истина (небытие как ложь).

1) Категории представляют главную группу значений бытия, или, как говорит Аристотель, высшие роды бытия. Их десять: 1. Субстанция, или сущность. 2. Качество. 3. Количество. 4. Отношение. 5. Действие. 6. Страдание. 7. Место. 8. Время. 9. Иметь. 10. Покоиться. (однако две последние Аристотель практически не употребляет, ограничившись упоминанием о них.

2) Вторая группа значений бытия — потенции и акта — весьма существенна. Они и в самом деле изначальны, ибо их нельзя определить через другое, но только взаимнообразно, через связь их между собой. К примеру, есть разница между слепым и тем, кто будучи зрячим, закрыл глаза. Первый слеп и это не изменить, второй имеет эту способность, но в потенции, и лишь закрыв глаза. Зерно, росток рассады — это урожай в потенции.

Третий вид — это акциденции (по гречески *sumbebhkoV*). Под ней философ понимает то, что принадлежит вещам иногда и не по преимуществу, либо то, что принадлежит вещи, но не входит в её сущность. Акциденция (привходящий признак, случайность) — это нечто, близкое к небытию, это материя, граничащая с чистой потенциальностью и, будучи непредсказуемой, не может быть предметом науки.

4) Бытие как истина — это тип бытия, который принадлежит собственно человеческому интеллекту, рассматривающему вещи как соответствующие реальности, либо как не соответствующие ей. Небытие

как ложка имеет место тогда, когда разум соединяет с реальностью несоединимое, а разъединяет то, что не подлежит разобщению.

Этот последний тип бытия изучает логика. По поводу третьего типа бытия не существует науки, ибо лишь необходимое, а не случайное, может быть его предметом. Первые две группы значений образуют предмет метафизики, в особенности, проблему субстанции: что такое бытие? — какова субстанция? — вот вечный вопрос метафизики.

Теория субстанций, как говорит Аристотель, рождает следующие вопросы: 1) Какие субстанции существуют? Только ли чувственно воспринимаемые субстанции, как утверждают некоторые из философов, или же сверхчувственные, как утверждают другие? 2) Что такое субстанция вообще? Методологически удобнее начать со второго вопроса, двигаясь от того, что людям более очевидно, к тому, что менее очевидно.

Субстанция вообще, полагали первофилософы, состоит из материальных элементов. Платоники видели её в форме. Но здравый смысл пытается найти субстанцию в индивидуе и в чём-то конкретном, сделанным из формы и материи одновременно.

Аристотель считал, что материя (*υλη* — гиле, от греч. — лес как строительный материал, из которого делались все постройки; римляне, перевели это на свой язык словом “матэриэс”) есть начало, без сомнения, образующее чувственно воспринимаемую реальность, в этом смысле, она — “субстрат формы” (дерево —

субстрат формы дома, глина — субстрат чаши). Теряя материю, мы теряем весь чувственный мир. Но материя сама по себе — это наопределённая потенциальность. Стать чем-то определёнными и актуализироваться она может, лишь приняв форму.

Форма же, напротив, поскольку она определяет, актуализирует, реализует материю, образует “бытийность” всякой вещи, то есть то, что есть её сущность, а потому — это субстанция в полном смысле слова греч. *εἶδος* — форма. Однако это не платонова форма Гиперурапии, но внутренне присущая самой вещи форма (форма-в-материи).

Третий элемент этой схемы — это композит материи и формы. Это определённый вид субстанции, отвечающий формальным признакам сущности. В “Категориях” аристотель пишет, что “первая субстанция” — это композит или индивид, форма же — “субстанция вторая”. Однако в “Метафизике” иначе: “я называю формой суть бытия всякой вещи и её первую сущность первой субстанцией”. Однако это лишь видимое противоречие.

С точки зрения эмпирической, мы констатируем как факт, что отдельный, конкретный индивид выступает как субстанция по преимуществу. Но не так с точки зрения сугубо теоретической: ведь именно форма — начало, причина и основание бытия, благодаря которому индивид обусловлен и обустроен.

Итак, мы можем сказать, что бытие в наиболее точном значении — это субстанция. Субстанция в

несобственном смысле есть материя, во втором смысле — это отдельное, а в третьем смысле — собственном — это форма по преимуществу. Бытие, следовательно, это материя; ступенью выше — отдельное, индивид; а ещё выше — форма, которая обнимает материю и фондирует, дает основание отдельному, т.е. индивиду.

Материя — это “потенция”, “потенциальность”, в значении способности принять форму: (глина – потенция вазы). Форма же, напротив, выступает как “акт”, или “актуализация” этой способности. Соединение материи и формы есть акт; если мы рассмотрим его со стороны формы, это будет “энтелехия”, со стороны же его материальности — будет смешение потенции и акта. Все вещи материальные, стало быть, более или менее потенциальны. Все же нематериальное суть чистые формы, чистые акты, лишённые потенциальности.

Актуальность Аристотель называет “энтелехией”, что означает реализацию, совершенство. Душа, поскольку она есть сущность, или форма тела, это акт, или “энтелехия” тела. Бог — это чистая “энтелехия” (так же, как и другие движущие интеллигибельные силы небесных сфер).

Акт, по Аристотелю, обладает абсолютным приоритетом и превосходством над потенцией. Последняя, напротив, мыслима лишь как направленная к акту. Форма (акт) — условие, правило, конец и цель потенциальности, акт — это форма бытия субстанции вечной и не сотворенной.

Таким образом, из представленной картины стало очевидным, что Аристотель самым серьёзным образом проработал понятия своей философской системы, введя при этом множество новых терминов в понятийный аппарат философии.

Глава 4 Аристотелевская критика Платона.

Действительно, трудно понять Аристотеля, не уяснив себе его отношений с учителем. В последующих эпохах чётко прослеживалось стремление противопоставить этих двух мыслителей, делая из них разные символы. Но уже античный автор Диоген Лаэртский хорошо понимал, что: “Аристотель был самым гениальным из всех учеников Платона”. Точность этого суждения состоит в том, что ученик великого мастера не тот, кто повторяет его путь, но тот, кто продвигает его учение вперёд, и в соответствии с духом теории, преодолевает её.

Наиболее существенные расхождения между ними относятся не к сфере философии, а лежат в плоскости других интересов. В своих эзотерических сочинениях Аристотель исключает мистико-религиозно-эсхатологический элемент, так сильно звучащий в трудах учителя. Как мы уже видели, этот элемент платонизма роднит его с орфизмом, где вера превалирует над логосом. Отказавшись от него, Аристотель, вне сомнения, пошёл по пути рационализации философского дискурса, освобождения от мистических мотивов. Также следует сказать, что Аристотель относился к Платону как учителю, а не как к пророку, коим считал себя Платон. Более того, к учению Платона он отнесся как к

концепции, описывающей мироздание, а не как к попытке преодоления зла, царящего в мире; потому-то он не мог не обнаружить в ней многих неясностей и противоречий.

Вторая черта различия состоит в том, что Платона характеризовали интерес к математическим наукам (в порядке исключения, к медицине) и равнодушие к эмпирическим феноменам как таковым. Платон хотел остановить мысль, для того, чтобы наблюдать её и описывать, тогда как Аристотель, и в этом он возвращается к Сократу, считал, что мысль как и мир невозможно описать в статике, так как они постоянно движутся.

Аристотель имел неутолимый интерес к наукам эмпирическим и совсем небольшой — к математике, что и определило его стремление к классификации феноменов как таковых, чего не было у его учителя. Ирония и майевтика Сократа, основанные исключительно на силе поэтического таланта, придали платоновскому дискурсу открытый характер философствования как вечного поиска вне окончательной позиции. Научный дух и гений Аристотеля, напротив, вели его к органическому синтезу и систематизации, к разведению тем и проблем по их природе, к дифференциации методов, с помощью которых решаются разного рода проблемы. Так что на смену платоновской извивающейся спирали, втягивающей в себя все проблемы, должна была прийти некая стабильная систематизация, где фиксировалась бы

проблематика философского знания, прокладывались пути по которым впредь будут разрабатываться метафизика, физика, психология, этика, политика, эстетика, логика.

О том, как произошёл разрыв Аристотеля с платоновской Академией, существовали разные мнения. Формально он оставался академиком вплоть до смерти Платона. Только после того, как преемником Платона на посту главы, школы стал Ксенократ, Аристотель ушёл из Академии, так как Ксенократ придавал такое направление школе, которое не удовлетворяло потребностям Аристотеля. Но существуют и другие свидетельства. Так, например, Диоген Лаэртский, греческий писатель II — III вв. н.э., сообщает, что Аристотель отошёл от учителя ещё при его жизни. По словам Диогена Лаэртского, Платон, узнав о критических замечаниях своего ученика, сказал: “Аристотель меня брыкает, как сосунок-жеребенок свою мать”. Трудно сказать, действительно ли эти слова принадлежат Платону, или они были приписаны ему позднее. Неясно также, насколько они отражают взаимоотношения двух мыслителей — учителя и ученика. Зато — и это намного важнее — они прекрасно характеризуют взаимоотношения двух традиций древнегреческой философии — платоновской и аристотелевской.

Долгое время среди историков философии господствовало мнение, согласно которому Аристотель сначала придерживался платоновских воззрений, а затем отошёл от них, и чем старше он становился, тем большая

дистанция отделяла его от учения Платона. Действительно, юный Аристотель, ученик великого афинского философа, не мог, вероятно, не быть какое-то время его безоговорочным последователем. Однако, как показали исследователи, сопоставление произведений Стагирита демонстрирует нам более сложную картину: в ранний период своего творчества он резко критиковал платонизм, в последствии же, перейдя от критики к созданию своего собственного учения, Аристотель нередко становился на путь, предначертанный учителем, правда, используя при этом свои собственные термины и понятия.

Вооружившись бесчисленными аргументами, Аристотель резко критиковал платоновскую теорию идей, показывая, что, если идеи трансцендентны, отделены от мира вещей, то они не могут быть ни причиной их существования, ни основанием их понимания и постижения. Чтобы избежать такой участи, формы были возвращены в чувственный мир как внутренне ему присущие. Теория синтеза материи и формы была предложена Аристотелем как альтернатива Платону. Однако он и не думал отрицать реальность сверхчувственного, но лишь не соглашался с ее платоновской трактовкой. Идеи, формы суть лишь умопостигаемое обрамление чувственного. Это был безусловный прогресс.

Чтобы прояснить это приведём следующий пример. Аристотель говорил так. Платон прав, а Диоген неправ: есть не только стол, но и Стольность, не только гора, но

и Горность. Но Платону кажется, что Стельность - это что-то гораздо более яркое, прекрасное и совершенное, чем стол. А это неверно. Закройте глаза и представьте себе вот этот стол. Вы представите его во всех подробностях, с каждой царапкой и резной завитушкой. Теперь представьте себе “стол вообще” - платоновскую идею Стельности. Сразу все подробности исчезнут, останется только доска и под ней то ли три, то ли четыре ножки. А теперь представьте себе “мебель вообще”! Вряд ли даже Платон сумеет это сделать ярко и наглядно. Нет, чем выше идея, тем она не ярче, а беднее и бледнее. Мы не созерцаем готовые “образы”, как думал Платон, - мы творим их сами. Повидав сто столов, тысячу стульев и кроватей, сто тысяч домов, кораблей и телег, мы замечаем, какие приметы у них общие, и говорим: вот вид предметов “стол”, род предметов “мебель”, класс предметов “изделие”. Разложим все, что мы знаем, по этим полочкам родов и видов - и мир для нас сразу станет яснее.

Глава 5 Метафизика

Вопрос происхождения термина метафизики и её самой как дисциплины, мы уже касались, поэтому сейчас необходимо суммировать это и изложить в качестве единой системы.

Аристотель даёт четыре определения метафизики: во-первых, это первая философия, исследующая причины первых, или высших начал; во-вторых, познание “бытия, поскольку оно бытие”; в-третьих, знание о субстанции; в-четвёртых, знание о Боге и субстанции

сверхчувственной. Следует заметить, что эти четыре определения метафизики находятся в гармонии не только с предшествующей традицией, но и между собой. Действительно, кто ищет причины и первопринципы необходимости, должен встретить непременно Бога, ибо он — первоначало по преимуществу. Задаться же вопросом, — что есть бытие, — значит, оказаться перед проблемой, существует ли только чувственно воспринимаемое бытие, или же есть также сверхчувственное, божественное. Вопрос — “Что такое субстанция?” — включает в себя и проблему: “Какие типы субстанции существуют?”

Итак, метафизика — это исследование первых причин. Каковы они и сколько их? Аристотель полагает, что, поскольку они относятся к миру становления, то могут быть сведены к четырем: 1) причина формальная, 2) причина материальная, 3) причина действующая, 4) причина конечная (финальная).

Первые две причины есть ничто иное как форма (сущность) и материя, образующие все вещи. Напомним, что причина, по Аристотелю, — это условие и основание. Материя и форма суть достаточные условия для объяснения реальности, если её рассматривать в статическом состоянии. Поэтому человек, с этой точки зрения, есть его материя (мясо и кости) и его форма (душа). Но ежели его рассматривать с точки зрения становления, динамически, то мы спросим: “Как он родился?”, “Кто его родил?”, “Почему он развивается и растёт?”. Значит, необходимы ещё две причины —

двигательная (т.е. родители, давшие жизнь человеку) и конечная (т.е. цель, в направлении которой развивается человек).

Второе определение метафизики, как мы уже видели, дано Аристотелем в онтологическом ключе: бытие как таковое. В этом метафизика не совпадает ни с одной из частных наук: ведь ни одна из них не знает бытия в его универсальности, но, ограничив себя частью его, каждая из них изучает характеристики этой части. Метафизика идёт к первопричинам бытия как бытия, к такому “почему”, которое даёт основание реальности.

Здание аристотелевской метафизики завершается понятием сверхчувственной субстанции. Субстанция это первая реальность, все прочие модусы реальности зависят от неё. Точно как субстанция, время и движение неразрушимы. Время не сотворено и не пройдет. Ясно, что протекание во времени предполагает наличие моментов начальных и последующих, но время как условие этих моментов вечно. С другой стороны, время — это определение движения, следовательно, вечность первого означает вечность второго.

Но благодаря какому условию существует вечное время и вечное движение? Безусловно, как утверждает Аристотель, благодаря наличию Первоначала. И это Первоначало должно быть вечным и неподвижным: ибо лишь недвижимое может быть “абсолютной причиной” подвижного. Всё, что подвижно, движется чем-то иным (к примеру, камень летит от удара трости, трость приведена в движение рукой, рука — человеком).

Значит, для объяснения любого движения мы должны прийти к началу, которое по отношению ко всему, что движется, само по себе абсолютно неподвижно, и только поэтому дает движение всему универсуму. В противном случае, мы имеем движение в бесконечности, что немислимо.

Также Первоначало должно быть лишено потенциальности, то есть быть чистым актом. Ибо, что имеет потенцию, может и не быть в акте, поэтому вечное движение небес предполагает как условие чистый акт.

Но здесь встаёт следующий вопрос, как Перводвигатель (являющийся сверхчувственной реальностью) приводит всё в движение, сам оставаясь недвижимым? Философ показывает это на примере “объектов желания и понимания”. Объектом наших желаний бывает нечто красивое и доброе, которое притягивает наши желания сами по себе без какого-либо усилия и движения. Вечный Двигатель выступает не как действующая причина, (по типу той, что ведёт скульптора, работающего с мрамором или отца, рождающего сына), но как целевая причина: ведь Бог притягивает, двигая к совершенству.

Вселенная не имеет начала, не существует также момента, когда был хаос (или не-космос). В противном случае это противоречило бы положению о превосходстве акта над потенцией: ведь тогда сначала должен был быть хаос, или потенция, а уж затем мир, то есть акт. Однако, по Аристотелю, это абсурдно: ведь если Бог вечен, то он извечно притягивал и обустроивал

универсум как объект своей любви. А значит, мир всегда был таким, каков он есть.

Глава 6 Физика: мир, жизнь, человек

Как уже было выяснено, Аристотель называл физику “второй философией” и отдавал ей исследование сферы чувственной субстанции, внутренняя характеристика которой — движение, в отличие от недвижимой субстанции — объекта метафизики. Для Аристотеля физика – это естествознание, наука о формах и сущностях, она скорее, является онтологией, или метафизикой чувственно воспринимаемого мира. Действительно, аристотелевская физика (и большая часть его космологии) — это, по сути, метафизика чувственного, кульминацией которой является обоснование существования неподвижного перводвигателя. Убежденный в том, что “не будь вечного, не было бы становящегося”, Стагирит демонстрирует, что и физические исследования подтверждают этот принцип.

Основная проблема физики того времени заключалась в проблеме движения. Дело всё в том, что школа элеатов его отвергла на основании того, что движение иллюзорно. Аристотель же предложил блестящее разрешение этих затруднений.

Аристотель предложил онтологическую структуру всех возможных форм движения. Подобно тому, как потенция и акт относятся к различным категориям, так движение как переход от потенции к акту, тоже

относится к разным категориям: субстанции, качества, количества и места. Получаем четыре формы движения:

1) изменение в субстанции есть “возникновение или разрушение”;

2) изменение в качестве — “альтерация”, превращение;

3) изменение в количестве — “возрастание или убывание”;

4) изменение по месту — перемещение, “трансляция”.

“Изменение” — это термин, подходящий для всех четырех форм, “движение”, напротив, применимо лишь к последним трем, особенно, к четвертой. Во всех трех формах предполагается наличие субстрата (бытия потенциального), которое переходит от одного состояния к противоположному. Возникновение — это приятие формы со стороны материи, разрушение — потеря формы.

Переход от общего к малому и наоборот — это “возрастание и убывание”, а от одного пункта к другому — “трансляция”. Лишь сложенные из материи и формы существа способны к изменению, ибо лишь материя имеет потенциальность. Таким образом, источник любого движения — гилеоморфные структуры, то есть образованные из материи и формы.

Объекты движутся не в небытии, которого не существует, но в некоем “где”, т.е. месте. По Аристотелю, есть не просто место, но место природное”, к которому тяготеет всякая вещь, всякий элемент по своей натуре: огонь и воздух тяготеют “вверх”, земля и

вода — вниз. Верх и низ не относительные понятия, как сейчас, но природные, показывающие физическое положение объекта.

Так что же такое место? Место — это граница вместилща тела, поскольку она соприкасается с его содержанием. Впоследствии Аристотель уточняет, что не следует смешивать место с резервуаром, вместилщем вещи. Первое неподвижно, второе, напротив, подвижно. В некотором смысле можно сказать, что место — это неподвижное вместилще, а последнее — подвижное место. “Как сосуд есть перемещаемая ёмкость, так место есть сосуд неперемещаемый. Ведь, когда одно внутри другого, то двигается вместе с ним, как челнок со всем, что в нем, по глади реки. Место — это, скорее, река как целое, ибо лишь целое недвижно. Значит, место — это первая граница, неподвижно держащая содержимое.

Движение небес возможно, в соответствии с таким пониманием пространства, только как круговое, вокруг себя самого. Пустота немислима: природа не терпит пустоты. Ибо, если пустота есть место, где ничего нет, то, как следует из предыдущего определения, мы имеем противоречие в терминах.

А что же такое время, эта таинственная реальность, которая непрерывно ускользает? Момент, “какие-то части которого уже стали, какие-то готовятся быть, но нет того, что есть сейчас”.

То, что время тесно связано с движением, приводит к тому, что мы не замечаем самого времени. Движение, по общей характеристике, — это континуальность. В

континууме протяженности различимы “сначала” и “потом”. Но и время тесно связано с моментами “сначала” и “потом”. Отсюда знаменитое определение: “время — это исчисление движения на “сначала” и “потом”.

Наконец, восприятие “сначала” и “потом”, а, значит, исчисление движения, предполагает необходимым образом душу. “Когда мы мыслим движение крайнее как отличное от среднего, а душа подсказывает, что моментов два, т.е. “сначала” и “потом”, то мы говорим, что между двумя моментами есть время, поскольку время представляется тем, что Определено мгновением, и это остается как основание”.

Аристотель разделял физическую реальность на две сферы: подлунную и надлунную. Подлунный мир характеризуется всеми формами изменения, среди которых доминируют зарождение и разложение. Для небес характерно “локальное движение”, или циркуляция. В небесных и звездных сферах нет места ни рождению, ни гибели, ни изменению, ни возрастанию, ни убыванию. Во все времена люди наблюдали те же небеса, что видим мы, и тот же опыт подсказывает, что они не были рождены, и нерожденные они суть неразрушимы. Различие надлунного мира и подлунного заключено в материи, из которой они образованы. Материя подлунного мира — это потенция противоположностей, данная в четырех элементах (земля, вода, воздух и огонь), которые, вопреки элеатам и Эмпедоклу, Аристотель понимал как взаимобратимые,

что и позволило ему обосновать и углубить понимание процессов зарождения и распада. Напротив, материя, из которой образованы небеса, — это эфир, который обладает потенцией перехода из одного пункта в другой, а посему принимает лишь локальное движение. Поэтому к четырем уже известным элементам Аристотель добавляет “пятую сущность”, или “пятую субстанцию”. Поскольку для четырех первых элементов характерно прямолинейное движение, сверху вниз — для тяжелых элементов, снизу вверх — для легких, для эфира, поскольку он ни легок, ни тяжел, естественным движением следует считать круговое. Эфир никем не порожден, он не подлежит ни росту, ни изменению, ни разрушению, как небеса, из него образованные.

В книгах по истории науки (особенно популярных) о греческой физике обычно судят очень сурово: перечисляют ложные мнения Аристотеля и говорят, что они задержали развитие науки почти на две тысячи лет. Но необходимо сказать, что он представлял себе законы природы совершенно так, как представляли бы их мы, если бы смотрели на мир не по учебнику, а своими глазами.

Три ошибочных мнения было в физике Аристотеля. Во-первых, что “природа боится пустоты”, мир плотно заполнен веществом. Во-вторых, что тела движутся, только когда на них действует сила, движения по инерции нет. В-третьих, что тяжёлые тела падают быстрее, чем легкие. Подумайте, и вы увидите: все три

полностью соответствуют тому, что мы видим вокруг себя.

“Природа боится пустоты”. Разве не так? Видели мы когда-нибудь вокруг себя пустоту? Что нам и могло бы показаться пустотой, на самом деле — воздух; это показал ещё Эмпедокл. Поставим в воду отвесную трубу, будем поднимать в ней поршень — вода пойдет за поршнем, не позволит образоваться пустоте. Теперь мы знаем: вода пойдет за поршнем не на любую высоту, а только до десяти с лишним метров. Но с такими высокими водоподъемными трубами люди не имели дела до самого XVI века, когда пошла по Европе мода на фонтаны. Теперь мы знаем: воду поднимает по трубе не страх пустоты, а давление тяжести воздуха на поверхность воды снаружи трубы. Но грекам казалось, что этого не может быть, потому что воздух тяжести не имеет и стремится не вниз, а вверх — как пузырь в воде. Все от наблюдения — сомнения даже не возникают. “Нет движения без приложенной силы”. Только одно движение возможно без приложения силы и, стало быть, “естественно”: падение. Всякое другое перемещение “искусственно”: требует приложения силы. Поставь телегу — она так и будет стоять; впряги в телегу лошадь — она поедет. Правда, одно повседневное действие в это вроде бы не укладывается: когда мы бросаем камень, он летит, хотя рука его больше уже не толкает. Но мы помним: в природе нет пустоты, вокруг камня находится воздух, его частицы и продолжают толкать камень вперед. Объяснение сложное, но наблюдениям не

противоречит. Теперь мы знаем: без приложенной силы, по инерции возможен не только покой, но и равномерное прямолинейное движение. Но наблюдать это невозможно, а вывести гипотетически грекам было не по нраву. Они привыкли представлять мир спокойным и устойчивым, чтобы все тела в нем сохраняли свой покой или падали туда, где надеются его найти.

“Тяжелое падает быстрее, чем легкое”. Здесь любой опыт подтвердит вам: да, скорость падения зависит от веса и даже от формы падающих тел; да, железный шарик упадет быстрее, чем железный лист, а железный лист быстрее, чем бумажный. Теперь мы знаем: это только от сопротивления воздуха, а в пустоте они все падали бы с одинаковой растущей скоростью. Но опять-таки пустоты в мире нет; более того, именно этим примером Аристотель доказывал, что её и не может быть. Ускоряясь в пустоте, говорил он, скорость движения стала бы бесконечной, а это невозможно; стало быть, пустоты нет.

Вот так и возникают ложные теории: сперва — бесспорные наблюдения; потом — объяснения, с виду простейшие и естественные, а на деле подсказанные вечной греческой любовью к устойчивому порядку и нелюбовью к хаосу, в частности к пустоте и к бесконечности; и наконец — сцепление этих объяснений в стройную систему, где они поддерживают друг друга. А затем такая система стоит, пока её не разрушит, с одной стороны, накопление новых наблюдений и опытов, с другой стороны, смена вкуса к устойчивости и покою

вкусом к движению и простору. (Это случится в XVII веке при Галилее и Ньюtone.)

Мешали эти теории практике или нет? Мешали, но мало. Представление о том, что в водоподъемных трубах природа боится пустоты, ничуть не помешало александрийскому механику Ктесибью изобрести пожарный насос и водяной орган. Представление о том, что брошенный камень летит, движимый постоянной силой, не помешало именно в эти годы завести настоящую античную артиллерию: катапульты—исполиньские луки и пращи на колесах, бившие камнями и стрелами с такой силой, что еще в начале XX века некоторые военные специалисты серьезно думали, не возродить ли их в современных армиях. (Изобретены эти орудия впервые были еще при тиране Дионисии Сиракуском. “Вот и конец пришел воинской доблести!” — грустно сказал спартанский царь Агесилай, когда ему показали такую дальнобойную катапульту.) А неверные понятия о падении тел не помешали выстроить у входа в александрийскую гавань седьмое чудо света — Фаросский маяк, башню высотой с 25-этажный дом, простоявшую, не падая, ни много ни мало полторы с лишним тысячи лет — до XIV века.

Такое представление о мире, основанное, прежде всего, на наблюдении отражало внутренний уклад грека. Для него время текло циклично, а значит и не было представление о прогрессе: античный человек испугался бы даже мысли об обществе, стремительно развивающемся неведомо куда. Он хотел общества

устойчивого и постоянного, где завтра похоже на вчера и где рабов вполне хватает, чтобы прокормить господ и доставить им возможность беззаботно заниматься красивыми умозрениями.

В своём понимании человека Аристотель исходил из того, что человек — это не просто чистый разум или рассудочность, он состоит из души и тела. Душа — это аспект или энтелехия тела, не существующая без него, оживляющая и придающая ему качества. Душа, как считал Аристотель, состоит из трёх частей: растительной, животной и понимающей (рациональной). Все наши желания, страсти и пороки исходят из самой низшей — растительной (вегетативной) части. Вот, как считает Аристотель, в господстве над этой частью состоит этическая добродетель человека. Господство достигается за счёт правильного воспитания и образования: жизнь нам дана для того, чтобы использовать её во благо.

“Все люди отличаются от себеподобных так же, как душа отличается от тела. Человек — тогда животное, когда лучшее из того, что он имеет — это тело, он принадлежит к рабам по природе, а потому лучшая участь его — находиться в подчинении, быть во власти кого-то”. Раб по природе — это тот, кто принадлежит другому всецельному в потенции, а потому участвует в разуме только в мере непосредственной чувственности, в то время как другие не имеют даже этого, подчиняясь страстям. Он принадлежит разуму лишь постольку поскольку этого требует непосредственная

чувственность, именно поэтому рабов и животных используют для удовлетворения телесных нужд.

“Человек – это политическое и общественное животное” – это фраза, принадлежащая Аристотелю. Действительно, человек не мыслит свою жизнь вне коллектива. Как пишет философ, “живущий вне коллектива, – либо сумасшедший, либо святой”. Стагирит считает, что человек от природы склонен к приобретению материальных благ и знаний: инстинкт собственности является врождённым у человека. В сочинении “Политика” он пишет: “сколько наслаждения в сознании того, что нечто тебе принадлежит, ведь свойственное всем людям чувство любви к себе не случайно, но внедрено в нас природой”. Более того, Аристотель, отказавшись от мистического компонента в философии, сделал человека ответственным за собственное благополучие, судьбу и счастье.

Глава 7 Математика.

Учитель Аристотеля Платон видел единственный путь вхождения в метафизику только через математику. Недаром на воротах его Академии была надпись: “Незнающий геометрии, да не войдёт сюда”. По сравнению с учителем, Аристотель мало времени посвящал математическим дисциплинам, однако, как бы то ни было, особый его вклад в математику состоял в том, что он впервые установил онтологический статус ее объектов.

Платон понимал числа и математические объекты как идеальные сущности, существующие вне зависимости от

чувственного. Некоторые платоники пытались мифологизировать это представление, соединяя математические объекты и чувственное, удерживая, впрочем, интеллигибельную природу первых. Аристотель отказывается от этих точек зрения, полагая их абсурдными и неприемлемыми. Мы можем относиться к чувственным вещам, абстрагируясь от прочего, лишь поскольку они — тела в трех измерениях. Затем, рассуждает Аристотель, мы можем мыслить их в двух измерениях, то есть как поверхности, затем, — как протяженную линию, и, наконец, как неделимую точку в пространстве, или как единицу в чистом виде, без пространственной позиции, и это будет числовая единица.

Аристотель считал, что математические объекты не являются ни реальными единицами, ни ирреальными. Они существуют в чувственных вещах потенциально, и наш разум умеет их выделить через абстракцию. Поэтому математические объекты — это единицы разума, которые существуют в нашем уме актуально, благодаря его способности к абстракции, а в потенции они существуют в вещах как присущие им внутренне.

Часть 7 Аристотель и его школа.

Психология. Общество: этика и политика. Идеальное государство. Логика, риторика и поэтика. Школа Аристотеля: перипатетики. Теофраст.

Глава 1 Психология.

Современные психологи знают, что основателем их науки по праву считается Аристотель, однако современная психология имеет предмет своего рассмотрения совсем не то, что в неё вкладывал философ. Сам термин “психология” появился значительно позже, но Аристотель понимал под ней учение о душе, о её составе, свойствах, влиянии на жизнь человека.

Все одушевленные существа отличаются от неодушевленных тем, что они обладают началом, дающим жизнь, и это начало – душа. Так что же такое — душа? Для ответа на этот вопрос Аристотель воспроизводит свою гилеморфическую метафизику реальности, согласно которой все вещи суть композит материи и формы, что материя — это потенция, в то время как форма — это энтелехия (целенаправленность), или акт. Это имеет силу, разумеется, и для живых существ. Живые тела обладают жизнью, но не сама жизнь — тело, оно — лишь материальный субстрат, потенциал, форма и акт которого — душа. Отсюда знаменитое определение души с долгой счастливой судьбой: “Необходимо считать душу субстанцией, формой физического тела, имеющего жизнь в потенции, но субстанция как форма есть энтелехия (акт); душа,

следовательно, есть энтелехия таким образом устроенного тела”, “душа — первая энтелехия физического тела, имеющего жизнь в потенции”.

Аристотель считает, что душа как принцип жизни должна иметь способности, функции и части, ответственные за разные действия и их регулирующие. Поскольку основные функции и феномены жизни бывают: 1) растительного характера, т.е. рождение, питание, рост, 2) чувственно-двигательного характера, как ощущение и движение, 3) интеллектуального характера, как познание, установление и выбор, Аристотель вводит разделение на 1) “душу растительную”, 2) “душу чувственную”, 3) “душу рациональную”.

Растения имеют только душу растительную, животные — растительную и чувственную, люди — все три вида души. Чтобы обладать рациональной душой, человек должен иметь две другие; животное должно иметь растительную душу, чтобы обладать чувственной, но растительной душой можно владеть без двух других. Но в человеке три вида души существуют не порознь, но в единстве, то есть в человеке не три души, но одна, наделённая функциями первой и второй.

Если с первыми двумя душами более или менее понятно, так как растительная душа формирует рост, питание и размножение существа, чувственная душа ответственна за аппетит, пять основных чувств, страсти и вожделения, присущие животным для того, чтобы животные и растения были причастны божественному

устройству, то третий вид души следует рассмотреть подробнее.

Рациональная душа присуща исключительно человеку, она, являясь аспектом или энтелехией тела, не существует без и вне тела. Утверждая это, Аристотель, таким образом, избавляется от мистических элементов, которые прослеживаются в философии его учителя Платона. Аристотель не говорит, ни о бессмертии души, ни о её загробном состоянии только лишь потому, что мы не можем эмпирически это проверить или вывести с помощью логических законов.

Рациональная душа – осознающий и понимающий интеллект, способный познавать чистые формы, способный удерживать происходящее в памяти. Наша рациональная душа – это потенциальный интеллект в отличие от активного интеллекта – Бога. Аристотель пишет: “Интеллект есть субстанциональная реальность и не подлежит порче. В самом деле, если бы он разрушался, то слабел бы, как дряхлеют старики. Случается, напротив, тоже, что случается и с органами чувств. Если бы старик обрел здоровые глаза, то видел бы как молодой человек. Старостью мы обязаны не душе, но субъекту, телу, в котором она находится, как это имеет место в случае опьянения или другой болезни. Мыслительная активность ослабевает, когда какая-либо внутренняя часть тела ослабевает или разрушается, но сама по себе она бесстрастна. Рассуждать, любить или ненавидеть суть аффекты не интеллекта, но субъекта, обладающего интеллектом, поскольку он им обладает.

Поэтому человек умирающий не помнит и не любит. Помнить и любить — не собственные функции интеллекта, но субстрата, подверженного разрушению, интеллект же — нечто определенно наиболее божественное и невозмутимое”.

И, таким образом, рассматривая тему души, мы подходим к этическому идеалу Аристотеля.

Глава 2 Общество: этика и политика.

Аристотель считал человека общественным животным, то есть существом, приспособленным к жизни в коллективе. Но, живя в обществе, необходимо соразмерять своё поведение с чувствами и интересом других людей. Общество требует от человека подчинения общепризнанным нормам и правилам поведения. Вот разбором того, как должно выстраивать свою жизнь и поведение в коллективе, и занимается этика Аристотеля. Аристотель считает, что все поступки человека тяготеют к неким целям как к благу. Поступки и цели между собой соотносятся и подчиняются некой “последней цели”, или “последнему благу”, относительно которого все согласны, что это — счастье.

Во-первых, счастье можно понимать как удовольствие и наслаждение, но жизнь, растроченная для наслаждений, — рабская жизнь, достойная животного. Другие утверждают, что счастье — это слава и почёт (для античного человека это значило почти тоже, что для современного — успех). Однако успех, по большей части, есть нечто внешнее, зависящее от тех, кто его присваивает, признает. Для кого-то счастье состоит в

умножении богатства, и это одна из наиболее абсурдных целей, — жизнь вопреки природе, ибо богатство — средство для чего-то другого, и как цель смысла не имеет.

Но Аристотель полагает, что высшее благо и счастье, доступное человеку, — в совершенствовании себя как человека, то есть в действиях, отличающих его от всех прочих существ. Не просто жить, ведь и растения живут; не только чувствовать, ведь и животным открыты чувствования, но мыслить — вот предназначение человека. Активность разума — цель, достойная людей. “Благо человека состоит в активности души, согласной с добродетелью, а коли добродетелей души много, — то в согласии с лучшей и наисовершенной из них. Но, следует добавить, — и в жизни исполненной. Ведь и в самом деле, одна ласточка не делает весны, ни даже дня весны: один день не делает человека блаженным и счастливым”.

В этом заметно углубление сократической и платоновской философии. Мы не являемся просто душой, но нам необходимо подчинять стремления низшей души — душе высшей, то есть рациональной части души. Это делает человека счастливым и благодетельным. Однако, что касается материальных благ, то их Аристотель рассматривает с точки зрения полезности и необходимости, присутствие которых хотя и не даёт само по себе счастья, но отсутствие которых вполне способно его уничтожить ощущения обладания счастьем.

Аристотель, обратившись к политической проблематике, вначале составил описание всех ста пятидесяти восьми городов-полисов, существовавших на время его жизни и только после этого взялся за написание своей “Политии” и выдвижения концепции идеального государства.

По мнению Стагирита, государство должно иметь различные формы и различные основные законы. Основной закон — структура, дающая форму, порядок государству. Поскольку власть может исходить, либо от одного человека, либо от немногих, либо от большинства, постольку мы получаем следующие формы правления. 1) правильные: монархию, аристократию, “политию” и 2) три неправильные: тиранию, олигархию, демократию. При этом надо иметь в виду, что каждый, кто управляет, управляет в соответствии, либо с общим благом, или же собственным интересом

Под “демократией” Аристотель понимает образ правления, который, пренебрегая общим благом, нездоровым образом потакает интересам нищих, не только в материальном, но и в духовном смысле слова, отсюда новый смысл слова демократия — демагогия, он уточняет, что ошибка состоит в том, что если все равны в свободе, не значит, что все равны во всем прочем.

Аристотель утверждает, что, в абстрактном смысле слова, лучше первые две формы правления, но точки зрения здравого смысла и рациональности, принимая людей, какие они есть, — полития есть лучшая из форм: ибо она воплощает средний путь (золотую середину),

путь между олигархией и демократией, то есть умеренной демократии, где наличествуют все достоинства олигархии и скрыты дефекты демократии.

Глава 3 Идеальное государство

В “Политии” Аристотель утверждает, что цель государства заключается в достижении нравственности и в том, чтобы, живя сообща, люди стали бы счастливыми. Поэтому самое важное в жизни государства – это укрепление и распространение добродетели. Ценности, справедливость, разумность любого государства имеют столько же силы, сколько ее имеет каждый отдельный гражданин. Так Аристотель подтверждает платоновское соотношение между государством и душой. Именно в этом и заключается понимание идеального государства Платоном.

Идеальное государство – это совершенная общность людей, в которой прослеживается следование основным целям: укреплять добродетель в людях, и соответствовать человеческим представлениям: то есть быть ни слишком населенным, ни малонаселенным, как, впрочем, и территория: она должна быть достаточно большой, чтобы удовлетворять материальным нуждам, но не настолько, чтобы тяготить своими размерами. Черты гражданского характера предпочтительны греческого типа, включающие, впрочем, лучшие черты северных и восточных народов. Чтобы эффективнее использовать энергию молодых и мудрость старших, следует первых готовить для защиты государства,

вторых — для богослужений, но и те, и другие должны участвовать в управлении.

Идеал совершенного государства — это золотая середина, жизнь в мире и созерцательная активность. Всё в жизни разделено на две части, одна, к примеру, тяготеет к заботам и труду, другая — к свободе; одна — к войне, другая — к миру, соответственно действия могут быть либо полезными, либо прекрасными. В выборе целей необходимо предпочитать более высокие цели, опираясь и отталкиваясь от более низких. Имея целью мир, мы готовимся к войне; работая на пределе, не забываем о свободе как о цели; все полезное — для достижения прекрасного. Этим критерием должен руководствоваться законодатель, не путая средства с целями, удерживая правильное соотношение между способностями души и действиями: важно умело работать и искусно вести войну, но еще более важно уметь отдыхать, жить в мире и создавать прекрасное.

Глава 4 Логика, риторика, поэтика.

В рамках систематизации наук мы не находим у Аристотеля логики как таковой, но тем не менее Аристотель был творцом того, что потом получило название формальной логики, которая имплицитно присутствует в любом типе дискурса, не только когда возникает намерение что-либо доказать, быть убедительным, но и когда имеется стремление к нахождению истины. В логике разбирается и рассматривается мышление человека, то есть мысль в действии, которая определяет элементы, структуру

доказательства, типы и виды его. Отсюда термин “органон”, который означает “инструмент”, и он был введен Александром Афродисийским для обозначения логики в целом (позже он употреблялся для наименования комплекса аристотелевских работ по логике), который отражает суть дела — набор мыслительных операций, необходимых для проведения любого типа исследования.

Следует помнить, что смысл современного слова “логика” не всегда совпадает античным понятием. Аристотель употребляет термин “аналитика”, (от греческого — *analsiV*, т.е. разрешение), означавший метод, с помощью которого мы извлекаем из некоего заключения элементы и предпосылки, а, следовательно, понимаем, как нечто получено, обосновано и оправдано ли.

Аристотель первым сформулировал три основных логических закона: Закон тождества, гласящий, что А всегда тождественно А; закон исключённого третьего: “из двух противоположных высказываний лишь одно истинно; и закон непротиворечивости, согласно которому противоположные высказывания не могут быть одновременно истинными.

Когда мы утверждаем или отрицаем нечто т.е. формулируем, — это не значит, что мы рассуждаем. Размышляем мы только тогда, когда идем от суждения к суждению, отслеживая необходимые связи между ними, то есть, находя одно как предшествующее, другое как вытекающее. Если нет этой связи, нет органической

последовательности, то нет и мыслительного процесса. Силлогизм в точном смысле — это совершенный дискурс, где заключение с необходимостью вытекает из предпосылок. В нём есть три предложения, два из которых — предпосылки, третье— заключение, скрепляющее первые два звена. Силлогизм как таковой показывает, какова сущность дискурса, какой должна быть структура вывода. “Научный” силлогизм, или демонстративный, отличается тем, что, помимо формальной корректности, он показывает ценность и истинность предпосылок и заключения. Его посылки должны быть не только истинными, но и первичными, т.е. не требующими никаких других демонстраций, ясными, понятными, не нуждающимися в доводах.

Силлогизм — по сути, дедуктивный процесс, поскольку из универсальной истины извлекается истина частная. Но как получить истины универсальные? Аристотель говорит об “индукции” и об “интуиции”, которые, будучи противоположны по характеру, обе предполагают тот же силлогизм.

Индукция — процесс движения от частного к общему. И хотя сам Аристотель в “Аналитиках” показывает, как та же индукция может трактоваться силлогистически, он все же признает, что индукция не есть обоснование, а есть отвлеченный процесс, который практика делает возможным.

Интуиция же есть улавливание интеллектом первоначал. Следовательно, Аристотель, как и Платон, признает интеллектуальную интуицию; в самом деле,

возможность “опосредованного” знания структурно предполагает знание “непосредственное”.

Основную задачу философии, Аристотель, как и его учитель Платон, видели в исследовании истины и распространения знания. Задача же риторики состоит в том, чтобы способствовать убеждению человека в том, к чему пришёл сам.

Однако не следует понимать риторику в качестве “методологии убеждения”, скорее, она является искусством анализа и определения процессов, ведущих к завоеванию умов. Формально риторика — сестра логики, которая специализирует структуру мышления и обоснования, что делает её близкой диалектики. Поскольку диалектика не имеет собственного базиса, постольку она опирается на мнения, разделяемые всеми или большей частью людей. Так и риторика изучает способы, с помощью которых люди советуют, обвиняют, защищаются, восхваляют, используя как аргументы не первичные посылки, что обязательно для научной демонстрации, но распространенные убеждения и суждения.

Следующее, на чём необходимо остановиться для составления более полного суждения о практических дисциплинах, к которым относятся, и этика, и риторика, и политика — это на сфере искусства, которой Аристотель посвящает книгу “Поэтика”.

Причина негативного отношения Платона к искусству объясняется тем, что искусство есть мимесис, или имитация, подражание вещам, которые, по Платону,

сами являются подражанием Идеям. Искусство предстает копией копии, видимостью видимости, где доля подлинного уменьшается вплоть до исчезновения. Аристотель решительно не согласен с такой точкой зрения, рассматривая “артистический мимесис” как такую форму активности, которая вновь создает изображаемые объекты в новом измерении. “Цель поэта, — считает Аристотель, — говорить не о том, что уже случилось, но о том, что должно случиться с той или иной степенью необходимости. В самом деле, разница между историком и поэтом не в том, что один выражается в прозе, — другой в стихах (сочинение Геродота и в стихах не перестало бы быть историческим). Разница состоит в том, что первый говорит о бывшем, а поэт — о том, что должно быть. Именно поэтому поэзия не менее благородна и философична, чем что-либо другое, ибо она имеет в виду универсальное, история же погружена в частное, неповторяющееся”.

Вторая сторона природы искусства заключена в подражании реальному в пространстве возможного, его цель — в “очищении от страстей”. Аристотель ссылается на трагедию и музыку, которые, возбуждая в публике сочувствие и ужас, способствуют выходу страстей и очищают душу.

Некоторые историки философии считают, что очищение можно понимать двояким образом. Во-первых, очищение в моральном смысле, то есть избавление от духовной скверны. Во-вторых, возможно

проинтерпретировать “катарсис” как освобождение от страстей в физиологическом смысле слова, как средство обновления эмоциональной сферы то есть получение “эстетического наслаждения”. В этом смысле Аристотель же переворачивает логику Платона, который обвинял его в замутнении разума: искусство не нагружает, но расслабляя эмоциональную сферу. Поэтому тот тип эмоций, который формирует подлинное искусство, не только не подавляет рациональную сферу, но, напротив, оздоравливает её.

Глава 5 Школа Аристотеля: перипатетики.

Уйдя из Платоновской Академии, Аристотель в 334 году до н.э. основывает Ликей, где проводит занятия не сидя, как везде, но прогуливаясь с учениками, за что его Ликей был назван “школой перипатетиков”, то есть “прогуливающих философов”. Аристотель преподавал в нём до самой смерти. После него, возглавил Ликей его лучший ученик Теофраст, о котором пойдёт речь в следующей главе. Он руководил школой до 284 года до н.э.

Умирая, Теофраст завещал всю недвижимость перипатетикам, но библиотеку, содержащую неопубликованные произведения Аристотеля, оставил на попечение Нелею. Теперь нам известно, что последний отвез ее в Малую Азию, где наследники Нелея прятали бесценные рукописи в подвале, чтобы они не попали в руки царя Атгала, который собирал библиотеку в Пергаме. Так они оставались в тайнике, пока один любитель книг по имени Апелликон не обнаружил их и

не переправил обратно в Афины. В 86 г. до н.э. они были конфискованы силой и отправлены в Рим, где грамматик Тиранниону была поручена систематизация и перевод. Здесь было подготовлено первое систематическое издание этих рукописей Андроником Родосским во второй половине I в. до н.э.

Очевидно, что в течение длительного времени школа перипатетиков после смерти Теофраста игнорировала “эзотерические” сочинения Аристотеля (материалы лекций), хотя изучение древних каталогов показывает, что отдельные их копии были доступны.

Вообще, судьба Ликей не была удачной: после Аристотеля и Теофраста было крайне мало философов, которых можно было соотнести с масштабом личности основателя. Можно, правда, привести имя Андроника Родосского, которому мы благодарны за то, что он систематизировал труды Аристотеля и ввёл в философский словарь слово “метафизика”. Значительно позже школа перипатетиков слилась с Академией Платона, образовав новое течение в философии, которое получило название “неоплатонизм”.

Глава 6 Теофраст.

Знаменитый ученик и друг Аристотеля Теофраст (Феофраст) родился на острове Лесбос в городе Эрес в 372 до н. э. Умер в 288 году до н.э. После смерти Аристотеля возглавил в Афинах перипатетическую школу – Ликей. Теофраст считался самым разносторонним учёным античности. Им написаны работы по философии, риторике, поэтике,

страноведению, музыке, искусствоведению и религии. Однако, сохранилась лишь малая часть этих трудов. Теофраст стремился дополнить философскую систему Аристотеля результатами своих исследований. Так, в силлогистику Аристотеля он ввел, кроме прочего, теорию гипотетических выводов. Чтобы глубже понять сущность какого-либо известного факта, положения, определения, Теофраст мог начать изучение заинтересовавшей его проблемы с самых азов, отодвинув на второй план все теоретических разработки по данной проблеме. Таким образом, он поставил под сомнение теорию Аристотеля о целесообразности в природе (энтелехия), но одновременно с этим защищал от нападок стоиков учение о вечности мира. Огромное значение для понимания древней философии имеет его восемнадцати томное “Учение натурфилософов”. Заслуживает внимания метод научного анализа, который он применял для выработки собственной точки зрения по определённым вопросам: Теофраст изучал все рефераты и критические замечания, касающиеся данного вопроса, даже если эти замечания исходили от непосредственных противников. Вклад Теофраста в естествознание заключается, кроме всего прочего, в создании понятийного аппарата по типологии и морфологии минералов, растений, зверей и людей. Вплоть до 16 в. ему не было равных по вкладу в области растениеводства и фитологии. Его психологические и физиологические исследования затрагивали проблему функциональной деятельности органов чувств и протекания

психофизических процессов, таких, как сон, усталость, потовыделение и приступы головокружения.

Теофраст занимался вопросами происхождения геологических минералогических и метеорологических образований и явлений, Он сформулировал понятие взаимосвязи внешнего мира и обстоятельств. Теофраст был автором замечательного произведения “Характеры”, в котором даны описания различных характерологических типов (“деревенщина”, “бесстыдный”, “суеверный”, “льстец”), и это произведение имело успех среди комедиографов поздней античности (начиная с Менандра) и в период Просвещения, когда они и были переведены Лабрюйером на французский язык.

Глоссарий

1. Акциденция	Случайность, привходящий признак, принадлежащий вещи не всегда и не входящий в сущность этой вещи.
☐ Аналогия	Сходство понятий, предметов или явлений по наличию общего им признака. Под Аналогией также понимается вывод о наличии определённых признаков на основании фиксации сходства, существующего в других признаках.
☐ Анамнесис	Философский термин, означающий воспоминание, припоминание, согласно Платону, являющееся основой познания.
☐ Апория	Понятие, означающее в древнегреческой философии трудноразрешимую задачу или проблему. Апория возникает тогда, когда в самом предмете или в понятии уже заложено

	противоречие. Примером апории служит рассуждение Зенона Элейского о невозможности движения.
☐ Витализм	Учение, объясняющее возникновение и существование всего живого наличием непознаваемых человеком нематериальных и иррациональных факторов: жизненной силы, души, энтелехии.
☐ Гедонизм	Этическое учение, согласно которому добро определяется как то, что приносит наслаждение и избавление от страданий, а зло – как то, что влечёт за собой страдание.
☐ Гилеморфизм	Учение, согласно которому все вещи суть соединение (комполит) материи и формы, из которых материя — это потенция, а форма — целенаправленность (энтелехия) или акт.

☐ Деструктивное	Разрушительное явление, нарушающее установленный порядок и сложившиеся нормы.
☐ Дефиниция	Краткое логическое определение, устанавливающее существенные, отличительные признаки предметов или значение понятий: его содержание и границы.
☐ Диалектика	Наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, характеризующаяся как способность вести рассуждение посредством вопроса и ответа с целью нахождения истины. Диалектика в понимании Аристотеля – это искусство классификации понятий, разделения вещей на виды.
☐ Диатриба	Литературный жанр, открытый и используемый киниками, который характеризуется как короткий диалог популярного характера

	этической направленности, написанный часто язвительным языком, с сарказмом.
☐ Дискурс	Процесс рассуждения, основанный на ряде последовательных звеньев, из которых каждое последующее зависит от предыдущего.
☐ Дуализм	Философское учение, считающее духовную и телесную субстанцию равноправными началами
☐ Идея	Чувственный образ, возникающий в сознании, как отражение чувственных предметов; смысл или сущность вещей, сводимые к ощущениям и впечатлениям субъекта или к творческому началу, порождающему мир.
☐ Имманентное	Свойство, внутренне присущее тому или иному предмету, явлению, процессу, проистекающее из этого явления.

☐ ИмPLICITный	Скрытый смысл, содержащийся внутри понятия, объекта или явления, подразумеваемый, не выраженный прямо и внешне не проявляющийся.
☐ Индивидуализм	Нравственный принцип, признающий автономию, независимость и абсолютные права личности.
☐ Интелигентный	Философский термин, означающий предмет или явление, постигаемое только разумом или интеллектуальной интуицией.
☐ Интуиция	Особая форма познавательной деятельности, характеризующаяся как способность непосредственного постижения истины без доказательств и логических операций: то есть в соответствии с тем, как

	“заложено природой”.
☐ Ирония	Тонкая, скрытая насмешка, стилистический оборот, при котором притворно утверждается противоположное тому, что мыслится о предмете или же слово употребляется в противоположном значении.
☐ Калокагатия	Этический и эстетический принцип существования человека, понимаемый как гармоничное развитие тела и духа, духовного и материального в человеке.
☐ Катарсис	Понятие древнегреческой философии, характеризующее очищение от чего-либо. В философско-рациональном смысле катарсис – это очищение посредством отделение души от тела, в религиозно-мистическом – очищение и освобождение от греха, а в поэтико-эстетическом смысле означает очищение от страстей посредством искусства

	и эстетического наслаждения.
☐ Каузальность	Философская категория, введённая для обозначения необходимой генетической связи явлений, из которых одно, называемое причиной обуславливает другое, называемое следствием или действием. Совокупность всех обстоятельств, при наличии которых необходимо наступает следствие.
☐ Кинизм	Философское учение, в котором основой счастья и добродетели считалось пренебрежение к общественным нормам, отказ от богатства и славы, всех чувственных удовольствий.
☐ Корреляция	Философский термин, означающий взаимное соотношение предметов или понятий, отношения понятий и

	предметов между собой.
☐ Космология	Учение о вселенной, рассматривающее происхождение, возникновения и существование мира, как единого связного целого.
☐ Космополитизм	Философско-политическое учение, призывающее к осознанию мира, как единого целого, отказ от национально-культурных связей и признаков во имя единства человеческого рода.
☐ Логос	Термин, являющийся основным понятием греческой философии, означающий слово как всеобщий закон, основу мира, его порядок, гармонию.
☐ Майевтика	Способ и диалектический метод, открытый Сократом, означающий последнюю фазу иронического процесса, помогающий душе избавиться от ложных представлений и

	родить истину.
☐ Материализм	Философское учение, утверждающее первичность и превосходство материального и материальной субстанции по сравнению с духовным. Исходит из извечности и несотворённости мира, бесконечности во времени и пространстве, отсутствия Бога и считает сознание продуктом материи, отражающим эту материю.
☐ Метафизика	Философское учение о первоначалах всякого бытия, о сущности мира, об абсолютном, безусловном и сверхчувственном, о том, что существует вне человеческого опыта и о существующем после природных явлений.
☐ Метемпсихоз	Религиозно-мистическое учение о посмертном перевоплощении души и её переселение из одного

	организма или тела в другое (растение, животное, человека, божество).
☐ Мимесис	Термин греческой философии и эстетики, характеризующий сущность человеческого творчества (преимущественно искусства) как подражание внешнему миру.
☐ Объективный идеализм	Философская доктрина, согласно которой мысли и понятия существуют объективно, самостоятельно, независимо от человеческого сознания, признавая при этом первичность духа и вторичность материи.
☐ Онтология	Учение о бытии вообще, как таковом, бытии, независимом от его частных видов, а также о нематериальной, сверхчувственной структуре всего существующего.

☐ Релятивизм	Философское учение, согласно которому человеческое познание признаётся условным и субъективным, отрицается объективность знаний и возможность отражения мира.
☐ Сенсуализм	Философское учение, признающее ощущения и чувства единственным источником познания.
☐ Софистика	Сознательное применение в споре и доказательстве неправильных доводов, уловок; сознательное совершение логических ошибок, замаскированных внешней формальной правильностью с целью победы в споре.
☐ Субстанция	Неизменяемая основа всех явлений и процессов, реальность в аспекте внутреннего единства всех форм её развития, всего многообразия явлений природы, и истории, включая человека и

	его сознание. Субстанция – есть нечто относительное и устойчивое, существующее само по себе, не зависящее ни от чего другого.
☐ Теология	Систематическое изложение представлений о Боге, об отношениях Бога и человека, влиянии веры и религии на жизнь.
☐ Тождество	Категория, выражающая равенство, одинаковость предмета, явления с самим собой или равенство нескольких предметов.
☐ Трансцендентальное	Философское понятие, означающее всеобщие, сверхчувственные свойства бытия, которые познаются интуитивно, априорно, до всякого опыта.
☐ Эвдемонизм	Этическое учение, близкое гедонизму, согласно которому главным критерием

	<p>нравственности и основой морального поведения человека признаётся стремление к счастью. В отличие от гедонизма, эвдемонизм делает акцент на духовном составляющем счастья (эстетическое, этическое удовольствие), предпочитая его физическому (физические удовольствия, наслаждения).</p>
<p>☐ Эвристика</p>	<p>Наука, изучающая творческую деятельность, методы, используемые в открытии нового и в обучении. Эвристика рассматривает способы, необходимые для нахождения принципов решения проблемы или задачи.</p>
<p>☐ Эгалитаризм</p>	<p>Философско-политическое учение, утверждающее необходимость равенства всех сторон жизни, людей, явлений и событий в качестве принципа организации общественной жизни или познания.</p>

<p>☐ Эксплицитный</p>	<p>Явно или открыто выраженный смысл явления, предмета или явления, проявляющийся внешне и особым образом маркированный.</p>
<p>☐ Элиминация</p>	<p>Термин, означающий исключение или удаление какого-либо явления или предмета из рассуждения</p>
<p>☐ Энтелехия</p>	<p>Целенаправленность и целеустремлённость как движущая сила явления; самоцель, активное начало, превращающее возможное в действительное.</p>
<p>☐ Эристика</p>	<p>Искусство ведения спора, возникшее первоначально как средство отыскания истины путём спора.</p>
<p>☐ Эстетика</p>	<p>Философская дисциплина, изучающая прекрасное в действительности, особенности и общие принципы творчества по законам красоты,</p>

	прекрасного и блага.
☐ Эсхатология	Религиозно-философское учение о загробной жизни, о состоянии после смерти, о конечности мира – “конце света”.
☐ Этика	Философская дисциплина, изучающая мораль, нравственные нормы поведения человека, живущего в коллективе. Понимается также как совокупность нравственных правил, норм поведения какой-либо общественной или профессиональной организации.

Список рекомендуемой литературы:

1. Гриненко Г.В. История философии: учебник. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. А967659-ОХФ-ЧЗ-3, А967660-ОХФ-ЧЗ-6, А967661-ОХФ-ЧЗ-4, А984177-ОХФ-ЧЗ-4
2. История философии: учеб. Для вузов / отв. ред.: В.П. Кохановский, В.П. Яковлев. – 7-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011 А985536-ОХФ-ЧЗ-3, А985537-ОХФ-ЧЗ-6, А985538-ОХФ-ЧЗ-4
3. Аристотель. Политика. Афинская политика. – М.: Мысль, 1997. А863703-ОХФ-ЧЗ-6, А868277-ОХФ-ЧЗ-6, А868278-ОХФ
4. Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1998. А865879-ОХФ, А865880-ОХФ, А865963-ОХФ
5. Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1999. А868436-ОХФ-ЧЗ-6, А868437-ОХФ-ЧЗ-3
6. Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 2. СПб. : Алетейя, 1999. А869426-ОХФ-ЧЗ-6, А869427-ОХФ
7. Йегер В. Пайдейя. М., 1997. А862858-ОХФ, А867133-ОХФ-ЧЗ-3
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. – М.: Искусство. Кн. 1. – М.: Искусство, 1992. А845537-ОХФ-ЧЗ-6
9. Михель Д. В. Античная философия эпохи эллинизма. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. А864485-ОХФ, А864486-ОХФ, А864487-ОХФ

10. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1993 – Т. 2. А854461-ОХФ, А875228-ОХФ-ЧЗ-6, А875229-ОХФ, А878495-ОХФ
11. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1993 – Т. 3. А854462-ОХФ, А976753-ОХФ, А976754-ОХФ
12. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1993 – Т. 4. А854463-ОХФ
13. Трубецкой С. Н. История древней философии. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. А972616-ОХФ-ЧЗ-4
14. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб. : Алетейя, 1996. А862433-ОХФ-ЧЗ-3
15. Чанышев А. Н. Философия Древнего мира. М.: Высш. шк., 1999. А868535-ОХФ-ЧЗ-3, А868536-ОХФ, А869125-ОХФ-ЧЗ-4, А869126-ОХФ-ЧЗ-6

Программное обеспечение и Интернет-ресурсы:

1. Портал «Социально-гуманитарное и политологическое образование» <http://www.humanities.edu.ru>
2. Федеральный портал «Российское образование» <http://www.edu.ru/>
3. Центр религиоведческих исследований «Этна»: <http://ethna.upelsinka.com/>
4. Электронная гуманитарная библиотека <http://www.gumfak.ru/>
5. Научный богословский портал «Богослов» <http://www.bogoslov.ru/>
6. Britannica - www.britannica.com
7. Информационно-аналитический портал <http://www.religo.ru>
8. Информационный портал <http://www.religare.ru>